

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

СТРЕЛЬЦОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА

**КОСТЮМ УКРАИНЦЕВ И БЕЛОРУСОВ В ПРИМОРЬЕ:
АДАПТАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI В.)**

Том 1

Специальность 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография

Диссертация

на соискание учёной степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук,
Ермак Галина Геннадьевна

Владивосток

2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ 1

Введение.....	4
Глава 1. Этнорегиональные и хозяйственно-бытовые особенности формирования украинского и белорусского населения в Приморье.....	33
1.1. Миграционные потоки украинцев и белорусов в Приморье в дореволюционный, советский и постсоветский период.....	33
1.2. Хозяйственно-бытовая культура украинских и белорусских крестьян-переселенцев в конце XIX – начале XX в.....	53
Глава 2. Региональные и локальные особенности одежды украинских и белорусских крестьян-переселенцев в конце XIX – первой трети XX в.....	66
2.1. Основные компоненты одежды украинцев и белорусов в Приморье.....	66
2.2. Этнолокальные комплексы традиционной одежды украинцев и белорусов в Приморье.....	94
Глава 3. Особенности орнамента традиционной одежды украинских и белорусских крестьян-переселенцев.....	105
3.1. Основные декоративные приёмы в оформлении традиционной одежды украинцев и белорусов в Приморье.....	105
3.2. Орнамент как этнокультурный код в традиционном костюме украинцев и белорусов в Приморье.....	118
Глава 4. Традиционная одежда украинских и белорусских крестьян-переселенцев и их потомков в обрядовом комплексе.....	133
4.1. Традиционная одежда украинцев и белорусов в системе семейной обрядности.....	133
4.2. Традиционная одежда украинцев и белорусов в календарно-обрядовом цикле.....	153
Глава 5. Сохранение и трансформации этнокультурных традиций в костюме украинцев и белорусов в Приморье.....	164

5.1. Трансформации костюма украинцев и белорусов в процессе адаптации в Приморье в конце XIX – начале XXI в.....	164
5.2. Формы сохранения и репрезентаций украинского и белорусского костюма в Приморском крае в конце XX – начале XXI в.....	178
Заключение.....	192
Список источников и литературы.....	199
Список сокращений.....	228
Список информантов.....	229

ТОМ 2

Приложение 1. Таблицы.....	3
Приложение 2. Карты.....	21
Приложение 3. Тексты обрядовых песен, записанных в Приморском крае.....	24
Приложение 4. Иллюстрации	30

ВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Проблемы адаптации и трансформации этнической культуры в условиях миграций входят в число приоритетных задач современных этнологических исследований¹. Изучение этнических традиций локальных групп восточнославянского населения в регионах позднего освоения даёт возможность проанализировать степень динамичности и статичности различных компонентов традиционной культуры, выявить особенности их функционирования в условиях адаптации к новой среде, определить их роль в современном полиэтничном обществе.

В формировании восточнославянского населения юга Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. особое место принадлежало украинским и белорусским переселенцам. Именно они составляли основу сельского населения региона. Традиционная культура украинцев и белорусов (особенно выходцев из районов украинско-белорусского пограничья) при всех очевидных отличиях имела много общего. Это изначально было обусловлено территориальной близостью, сходным хозяйственным укладом, общим историческим прошлым восточнославянских народов. В процессе адаптации к новым условиям жизни в Приморье украинцы и белорусы отличались особой консервативностью и достаточно долгое время придерживались своих традиций, что сказалось на относительно высокой степени сохранности их народно-бытовой культуры. Всё это даёт основание рассматривать различные аспекты традиционной культуры украинских и белорусских переселенцев в едином контексте, с учётом выявления общего и особенного.

Одним из малоизученных вопросов в исследовании народно-бытовой культуры украинских и белорусских переселенцев в Приморье является региональная специфика традиционного костюма. Народная одежда как

¹ Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021-2030 годы). М., 2020. С. 101.

неотъемлемая часть материальной и духовной культуры переселенцев – уникальное явление, заслуживающее комплексного исследования. Будучи ярким маркером этничности, костюм украинцев и белорусов не потерял своей актуальности и в настоящее время, что позволяет проследить особенности его бытования и трансформаций в Приморье в хронологических рамках с конца XIX – по начало XXI в.

Актуальность поставленной проблемы заключается в том, что до настоящего времени эта тема не была предметом специального исследования. Между тем, комплексы традиционной одежды украинцев и белорусов, зафиксированные в Приморье, представляют большой научный интерес, поскольку демонстрируют обширный пласт восточнославянской культуры, оказавший значительное влияние на формирование и функционирование местной традиции. Необходимость исследования региональных и локальных особенностей традиционного костюма украинских и белорусских переселенцев и их потомков в Приморье обусловлена проблемами трансформаций народной одежды на разных исторических этапах в контексте адаптационных процессов. Важным аспектом также является актуализация вопросов сохранения и репрезентаций традиционного костюма как объекта этнокультурного наследия и маркера этнической идентичности на современном этапе.

Степень научной разработанности темы. Литературу по теме исследования можно разделить на два блока: теоретико-методологический и конкретно-исследовательский. Литература первого блока представляет собой труды общетеоретического характера, использованные для разработки основных категорий, выбора методик и подходов к теме исследования². Литература второго блока выстроена по проблемному критерию и включает работы общероссийского,

² Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989; Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Ленинград, 1989. С. 63-88; Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983; Козлов В.И. О некоторых проблемах этнической экологии // Этноэкологические аспекты духовной культуры. М., 2005. С. 15-32; Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. № 4. С. 3-17; Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция: Сб. ст. М., 2005; The invention of tradition / Edited by Eric Hobsbawm and Terence Ranger. Cambridge University Press, 2000; Tradition through modernity. Postmodernism and the Nation-State in Folklore Scholarship/ Pertti J. Anttonen. Helsinki, 2005 и др.

сибиреведческого и дальневосточного профиля, прямо или косвенно затрагивающие тематику диссертационного исследования. Помимо этого, рассматриваются публикации украинских и белорусских авторов, посвящённые исследованию традиционного костюма. Указанная литература в соответствии с хронологическим принципом подразделяется на публикации дореволюционного, советского и постсоветского периодов.

Работы дореволюционного периода (конец XIX – начало XX в.), посвящённые традиционной восточнославянской одежде, носят преимущественно описательный характер. Особый интерес для темы данного исследования на начальном этапе историографии представляют очерки, заметки, статистические материалы, в которых приводятся этнографические описания народно-бытовой культуры, включая местные варианты одежды, отражающие региональную и локальную специфику традиционного костюма в местах выхода украинских и белорусских переселенцев в Приморье. Так, в дореволюционных трудах М. Н. Косич содержится ценная информация, касающаяся быта, в том числе одежды, и песенного фольклора белорусов Черниговской губернии³. В этнографических очерках Витебской губернии Н. Я. Никифоровского приводится подробная характеристика мужской, женской одежды, обуви, головных уборов белорусов Витебщины, а также рассматривается процесс производства ткани в домашних условиях⁴. Описание крестьянской одежды белорусов как части народно-бытовой культуры населения Гомельского уезда Могилёвской губернии упоминается во введении к сборнику гомельских народных песен, собранных и записанных З. Ф. Радченко⁵. Важные этнографические материалы, касающиеся одежды белорусов Витебской и Гродненской губерний, содержат труды П. В. Шейна⁶. Заслуживает внимания очерк священника А. Иваницы в Этнографическом сборнике 1853 г., посвящённый описанию быта малороссов

³ Косич М.Н. Литвины-белорусы Черниговской губернии: их быт и песни. СПб., 1902.

⁴ Никифоровский Н.Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск, 1895.

⁵ Радченко З. Гомельские народные песни (белорусские и малорусские): записаны в Дятловицкой волости Гомельского уезда Могилевской губернии Зинаидой Радченко: с приложением 83 местных пословиц. СПб., 1888.

⁶ Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 3. СПб., 1902.

Полтавской губернии Хорольского уезда, в котором, помимо прочего, рассматривается традиционная одежда в соответствии с её типологией (мужская/женская; будничная/праздничная; летняя/зимняя)⁷. В ряду дореволюционных трудов следует отметить также работы Я. Ф. Головацкого, П. П. Чубинского, Н. Степового⁸, в которых приводятся достаточно обширные сведения о локальных особенностях традиционной украинской одежды. В частности, статьи последнего автора, опубликованные в журнале «Киевская старина» по материалам этнографических экспедиций, посвящены крестьянской одежде населения Козелецкого и Нежинского уездов Черниговской губернии.

В конце XIX – начале XX в. на фоне возросшего общественного и научного интереса к народному орнаменту начинают издаваться альбомы с образцами вышивки и ткачества, собранными в разных губерниях Российской империи как частными коллекционерами, так и кустарными комитетами Земских обществ⁹. В целом, этот этап в историографии можно охарактеризовать как время накопления фактического материала и начало его научного осмысления.

Публикации советского периода отличает новый методологический подход, основанный на теоретических принципах, продиктованных идеологическими установками марксизма-ленинизма. На начальном этапе (20-30-е гг. XX в.) в условиях активного развития народного хозяйства, роста музеев, необходимости демонстрации достижений в национально-культурной сфере союзных республик формируется новое научное направление, связанное с собиранием и исследованием народного костюма и комплектованием музейных фондов. Наряду с накоплением фактического материала, разрабатываются и теоретические вопросы, связанные с генезисом, типологией, сравнительным анализом одежды

⁷ Домашний быт малоросса Полтавской губернии Хорольского уезда (Священника А. Иваницы) // Этнографический сборник. Собрание местных этнографических описаний России. СПб., 1853. № 1. С. 342-346.

⁸ Головацкий Я.Ф. О народной одежде и убранстве русинов или русских в Галичине и северо-восточной Венгрии. СПб., 1877; Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной императорским русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные д.чл. П.П. Чубинским. Т. 7, вып. 2. Петербург, 1877. С. 412-433; Степовой Н. Малорусская народная одежда: Козелецкий уезд // Киевская старина. 1893. Т. 43. С. 444-450; Степовой Н. Малорусская народная одежда: Нежинский уезд // Киевская старина. 1893. Т. 41. С. 272-284.

⁹ Сборникъ великорусскихъ и малороссійскихъ узоровъ для вышиванія. СПб., 1877; Украинское народное творчество. Серия III. Рукодельные работы. Выпуск II. Ручники вышитые цветными нитками. Издание кустарного склада Полтавского губернского земства. СПб., 1913; Народні вишивки / Рис.: Ф. Гриневич. Львів, 1930 и др.

разных этнических групп, исследуются вопросы социальной, этнической и обрядовой функций крестьянского костюма. В ряду таких публикаций, относящихся к раннему советскому периоду, важное место занимают труды Б. А. Куфтина, Д. К. Зеленина, Н. И. Лебедевой, Н. И. Гаген-Торн, Н. П. Гринковой¹⁰.

Со второй половины XX в., благодаря обновлённым теоретическим положениям и методологическим подходам, разработанным советскими учеными, получают дальнейшее развитие комплексные исследования в области региональных и локальных особенностей восточнославянской одежды, ткачества, вышивки, разрабатываются проблемы этнографического районирования, картографирования. На данном этапе следует отметить фундаментальные труды Г. С. Масловой¹¹, в которых на основе сравнительно-исторического метода характеризуются этнорегиональные особенности одежды русских, белорусов и украинцев, выдвигаются методологические принципы изучения текстильного орнамента. Вопросы, касающиеся истории формирования, развития, художественного своеобразия украинского костюма с учётом региональной и локальной специфики, освещаются в трудах К. Г. Гуслистого, К. И. Матейко,

¹⁰ Куфтин Б.А. Материальная культура русской мещеры. Ч. 1. Женская одежда: рубаша, понева, сарафан. М., 1926; Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991 [1927]; Лебедева Н.И. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-ом, 1926-ом годах). Ч. I. Народный костюм, пряденье и ткачество. М., 1927; Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX - начале XX в. Восточнослав. этногр. сб.: очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. (Тр. Ин-та этнографии им Н.Н. Миклухо-Маклая, нов сер. Т. XXXI). М., 1956. С. 461-540; Лебедева Н.И. Материальная культура русского населения западных областей (во второй половине XIX – начале XX в.) // Науч. тр. : в 2 т. / Рязан. этнограф. весн.; отв. ред.-сост. и авт. прим. Б.А. Горбунова. Рязань, 1996. Т II. С. 99-132; Лебедева Н.И. Русская крестьянская одежда XIX – начало XX века // Науч. тр.: в 2 т. / Рязан. этнограф. весн.; отв. ред.-сост. и авт. прим. Б.А. Горбунова. Рязань, 1996. Т II. С. 134-175; Гаген-Торн Н.И. К методике изучения одежды в этнографии СССР // Советская этнография. 1933. № 3-4. С. 119-135; Гаген-Торн Н.И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // Советская этнография. 1933. № 5-6. С. 76-88; Гринкова Н.П. Термины вышивания в русских диалектах // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1939. Т. XX. С. 173-191; Гринкова Н.П. Русская понева юго-западных районов РСФСР // Сборник музея антропологии и этнографии: [научные статьи]. М., Л., 1949. Т. 12. С. 5-42.

¹¹ Маслова Г.С. Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды // Советская этнография. 1954. № 2. С. 42-59; Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX - начале XX вв. // Восточнослав. этногр. сб.: очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. (Тр. Ин-та этнографии им Н.Н. Миклухо-Маклая, нов сер. Т. XXXI). М., 1956. С. 543-757; Маслова Г.С. К методике полевого изучения орнамента // Полевые исследования института этнографии. М., 1977. С. 235-243; Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984.

Т. А. Николаевой¹². Региональные особенности народной одежды в контексте материальной культуры белорусов нашли отражение в работе Л. А. Молчановой¹³. Результаты академических исследований в области традиционного белорусского костюма были обобщены в коллективной монографии «Беларускае народнае адзенне»¹⁴. Важные сведения, посвящённые белорусскому народному ткачеству, в том числе последовательные стадии обработки волокна, различные способы изготовления тканей из натуральных материалов и одежды из них, приведены в монографии А. Н. Курилович¹⁵. Разработки в области изучения региональных особенностей белорусского костюма, построенные на основе историко-этнографического районирования, были представлены в работах М. Ф. Романюка и В. С. Титова¹⁶.

В 1980-е –1990-е гг. на фоне возрастающего интереса общественности к традиционной культуре, возрождению народного костюма, ремесел выходят обобщающие монографии по украинскому костюму Т. А. Николаевой, публикации О. Ю. Косминой, Г. Г. Стельмашук, Т. В. Кара-Васильевой¹⁷. Художественное своеобразие белорусской вышивки, ткачества, особенности декоративного оформления народной одежды в контексте народных ремесел и промыслов Белоруссии приводится в публикации Е. М. Сахуто¹⁸. Региональная и

¹² Украинское народное искусство. Одежда / Под общ. ред.: К.Г. Гуслистого. Киев, 1961; Матейко К.І. Український народний одяг. Київ, 1977; Николаева Т.А. Народное моделирование женской одежды и применение его традиций в современной практике (на материалах Украины) // Советская этнография 1977. № 3. С. 72-90; Николаева Т.А. Народные конструктивно-художественные приёмы в традиционной и современной весенне-осенней верхней одежде украинцев // Советская этнография. 1984. № 3. С. 14- 29; Николаева Т.А. Художественные особенности народной украинской одежды конца XIX – начала XX в. как объект этнографического исследования // Советская этнография. 1988. № 6. С. 105-121.

¹³ Молчанова Л.А. Материальная культура белорусов. Минск, 1968.

¹⁴ Беларускае народнае адзенне / [Л.А. Малчанова і інш.]; пад рэд. В.К. Бандарчыка; АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. Мінск, 1975.

¹⁵ Курилович А.Н. Белорусское народное ткачество. Минск, 1981.

¹⁶ Раманюк М.Ф. Беларускае народнае адзенне: альбом. Мінск, 1981; Титов В.С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов: XIX- начало XX в. Минск, 1983.

¹⁷ Николаева Т.А. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1988; Ніколаєва Т. Історія українського костюма. Київ, 1996; Косміна О.Ю. Українське традиційне жіноче вбрання Київщини. Кінець XIX – поч. XX ст. Київ, 1994; Стельмашук Г.Г. Традиційні головні убори українців. Київ, 1993; Кара-Васильєва Т.В. Українська сорочка: Альбом. Київ, 1994; Кара-Васильєва Т.В. Полтавська народна вишивка. Київ, 1983; Кара-Васильєва Т.В. Українська вишивка: Альбом. Київ, 1993; Кара-Васильєва Т.В., Заволокіна А.О. Українська народна вишивка: Альбом. Київ, 1996.

¹⁸ Сахуто Е.М. Художественные ремесла и промыслы Белоруссии. Минск, 1988.

локальная специфика белорусской вышивки рассмотрена О. Е. Фадеевой¹⁹. Одежда украинцев и белорусов всесторонне освещается в специальных разделах историко-этнографических атласов²⁰.

В целом, публикации советского периода отличаются системным и комплексным подходом, разработкой новых методологий и методик, позволяющих теоретически обоснованно решать вопросы материальной культуры, этнической истории, культурно-исторических связей восточнославянских народов.

С начала ХХІ в. вплоть до наших дней отмечается рост интереса к изучению различных аспектов традиционного костюма украинцев и белорусов как на исторической родине, так и в регионах вторичного освоения. Среди публикаций украинских авторов, отражающих этнорегиональные особенности традиционного украинского костюма на современном этапе, можно отметить работы О. Ю. Косминой, Г. Г. Стельмашук, Т. В. Кара-Васильевой, С. А. Китовой²¹. Комплексные исследования в области традиционного белорусского костюма получили развитие в работе Л. И. Маленко²². Семантика текстильного белорусского орнамента отражена в монографии Г. Р. Нечаевой²³. В работе О. А. Лобачевской, посвящённой белорусскому текстилю, разрабатываются проблемы художественного развития белорусских народных тканей с учётом региональной и гендерной специфики²⁴. Научно-популярное издание О. А. Лобачевской и З. И. Зиминной «Белорусский народный костюм: крой, вышивка, декоративные швы», помимо научной ценности, представляет большой практический интерес, поскольку содержит многочисленные

¹⁹ Фадеева О.Е. Белорусская народная вышивка. Минск, 1991.

²⁰ Белорусы / Отв. ред. В.К. Бондарчик, Р.А. Григорьева, М.Ф. Пилипенко. М., 1998; Украинцы / Ред.: Н.С. Полещук, А.П. Пономарев. М., 2000.

²¹ Косміна О.Ю. Українське народне вбрання. Київ, 2006; Косміна О.Ю. Традиційне вбрання українців. Т. 1. Лісостеп. Степ. Київ, 2008; Стельмашук Г.Г. Давні вбрання на Волині: Етнографічно-мистецтвознавче дослідження: монографія. Луцьк, 2006; Кара-Васильєва Т. Історія української вишивки [кніга-альбом]. Київ, 2008; Китова С. Полотняний літопис України: Семантика орнаменту українського рушника. 2-е вид. Черкаси, 2003.

²² Маленка Л.І. Беларускі народны касцюм. Мінск, 2001.

²³ Арнаменты Падняпроўя / аўт. тэксту Г.Р. Нячаева і інш. Мінск, 2004.

²⁴ Лобачевская О.А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации. Минск, 2013.

иллюстрации, схемы и подробное описание различных техник вышивки и декоративной отделки²⁵. Особого внимания заслуживают труды М. Н. Винниковой, в которых на основе обобщения накопленного научного материала и использования метода реконструкций восстановлены отдельные компоненты и локальные комплексы белорусского костюма²⁶. Основные положения, касающиеся особенностей локальных вариантов традиционной белорусской одежды, отражающих специфику костюма брянско-гомельского пограничья, приведены в статьях И. Ю. Смирновой²⁷. Следует отметить также публикации П. А. Богдан, посвященные локальному своеобразию традиционных белорусских поясов и головных уборов²⁸.

Важное значение для настоящей диссертации имели труды, в которых освещаются проблемы функционирования этнокультурных традиций в регионах белорусско-российско-украинского пограничья, являющимися территориями выхода украинских и белорусских переселенцев в Приморье. В ряду таких публикаций можно отметить монографию Л. Н. Чижиковой «Русско-украинское пограничье: история и судьба традиционно-бытовой культуры (XIX-XX в.)»²⁹, посвященную исследованию региональных культур пограничья, коллективный

²⁵ Лобачевская О.А., Зимица З.И. Белорусский народный костюм. Минск, 2009.

²⁶ Віннікава М.Н. Традыцыйны беларускі касцюм: альбом / Марыя Віннікава, Паліна Богдан. Мінск, 2016; Винникова М.Н. Реконструкция локальных вариантов традиционного белорусского костюма с использованием материалов из собраний музеев России и Беларуси // Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Рос. акад. наук; отв. ред. А.А. Новик. СПб., 2013. Т. 58. С. 325-359; Винникова М.Н. О реконструкции смыслового значения и способов ношения женских головных уборов Туровщины (по материалам белорусской коллекции МАЭ) // Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Рос. акад. наук; отв. ред. А.А. Новик. СПб., 2011. Т. 57. С. 93-110.

²⁷ Смирнова И.Ю. Возрастная дифференциация женской одежды Неглюбского строя // Навуковыя запіскі Веткаўскага музея народнай творчасці. Гомель, 2004. С. 107-110; Смирнова И.Ю. Женские головные уборы гомельско-брянского пограничья (Неглюбский регион) // Материалы международной научной конференции Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. СПб., 2005. С. 298-302; Смирнова И.Ю. Неглюбский строй. Территория бытования как этнокультурный ареал // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 27 / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі; навук. рэд. А.І. Лакотка. Мінск, 2020. С. 467-473; Смирнова И.Ю. Понева-плахта в традиционном костюме гомельско-брянского пограничья (Неглюбский строй) // Единство и разнообразие славянского народного костюма. Сб. статей. Смоленск, 2010. С. 89-96.

²⁸ Богдан П.А. Традиционные пояса белорусского Поднепровья // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. Материалы 11-й международной научной конференции / под ред. Н.М. Калашниковой. СПб., 2008. С. 160-165; Богдан П.А. Традиционные белорусские пояса Поозерья // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. Материалы 12-й международной научной конференции / под ред. Н.М. Калашниковой. СПб., 2009. С. 264-268; Богдан П.А. Платки в традиционном костюме белорусов // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: матер. XVI междунар. науч. конф. / под ред. Н.М. Калашниковой. СПб., 2013. С. 100-105.

²⁹ Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М., 1988.

труд украинских и белорусских учёных «Полесье: материальная культура»³⁰, в котором рассматриваются особенности традиционно-бытовой культуры в этноконтактной зоне украинско-белорусского пограничья. Среди публикаций последних лет, затрагивающих данную проблему в контексте новых социально-политических реалий, актуализации вопросов современной идентичности и этнокультурной истории населения пограничья, следует выделить совместную работу белорусских и российских авторов «Белорусско-русское пограничье: этнологическое исследование»³¹, а также сборник научных статей «Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья»³². Особого внимания заслуживают статьи Л. Г. Пономар, освещающие проблемы функционирования традиционной одежды украинцев и белорусов в этноконтактных зонах с точки зрения ареального и этногенетического аспектов³³, а также работы Т. А. Лисовой, в которых рассмотрена этническая специфика семейных обрядов русско-белорусского пограничья³⁴.

В историографии обозначенной темы значимое место для настоящего исследования занимают труды, посвящённые социально-экономическим аспектам крестьянских переселений на Дальний Восток, формированию восточнославянского населения и особенностям хозяйственно-бытовой культуры украинцев и белорусов в Приморье.

В публикациях конца XIX – начала XX в. поднимаются вопросы переселенческой политики государства, освоения новых земель, хозяйственной деятельности населения (Н. А. Крюков, Г. Е. Грум-Гржимайло, Ф. Ф. Буссе,

³⁰ Полесье. Материальная культура / В.К. Бондарчик, И.Н. Браим, Н.И. Бураковская. Киев, 1988.

³¹ Белорусско-русское пограничье: Этнологическое исследование: Монография / Отв. ред. Р.А. Григорьева, М.Ю. Мартынова. М., 2005.

³² Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья / Ред.-составитель М.Ю. Мартынова. М., 2012.

³³ Пономар Л.Г. Народная одежда украинско-белорусского и украинско-польского пограничья: ареальный и этногенетический аспекты исследования // Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья / Ред.-составитель М. Ю. Мартынова. М., 2012. С. 149-181; Ponomar L. Linguistic and ethnographic research on the traditional costume of the Polesie region // Folk dress as a cultural phenomenon. Wrocław: Polish ethnological society, 2013. p. 48-55.

³⁴ Лисова Т.А. Региональная специфика обрядовой культуры (на примере семейной обрядности) // Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование. М., 2005. С. 235-349; Лисова Т.А. Семейные обряды русско-белорусского пограничья в контексте этнополитической истории. XIX – начало XXI в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. М., 2006.

П. Ф. Унтербергер, А. А. Кауфман, А. А. Меньщиков)³⁵. Важные сведения по развитию кустарных промыслов в крае содержатся в материалах Дальневосточного кустарного комитета, организованного в конце 1912 г., где на основе анкетного обследования анализируется распространение кустарной промышленности в соответствии с хозяйственно-промысловыми зонами Приморской области³⁶. В частности, приводится информация о развитии кожевенного, сапожного, скорняжного, портняжного ремесла, льняного, пенькового, шерстяного производства, а также вышивания, вязания, ткачества и пр.

В последующий период (20-е – 80-е гг. XX в.) исследуются новые аспекты в истории освоения дальневосточного региона, разрабатываются социально-экономические, демографические, историко-культурные проблемы, получившие развитие в работах А. П. Георгиевского, В. К. Арсеньева, В. М. Кабузана, Н. А. Якименко, Ю. Н. Осипова³⁷.

Современный этап (с конца 1990-х гг. по настоящее время) отличается широким спектром подходов в исследовании этнокультурных процессов на территории юга Дальнего Востока. Впервые выдвигаются проблемы этничности,

³⁵ Крюков Н.А. Очерк сельского хозяйства в Приморской области / [Соч.] Н.А. Крюкова. СПб., 1893; Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области / под ред. [и с предисл.] П.П. Семенова. СПб., 1894; Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. СПб., 1896; Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856-1898 гг. Очерк П. Ф. Унтербергера. СПб., 1900; Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905; Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том III (текст). Составил А.А. Меньщиков. Под ред. А.А. Татищева. Саратов, 1912; Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том IV (описание селений). Составил А.А. Меньщиков. Под ред. А.А. Татищева. Саратов, 1912; Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Новоселы, наделенные по душевой норме. Том V (Таблицы и текст). Составил А.А. Меньщиков. Под ред. Б.Н. Клепинина. Владивосток, 1914; Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Том VI (Таблицы). Выпуск второй. Бюджеты Приморских крестьян. Составил А.А. Меньщиков. Под ред. Б.Н. Клепинина. Владивосток, 1917.

³⁶ Опыт анкетного обследования кустарно-ремесленной промышленности Приморской области / Под ред. Члена Делопроизводителя Комитета Н.П. Первушина и члена комитета Л.И. Звездина. Хабаровск, 1913.

³⁷ Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк. Выпуск 2-й. Вопрос о русских говорах побережья залива Петра Великого. Владивосток, 1927; Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк. Выпуск IV. Фольклор Приморья. Владивосток, 1929; Георгиевский А.П. Диалектология ДВ края в связи с этнологией. Владивосток, 1930; Арсеньев В.К. Население Дальнего Востока как производительный фактор. М., 1926; Арсеньев В.К. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск-Владивосток, 1928; Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток: вторая половина XVII - начало XX века. 2-е изд., доп. Хабаровск, 1976; Якименко Н. А. Переселение крестьян на Дальний Восток в конце XIX – начале XX в. (на примере выходцев с Украины) // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма. Владивосток, 1989. С. 81-92; Осипов Ю.Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855-1917 гг.: Монография. 2-е издание, дополн. Хабаровск, 2008.

этнокультурной истории и этнического самосознания, разрабатываются аспекты хозяйственного и семейного быта, материальной и духовной культуры различных этнических и этноконфессиональных групп восточнославянского населения (Ю. В. Аргудяева, Л. Е. Фетисова, Г. Г. Ермак, В. В. Кобко, Л. М. Свиридова, И. В. Семёнова)³⁸.

Одно из актуальных направлений в современных этнологических исследованиях посвящено изучению адаптационных процессов в народно-бытовой культуре восточнославянского населения Сибири и Дальнего Востока. В этом контексте показательна статья В. А. Липинской «Историко-экологические особенности традиционной культуры русского населения Сибири и Дальнего Востока»³⁹, где на основе сравнительного анализа автор приводит характерные черты хозяйственной деятельности и материальной культуры русских с учётом процесса адаптации к новой экологической и этнической среде на обширной территории Зауралья. Исследованию адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири посвящена статья О. Н. Шелегиной⁴⁰. В ряду публикаций последних лет с аналогичной

³⁸ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993; Аргудяева Ю.В. Проблемы этнической истории восточных славян Приморья и Приамурья // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. Доклады и сообщения научной конференции. Южно-Сахалинск, 1994. С. 18-28; Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000; Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.). М., 1997; Аргудяева Ю.В. Этнодемографическая история украинцев в сельских районах Дальнего Востока России (вторая половина XIX в. – начало XX в.) // Украинцы на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток, 2008. С. 48-64; Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002; Фетисова Л.Е. Трансформация пространства культуры восточных славян на дальневосточном фронтире // Славянский мир в контексте развития Тихоокеанской России и международных отношений в АТР: Мат-лы научно-прак. конф. Владивосток, 2015. С. 114-128; Ермак Г.Г. Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России: Вторая половина XIX – начало XX века. Владивосток, 2004; Ермак Г.Г. Этнокультурная история и этническое самосознание украинского населения юга Дальнего Востока России // Украинцы на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток, 2008. С. 75-84; Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000; Кобко В.В. Старообрядцы Приморья: история, традиции (сер. XIX в. – 30 гг. XX в.) Владивосток, 2004; Кобко В.В. Традиционная одежда старообрядцев Приморья // Русская народная одежда: ист.-этногр. очерки. М., 2011. С. 605-648; Фольклор Дальнеречья, собранный Е.Н. Сыстеровой и Е.А. Ляховой. Сборник / Сост.: Л.М. Свиридова. Владивосток, 1986; Традиционная свадьба: Свадебный обряд переселенцев Черниговской губернии в Приморье / Сост.: И.В. Семёнова. Владивосток, 1998; Семёнова И.В., Семёнов О.В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003; Семёнова И.В. Песенная система фольклора Приморья: сравнительно-адаптационный аспект (на материале культуры черниговских переселенцев) : автореф. дис. ... канд. иск. н. Владивосток, 2006.

³⁹ Липинская В.А. Историко-экологические особенности традиционной культуры русского населения Сибири и Дальнего Востока // Россия и АТР. 2003. № 4. С. 83-101.

⁴⁰ Шелегина О.Н. Результаты и перспективы изучения адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – начало XX века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26). С. 116-125.

проблематикой следует отметить докторские диссертации Д. Г. Коровушкина и Р. Ю. Фёдорова, в которых особенности традиционной культуры и этнокультурного развития сельского населения Западной Сибири и Дальнего Востока, в том числе украинских и белорусских переселенцев, рассматриваются в исторической динамике с позиций их адаптации к новым природно-климатическим условиям, а также к инокультурным традициям и инновациям⁴¹.

В трудах дальневосточных исследователей подчёркивается этнический характер адаптации восточных славян, особо выделяется адаптационная функция культуры. Среди таких работ можно выделить статьи Ю. В. Аргудяевой, коллективную монографию Л. Е. Фетисовой, Г. Г. Ермак и М. Б. Сердюк, а также публикации Л. Е. Фетисовой, посвящённые хозяйственной и этнокультурной адаптации восточных славян в Приморье⁴².

Проблема исследования одежды восточных славян, в частности, украинцев и белорусов, в регионах вторичного освоения в разной степени освещалась в трудах дальневосточных и сибирских ученых. В работах современных исследователей этнокультурных традиций восточнославянского населения Приморья затрагиваются отдельные вопросы производства и бытования народного костюма украинцев и белорусов. Так, в публикациях Ю. В. Аргудяевой, посвящённых проблемам крестьянской семьи и хозяйственно-бытовой культуры восточных славян в Приморье, подробно описываются процессы производства традиционной одежды в местных условиях, обрядовые

⁴¹ Коровушкин Д.Г. Диаспоры в Западной Сибири: особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX – начале XXI в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. Новосибирск, 2009; Фёдоров Р.Ю. Особенности традиционной культуры и динамика этнокультурных процессов у белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XXI века) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.07. Тюмень, 2020.

⁴² Аргудяева Ю.В. Хозяйственная адаптация старообрядцев в Приморье // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в.: Сб. науч. ст. Владивосток, 2000. С. 8-26; Аргудяева Ю.В. Трансформация хозяйственной деятельности старообрядцев Приморья // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций. Владивосток, 2004. С. 109-121; Фетисова Л.Е., Ермак Г.Г., Сердюк М.Б. Традиционный восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.): адаптационный аспект. Владивосток, 2004; Фетисова Л.Е. Традиционный фольклор и культурная адаптация восточных славян на юге Дальнего Востока // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. Доклады и сообщения научной конференции. Южно-Сахалинск, 1994. С. 47-55; Фетисова Л.Е. Хозяйственная и культурная адаптация восточных славян на юге Дальнего Востока // Этнос и природная среда. Владивосток, 1997. С. 87-104; Фетисова Л.Е. Адаптационная роль фольклора в системе бытовой культуры первопоселенцев Приамурья и Приморья // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в.: Сб. науч. ст. Владивосток, 2000. С. 26-35.

функции некоторых предметов одежды⁴³. В монографии Л. Е. Фетисовой, а также в совместной статье О. В. Моисеенко и Л. Е. Фетисовой, основанной на полевых исследованиях в сёлах Партизанского района Приморского края, приводятся сведения об этнокультурных особенностях одежды белорусских переселенцев в Приморье⁴⁴.

Вопросы адаптации и трансформации традиционной одежды восточных славян в Сибири исследуются в работах Л. М. Сабуровой, О. Н. Шелегиной, Е. Ф. Фурсовой, М. А. Жигуновой⁴⁵. Трансформации одежды украинского сельского населения Западной Сибири в контексте семейного быта рассмотрены в коллективной монографии сибирских учёных⁴⁶. Среди публикаций, посвящённых одежде восточнославянского населения Западной Сибири и Дальнего Востока, важное место занимают каталоги этнографических коллекций музейных собраний данных регионов⁴⁷.

Таким образом, анализ литературы показал, что проблема изучения региональных особенностей костюма украинцев и белорусов в Приморье в контексте трансформации и адаптации этнокультурных традиций освещена

⁴³ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993; Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.). М., 1997.

⁴⁴ Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002; Моисеенко О.В., Фетисова Л.Е. Народно-бытовая культура белорусских переселенцев в Приморье // Вестник ДВО РАН. 2001. № 3. С. 37-52.

⁴⁵ Сабурова Л.М. Одежда русского населения Сибири // Из культурного наследия народов России. (Сборник МАЭ, т. 28). Л., 1972. С. 99-139; Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1992; Фурсова Е.Ф. Трансформации традиционной женской одежды белорусов в Сибири начала XX в. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2008. Т. XIV. С. 375-379; Фурсова Е.Ф., Васеха Л.И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX – первой трети XX века (по материалам Новосибирской области). Ч. 1. Новосибирск, 2004; Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда восточнославянских народов в Новосибирской области (конец XIX – первая половина XX века). Новосибирск, 2013; Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири. Новосибирск, 2015; Фурсова Е.Ф. Символика традиционной одежды как проявление этнокультурных идентичностей «свои/другие» в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 2. С. 63-66; Жигунова М.А. Современные проблемы изучения, сохранения и использования народного костюма в Сибири // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 1 (13). С. 176-179.

⁴⁶ Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX – XX веке: монография / Н.С. Грибанова, И.В. Чернова, Н.В. Люля, А.С. Свидовская. Барнаул, 2017.

⁴⁷ Одежда русских в коллекциях Новосибирского государственного краеведческого музея / Отв. ред. Н.А. Томилов, Д.Г. Коровушкин. Новосибирск, 2002; Жигунова М.А., Захарова И.В. Культура восточных славян в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. Омск, 2009; Рубахи славян-переселенцев Дальнего Востока России: каталог / сост. В.М. Редчун. Хабаровск, 2007.

недостаточно. Необходимо отметить как отсутствие специальных исследований по данной тематике, так и малочисленность сведений в трудах по хозяйственно-бытовой культуре восточнославянских переселенцев на юге Дальнего Востока. Тем не менее, в отечественной историографии создана определённая теоретическая и эмпирическая база для обобщения имеющихся данных и всестороннего рассмотрения поставленной проблемы.

Объектом исследования является традиционный костюм украинцев и белорусов в Приморье в конце XIX – начале XXI в.

Предмет исследования – особенности трансформации этнокультурных традиций в костюме украинцев и белорусов в условиях адаптации в Приморье в конце XIX – начале XXI в.

Цель работы заключается в том, чтобы выявить региональные особенности костюма украинцев и белорусов в Приморье в контексте трансформации и адаптации этнокультурных традиций.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- проанализировать этнорегиональные и хозяйственно-бытовые аспекты формирования украинского и белорусского населения в Приморье;
- исследовать региональную и локальную специфику традиционного костюма украинских и белорусских крестьян-переселенцев в Приморье в конце XIX – первой трети XX в.;
- выявить особенности орнаментации традиционной одежды украинских и белорусских крестьян-переселенцев;
- обозначить место и роль традиционной одежды украинцев и белорусов Приморья в системе семейной обрядности и календарно-обрядового комплекса;
- охарактеризовать механизмы трансформаций традиционной одежды украинцев и белорусов Приморья в процессе адаптации в разные исторические периоды, а также рассмотреть актуальные способы сохранения и репрезентаций традиционного костюма на современном этапе.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают конец XIX – начало XXI в. Выбор временных границ объясняется тем, что

активное заселение Приморья украинцами и белорусами и, соответственно, бытование их традиционной одежды в регионе началось в 80-е гг. XIX в. Начало XXI в. – конечная грань исследования – обусловлена функционированием традиционного костюма в наши дни в новом качестве, когда в результате различных факторов народная одежда в основном переместилась из бытовой сферы в сценическое и музейно-выставочное пространство.

Территориальные рамки работы определены территорией современного Приморского края. Именно в этом регионе, до 1920 г. входившим в состав Приморской области под названием Южно-Уссурийский край, компактно расселились локальные группы крестьянского населения украинцев и белорусов, носителей самобытной народно-бытовой культуры.

Методология и методы исследования обусловлены его целями и задачами. Методологическую базу исследования составляет комплекс подходов, принятых в этнологии, культурологии, семиотике, этноэкологии. В основу данной работы положен принцип историзма, реализация которого предполагает рассмотрение явлений культуры в их динамике, развитии, становлении в ходе исторического процесса.

В осмыслении поставленной проблемы применялись такие ключевые категории, как «традиция» и «инновация». При всем разнообразии определений понятия «традиция» в научной литературе их объединяет сохранение первоначального смысла этого слова (лат. *tradicio* – передача, предание), что говорит об устойчивости и преемственности. Эти качества позволяют рассматривать традицию как «выраженный в социально-организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах»⁴⁸. По определению Ю. В. Бромлей, к традиционным «относятся лишь те устойчивые явления общественной жизни, трансмиссия которых является доменом общественного сознания»⁴⁹. На современном этапе одним из актуальных

⁴⁸ Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 80.

⁴⁹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М, 1983. С. 131.

направлений в изучении этнокультурных традиций является системный подход, в соответствии с которым традиция выступает как система, обеспечивающая информационные связи между поколениями. При этом, «выполняя информационную функцию, этническая традиция проходит непрерывные и взаимосвязанные процессы аккумуляции, трансформации и трансляции»⁵⁰. Так, анализируя взаимодействие традиции и инновации, С. А. Арутюнов приходит к выводу, что «традиции могут существовать без инноваций, но не наоборот; традиция абсолютно необходима для самого поддержания существования общества; инновация необходима для его развития»⁵¹. Проблема соотношения традиции и инновации в зарубежных исследованиях рассматривается в основном с позиций постмодернизма в русле конструктивистских идей, актуализирующих проблему переоценки традиций в современном обществе. В трудах таких зарубежных авторов, как Э. Хобсбаум, Т. Рэнджер традиция выступает как «символическая конструкция, непрерывно творимая живущими поколениями и меняющаяся в зависимости от субъективной интерпретации и переосмысления»⁵². Э. Хобсбаум и Т. Рэнджер используют термин *invented tradition*, исследуя проблему «изобретённых традиций». По мнению учёных, специфика «изобретённых традиций» как совокупности общественных практик ритуального или символического характера состоит в разрыве в преемственности, а также в том, что их связь с историческим прошлым по большей части фиктивна⁵³. Финский исследователь П. Анттонен говорит о том, что понятие «традиция» неотделимо от понятия «современность» (modernity) в контексте культурной преемственности и исторического опыта. Соответственно, традицию, а также социальные процессы, связанные с этим понятием, следует рассматривать в рамках социально обусловленных дискурсов с позиций современности⁵⁴.

⁵⁰ Нехвядович Л.И. Многообразие подходов к определению понятия «этническая традиция» // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-3. С. 183.

⁵¹ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 161.

⁵² Нехвядович Л.И. Многообразие подходов к определению понятия «этническая традиция» // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-3. С. 181.

⁵³ The invention of tradition / Edited by Eric Hobsbawm and Terence Ranger, 2000. P. 1-7.

⁵⁴ Tradition through modernity. Postmodernism and the Nation-State in Folklore Scholarship/ Pertti J. Anttonen. Helsinki, 2005. P. 12.

Использование различных подходов в разработке категорий «традиция» и «инновация» в рамках настоящего исследования позволило подробно рассмотреть особенности трансформации традиционного костюма украинцев и белорусов Приморья и выявить степень сохранности и изменчивости отдельных видов одежды на разных исторических этапах. Изучение форм взаимодействия традиций и инноваций осуществлялось в контексте процессов адаптации к новой природной, социально-экономической и этнокультурной среде, повлекших различного рода трансформации как в народно-бытовой культуре в целом, так и в традиционном костюме в частности.

В настоящей работе адаптация украинских и белорусских переселенцев в Приморье рассматривается как один из базовых факторов трансформации их традиционной культуры с позиций пространственного и временного векторов. В первом случае исследуются региональные особенности адаптации к новой экологической и этнокультурной среде, обусловившей изменения в традиционном костюме переселенцев на начальном этапе освоения новой территории; во втором – выявляются трансформации традиционной одежды, происходящие в процессе адаптации переселенцев и их потомков к социально-экономическим изменениям на протяжении последующего времени вплоть до начала ХХI в.

Как отмечает В. А. Тишков, «адаптация – междисциплинарный, полисемантический термин, использующийся во многих областях знаний естественнонаучного и гуманитарного профиля как инструмент познания отдельных аспектов взаимодействия социальных и природных систем, т.е. так называемой коэволюции»⁵⁵. По мнению О. Н. Шелегиной, «адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения можно рассматривать как взаимодействие субъектов адаптации с внешней средой, направленное на создание адекватных новым условиям форм материальной культуры, их последующее прогрессивное развитие, формирование ментальных установок, способствующих стремлению к

⁵⁵ Тишков В.А. Введение. Историко-культурные адаптации: теория и результаты исследований // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков; Отд-ние ист.-филол. Наук РАН. М., 2010. С. 5.

комфортному образу жизни»⁵⁶. При этом среди адаптивных факторов, определяющих характер адаптации русского населения в Сибири, автор выделяет экологический, социально-экономический и этнокультурный⁵⁷. В своей статье «Колонизация в антропологии движения» А. В. Головнёв говорит о том, что «адаптация, играющая ключевую роль в колонизации, условно разделяется на двухмерную (экоадаптацию) и трёхмерную (экосоциоадаптацию)»⁵⁸.

С позиций этнической экологии адаптация к природной среде является важным фактором в традиционных системах жизнеобеспечения этнических групп⁵⁹. Наряду с адаптацией к природной среде, не менее значимым аспектом представляется социокультурная адаптация переселенцев. Особенно это касается локальных переселенческих групп, которые зачастую вынуждены приспосабливаться не только к новым географическим, социальным, хозяйственным условиям, но и к иному этнокультурному окружению. Говоря о социокультурной адаптации, необходимо учитывать, что её, как правило, связывают с приспособлением к новому культурно-бытовому пространству, этническим традициям, особенностям материальной и духовной культуры. Исследователи отмечают, что «это понятие в полную силу может относиться только к группам людей, оказавшимся среди населения с иной культурой (язык, религия и т. п.) и желающим приспособиться к жизни в новой среде»⁶⁰. Как утверждает Л. Е. Фетисова, одним из важнейших механизмов социокультурной адаптации является «оптимальное сочетание адаптивной и адаптирующей деятельности, варьируемое в зависимости от конкретных ситуаций»⁶¹.

В контексте современных исследований форм и способов трансформаций в социально-культурной сфере существует понятие «логика трансформаций», на

⁵⁶ Шелегина О.Н. Результаты и перспективы изучения адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII - начало XX в.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26). С. 118.

⁵⁷ Там же. С. 119.

⁵⁸ Головнёв А.В. Колонизация в антропологии движения // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 7.

⁵⁹ Козлов В.И. О некоторых проблемах этнической экологии // Этноэкологические аспекты духовной культуры. М., 2005. С. 21.

⁶⁰ Там же. С. 22.

⁶¹ Фетисова Л.Е., Ермак Г.Г., Сердюк М.Б. Традиционный восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.): адаптационный аспект. Владивосток, 2004. С. 3.

основе которого выделяется два основных типа логик, определяющих направленность и способы реализации трансформационных процессов: 1) логика региональных (глобальных) изменений, которые осуществляются посредством «верховых» инициатив; 2) логика локальных изменений, построенных на «низовых» инициативах⁶². Данный подход позволил рассмотреть механизмы трансформаций традиции в процессе инноваций с учётом пространственных компонентов.

При анализе проблемы трансформаций явлений традиционной культуры украинских и белорусских переселенцев в процессе их адаптации в Приморье использовались также сформулированные Е. Ф. Фурсовой понятия «переселенческой» и «исходной» моделей, на основе которых исследуется степень изменчивости или устойчивости элементов народно-бытовой культуры в регионах позднего освоения⁶³.

Системный подход позволил рассмотреть традиционный костюм украинцев и белорусов как неотъемлемую часть материальной и духовной культуры восточных славян и как самостоятельное явление народной культуры. В осмыслении роли традиционного костюма в качестве культурного феномена и объекта реконструкции в современном обществе были использованы выводы некоторых зарубежных авторов⁶⁴.

На основе историко-генетического подхода удалось выявить особенности формирования различных этнокультурных групп украинцев и белорусов в Приморье. Использование сравнительно-исторического метода позволило зафиксировать типологические и региональные сходства и различия в бытовании традиционного костюма в регионах выхода и вторичного освоения на разных исторических этапах.

⁶² Логика трансформаций: региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов / Морозов И.А., Слепцова И.С., Самоделова Е.А., Куприянов П.С., Чеснокова Е.Г.; отв. ред. И.А. Морозов, И.С. Слепцова. М., 2019. С. 15.

⁶³ Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры / Е.Ф. Фурсова, А.В. Титовец (руководители авторского коллектива), А.А. Люцидарская и др. Новосибирск, 2011. С. 349.

⁶⁴ Folk dress as a cultural phenomenon / Scientific editors: Anna Weronika Brzezinska, Mariona Tymochowicz. Wroclaw: Polish ethnological society. 2013; The techniques of tablet weaving/ by Peter Collingwood. Oregon, U.S.A. 2002; Sheila Paine. Embroidered Textiles: A World Guide to Traditional Patterns. © 1990 and 2008. London.

В раскрытии функциональных особенностей традиционного костюма украинцев и белорусов мы опирались на теоретические выводы П. Г. Богатырёва, который одним из первых в отечественной этнографии проанализировал особенности обрядовой одежды, показав взаимосвязь различных функций, свойственных традиционному костюму в контексте структуры функций. На основе структурного метода П. Г. Богатырёву удалось показать, что соотношение между утилитарными и символическими функциями того или иного предмета одежды зависело от ситуации, обыденной или обрядовой⁶⁵.

Метод типологии, широко используемый в современных научных дисциплинах, позволил осуществить систематизацию отдельных компонентов одежды украинцев и белорусов, а также выделить их основные комплексы на территории вторичного освоения. Ретроспективный метод применялся для реконструкции комплексов украинского и белорусского костюма, бытовавших на территории Приморья в конце XIX – начале XX в.

Для анализа знаковых функций традиционного костюма использовался структурно-семиотический метод, применяемый в работах А. К. Байбурина⁶⁶, Ю. М. Лотмана⁶⁷, О. В. Лысенко⁶⁸ и других учёных. В исследовании обрядовых функций традиционного костюма большое внимание уделялось «символическому языку одежды». Еще в 30-е гг. XX в. Н. И. Гаген-Торн рассматривала традиционную одежду как паспорт человека, указывающий на этническую, половозрастную и социальную принадлежность, и как символ, отражающий магические представления данной этнической группы⁶⁹. Исследуя функции традиционной одежды, С. А. Токарев обращает внимание на то, что, наряду с

⁶⁵ Богатырёв П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

⁶⁶ Байбурин А.К. Пояс (к семиотике вещей) // Сборник музея антропологии и этнографии. Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб., 1992. С. 5-13; Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993; Байбурин А.К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Сборник научных трудов / Отв. ред. Б.Н. Путилов. Л., 1990. С. 3-17; Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / Отв. ред. А.С. Мильников. Л., 1989. С. 63-88.

⁶⁷ Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992.

⁶⁸ Лысенко О.В. «Красный пояс»: цветовой и предметный коды в восточнославянской этнокультурной традиции // Музей. Традиции. Этничность. XX – XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского Этнографического музея. СПб., Кишинев, 2002.

⁶⁹ Гаген-Торн Н.И. К методике изучения одежды в этнографии СССР // Советская этнография. 1933. № 3-4. С. 122.

первичными функциями (защитной и декоративной), существенное значение имеют и вторичные функции: полоразделительная и социально-разделительная, распространяющиеся и на обрядовую одежду⁷⁰. Важные сведения в области этносемиотики содержатся в трудах А. К. Байбурина. Так, делая упор на «единстве символического и практического» в традиционной культуре, учёный вводит понятие «семиотического статуса вещей» для определения степени семиотичности предмета в конкретном контексте⁷¹.

Исследование текстильного орнамента осуществлялось в контексте семантического подхода в соответствии с основными положениями, изложенными в статьях А. Л. Топоркова⁷², Н. И. Толстого⁷³, О. М. Рындиной⁷⁴, Т. А. Зимин⁷⁵. Так, по мнению А. Л. Топоркова, «простейший способ семантизации заключается в том, что предмет наделяется символическим значением на основе его отдельных характеристик по форме (например, круглый, крестообразный), цвету, материалу и т.д. Каждая из этих характеристик, в свою очередь, может иметь символический смысл (ср. символику круга, креста, отдельных цветов...)»⁷⁶.

Полевые методы исследования. При сборе полевого материала использовались такие методы, как включённое наблюдение, измерение, метод фиксации материала с помощью фотоаппаратуры, зарисовок и графических схем. В работе также был применен метод картографирования, позволивший уточнить места компактного поселения локальных групп украинцев и белорусов на

⁷⁰ Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. № 4. С. 8.

⁷¹ Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / Отв. ред. А.С. Мыльников. Л., 1989. С. 71.

⁷² Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Ленинград, 1989. С. 89-101.

⁷³ Толстой Н.И. К реконструкции семантики и функции некоторых славянских изобразительных и словесных символов и мотивов // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Сборник научных трудов. Л., 1990. С. 47-67.

⁷⁴ Рындина О.М. Комплексная природа орнамента и методика ее исследования // Археология, антропология и этнография Сибири. Сборник, посвященный памяти антрополога А.Р. Кима. Барнаул, 1996. С. 97-105.

⁷⁵ Зими́на Т.А. Знаковые функции орнаментики традиционного женского костюма (на материале белгородской коллекции Т.А. Лопатиной) // Музей. Традиции. Этничность. XX – XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского Этнографического музея. СПб.; Кишинев, 2002. С. 114-119.

⁷⁶ Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Ленинград, 1989. С. 94.

территории Приморья. Помимо этого, активно привлекался опрос информантов, проводившийся как с помощью интервью, так и посредством анкетирования.

Источниковая база работы состоит из корпуса опубликованных и неопубликованных источников, в числе которых музейные коллекции, данные полевых исследований, архивные документы, статистические источники, а также публицистические, лингвистические и фольклорные материалы.

Основным источником для настоящего исследования послужили коллекции одежды украинских и белорусских переселенцев, представленные в музеях Приморского края⁷⁷. Важным источником стали также предметы одежды белорусских переселенцев, собранные во время экспедиций в Приморский и Хабаровский края в 1990-е гг. и хранящиеся в фондах Музея истории древнебелорусской культуры Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси. Материалы этой коллекции были любезно предоставлены для работы автору диссертационного исследования белорусскими коллегами.

Всего было исследовано 160 наименований одежды переселенцев, в том числе мужские и женские сорочки, керсетки, плахты, юбки, юбки с лифом/ саян с кабатом, фартуки, штаны, головные уборы, верхняя одежда, обувь, пояса, украшения. Помимо одежды, рассматривались различные орудия труда, необходимые для производства домотканого полотна и обуви, среди которых – трепала, гребни, веретёна, самопрялки, скально, ткацкий станок, колодки для изготовления обуви, инструмент для плетения лаптей (кочедык) и т.д. (всего около 60 предметов).

Источниковую базу составили также полевые материалы автора, собранные с 2004 по 2022 г. в ходе общения с носителями традиционной аутентичной культуры, представителями фольклорных коллективов, национально-культурных общественных организаций, мастерами декоративно-прикладного искусства в городах Владивосток, Артём, Уссурийск, Спасск-Дальний, а также в сельских

⁷⁷ Список использованных источников. 1.2. Собrania музеев Приморского края.

поселениях Шкотовского, Михайловского, Хорольского районов Приморского края⁷⁸. Обращение к устным источникам позволило проанализировать динамику трансформаций традиционной одежды с позиций разных поколенческих моделей. В качестве основных методов сбора полевых материалов использовались интервью, анкетирование и фотофиксация.

Для выявления трансформаций традиционного костюма на современном этапе был применён метод анкетирования в виде опросника по теме «Традиционный костюм в современном городе». Опросник состоял из 13 вопросов, позволивших зафиксировать такие данные, как пол, год и место рождения, национальность, образование, участие в национально-культурных объединениях и фольклорных коллективах. Следующий блок вопросов был посвящён актуализации проблемы функционирования традиционного костюма в современных условиях города. Вопросы данного блока включали такие темы, как источники для изготовления/приобретения костюма, способы использования народной одежды в современном пространстве (фольклорные концерты, праздники, др.), перечисление основных компонентов традиционного костюма, пожелания по части развития восточнославянского костюма в городе, крае, стране. В результате обработки данных опросника удалось проследить основные тенденции в использовании народного костюма в современном городе и наметить пути сохранения и репрезентаций традиционного комплекса одежды украинцев и белорусов в Приморье. Всего было опрошено 30 человек в возрасте от 14 до 80 лет, среди которых – участники фольклорных коллективов, члены национально-культурных общественных организаций, мастера народного творчества. Большую часть опрошенных составили люди старшего и среднего возраста 1940 – 1977 г.р. (20 чел.), с высшим (22 чел.) и средним/средне-специальным образованием (5 чел.). Преобладающая национальность респондентов – русские (19 чел.). Среди представителей других национальностей – украинцы (8 чел.), белорусы (1 чел.), татары (1 чел.).

⁷⁸ Список использованных источников. 1.3. Полевые материалы автора.

В ходе полевых исследований, а также работы с музейными источниками был накоплен значительный фонд визуальных материалов (около 1000 фотографий), составивший личный архив автора по следующим темам: «традиционная одежда», «традиционный текстиль в интерьере», «вышивка и ткачество», «этнопортрет», «традиционный костюм и современность». Фотографии из личного архива автора, наряду с другими источниками, составили иллюстративный материал данного исследования.

Важным источником послужили фотоматериалы музейных архивов, демонстрирующие традиционные занятия и одежду переселенцев и их потомков в Приморье⁷⁹. Всего было обработано 50 фотографий, часть из которых вошла в приложения к данной диссертации. В качестве визуальных источников использовались также фотоматериалы из личных архивов Ю. В. Аргудяевой, С. Н. Макаркина, А. В. Апанасенко⁸⁰.

Ценным источником стали оцифрованные копии аудиоматериалов фольклорно-этнографических экспедиций ансамбля народной музыки «Традиция» (г. Владивосток), записанные его участниками в сёлах Хорольского, Кировского, Партизанского и Шкотовского районов Приморского края с 1992 по 1995 гг. и любезно предоставленные в личное пользование автору диссертационного исследования⁸¹.

В число архивных источников, использованных в настоящем исследовании, вошли материалы Российского Государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), Государственного архива Приморского края (ГАПК), Архива Дальневосточного отделения Российской академии наук (ДВО РАН), в которых содержатся докладные записки, сведения о жизни и быте переселенцев Приморской области, а также отчеты о переселении крестьян морским путем, включая экономическое положение переселенцев. Особого внимания заслуживают полевые отчёты Ю. В. Аргудяевой и Л. Е. Фетисовой (Архив ДВО

⁷⁹ Список использованных источников. 1.4. Визуальные источники. Фотоматериалы музеев.

⁸⁰ Список использованных источников. 1.4. Визуальные источники. Фотоматериалы личных архивов.

⁸¹ Список использованных источников. 1.5. Аудиоисточники.

РАН), в которых рассматривается традиционная культура локальных групп переселенцев, в том числе одежда украинцев и белорусов.

К отдельной группе источников следует отнести статистические материалы, собранные А. А. Меньщиковым, данные анкетного обследования кустарно-ремесленной промышленности и экономического положения переселенцев Приморской области, а также материалы переписи населения Российской империи 1897 г., СССР – 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг., Российской Федерации – 2002 и 2010 гг., показывающие особенности распределения и динамику численности восточнославянского населения в Приморье на разных исторических этапах⁸².

Значимым источником послужили публицистические материалы, посвящённые истории отдельных сёл Приморского края⁸³. Несомненным подспорьем в работе стали лингвистические источники – различного рода словари, позволившие прояснить некоторые вопросы терминологического порядка⁸⁴. В качестве фольклорных источников широко использовались тексты свадебного и календарно-обрядового фольклора украинских и белорусских переселенцев, опубликованные в специализированных нотных сборниках И. В. Семёновой и О. В. Семёнова⁸⁵, а также в приложениях к монографиям Ю. В. Аргудяевой и Л. Е. Фетисовой⁸⁶.

Научная новизна работы состоит в том, что это первое диссертационное исследование, в котором предпринимается попытка комплексного изучения этнорегионального своеобразия одежды украинских и белорусских крестьян-переселенцев и их потомков на территории Приморского края в период с конца XIX – до начала XXI в. Впервые в научный оборот вводится ряд архивных, этнографических и полевых материалов, позволивших рассмотреть общие и особенные черты традиционного костюма украинцев и белорусов в Приморье,

⁸² Список использованных источников. 1.6. Статистические материалы.

⁸³ Список использованных источников. 1.7. Публицистические источники.

⁸⁴ Список использованных источников. 1.8. Справочные материалы.

⁸⁵ Список использованных источников. 1.9. Фольклорные материалы.

⁸⁶ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993; Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002.

выявить их этнолокальную специфику. Использование в работе акцента на адаптационный аспект сделало возможным проанализировать механизмы трансформаций одежды переселенцев и их потомков, выявить степень сохранности и изменчивости её компонентов и проследить пути сохранения и репрезентаций традиционного костюма на современном этапе.

Положения, выносимые на защиту:

1. Украинские и белорусские переселенцы составили большинство в переселенческом движении в Приморье и оказали значительное влияние на процесс формирования сельского населения на юге Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в., в результате чего в данном регионе достаточно долгое время функционировал пласт народно-бытовой культуры, отражающий этнолокальные версии украинской и белорусской традиций, одним из проявлений которых являлся народный костюм.

2. Для традиционного костюма украинских и белорусских крестьян-переселенцев была характерна региональная и локальная специфика, обусловленная как привнесёнными из мест выхода, так и местными особенностями, отмеченными в процессе их адаптации к новым условиям жизнеобеспечения, что нашло отражение в различных вариантах комплексов одежды, бытовавших на территории Приморья в конце XIX – начале XX в. Способы изготовления, декорирования и функционального использования традиционных видов одежды сохраняли относительную стабильность в начале XX в., претерпевая различного рода трансформации в последующее время.

3. Трансформации традиционной одежды как неотъемлемой части народно-бытовой культуры переселенцев и их потомков происходили с разной интенсивностью в исторической динамике и зависели от ряда факторов, среди которых: адаптация к природно-климатической среде, близость к крупным торговым центрам, межэтнические контакты, мобильность населения, влияние городской моды – на первом этапе (конец XIX – начало XX в.); усиление государственных инициатив в процессах этнической интеграции, постепенная модернизация всего жизненного уклада, повлекшая смену культурной парадигмы

и вытеснение народной одежды из естественной среды бытования в сценическое пространство – на втором этапе (советский период); влияние процессов глобализации, связанное с унификацией этнокультурных традиций, усилением роли средств массовой коммуникации, интернета в продвижении новых форм и способов интерпретации традиционного костюма, востребованных в современном обществе – в постсоветское время.

4. Основными механизмами сохранения и репрезентации украинского и белорусского костюма в Приморье как объекта историко-культурного значения и транслятора этнических традиций украинских и белорусских переселенцев на современном этапе являются различные виды научно-просветительской деятельности (лекции, семинары, мастер-классы и т.п.); музейная и проектно-выставочная работа; этнографическая реконструкция аутентичных образцов одежды; моделирование сценических костюмов и проектирование современной одежды на основе традиционных конструктивных и декоративных форм народного костюма.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в нём представлен оригинальный подход в изучении этнорегиональных особенностей традиционного костюма и его трансформаций на территории позднего освоения, состоящий в выявлении адаптационных механизмов традиционно-бытовой культуры локальных этнических групп в исторической динамике. Основные теоретические положения работы имеют несомненную значимость для последующего изучения адаптационного потенциала этнокультурных традиций в дальневосточном регионе, а также в перспективе сравнительного исследования народной одежды различных этнических групп в регионах вторичного освоения.

Практическая значимость. Результаты исследования могут найти применение в деятельности структур региональных органов власти, нацеленных на гармонизацию межэтнических отношений, сохранение и развитие историко-культурного наследия в регионе. Полученные материалы могут быть использованы в качестве научно-методической поддержки национально-

культурных общественных организаций и центров народной культуры Приморского края.

Отдельные положения и выводы могут быть реализованы в системе вузовского образования при разработке курсов лекций по темам: «Этнология», «Традиционный костюм», «История народного декоративно-прикладного искусства», а также в подготовке и проведении специализированных этноуроков по краеведению в программе школьного образования и просвещения.

Материалы диссертации могут иметь прикладное значение в сфере деятельности художников, дизайнеров, фольклорных коллективов, студий, занимающихся реконструкцией народного костюма и традиционных технологий.

Результаты исследования могут быть также востребованы в музейной практике для реализации музейно-выставочных проектов, подготовки каталогов, в качестве справочного материала по атрибуции предметов народной одежды.

Апробация и степень достоверности исследования. Степень достоверности результатов подтверждается вводом в научный оборот новых этнографических, архивных, полевых материалов, собранных автором в процессе работы над диссертацией. Основные положения исследования изложены в докладах на конференциях регионального и международного уровней, дискуссионных площадках, в частности, на V международной научно-практической конференции «Культура Тихоокеанского побережья» (ДВФУ, г. Владивосток, май 2010 г.), третьей международной научно-практической конференции «Украинцы на Дальнем Востоке: история и современность» (Школа гуманитарных наук ДВФУ, г. Владивосток, март 2014 г.), научно-практической конференции, посвящённой 80-летию Приморского края «Приморье: народы, религии, общество» (ДВО РАН, г. Владивосток, октябрь 2018 г.), дискуссионной площадке VI Конгресса народов Приморского края «Этностиль Приморья: практика и проекты» (г. Владивосток, ноябрь 2018 г.), XLVIII годичной научной сессии «Итоги и перспективы фундаментальных гуманитарных исследований на Дальнем Востоке» (ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, апрель 2019 г.), заседании круглого стола на тему «Народы России и Беларуси: единая история и общее

будущее» (г. Уссурийск, апрель 2019 г.), всероссийской научной конференции X Крушановские чтения «Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке» (ДВО РАН, г. Владивосток, июнь 2021 г.), 51-ой годичной научной сессии ИИАЭ ДВО РАН, посвящённой объявленному в РФ Году культурного наследия народов России (ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, март 2022 г.), международной научно-практической конференции «Слово и культура без границ: аксиологический аспект» (Школа региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток, апрель 2022 г.), научно-практической конференции «Сохранение культурного наследия народов России: опыт и перспективы в региональном измерении» в рамках VIII Конгресса народов Приморского края (г. Владивосток, июнь 2022 г.).

Некоторые материалы исследования, включая образцы аутентичной народной одежды и предметов быта из личной коллекции автора диссертации, были представлены на выставке традиционного костюма «Этно-образ», проходившей в музейно-выставочном центре ВГУЭС (г. Владивосток, февраль 2019 г.). Отдельные положения были апробированы при разработке и проведении мастер-класса по ткачеству поясов, лекции по народному костюму, организованных на базе выставки, а также лекций для аспирантов ИИАЭ ДВО РАН в рамках курса «Актуальные проблемы этнографии, этнологии и антропологии» по теме «Традиционный костюм восточнославянских переселенцев в Приморье» (г. Владивосток, 2020-2021 гг.).

Основные направления диссертационного исследования нашли отражение в 12 публикациях на русском и английском языках, в том числе 5 – в научных журналах из списка ВАК (из них 1 статья – в журнале базы SCOPUS), сборниках научных трудов, а также материалах конференций.

Структура и объём исследования определяются сформулированными целями и задачами. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и приложений.

ГЛАВА 1. ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПРИМОРЬЕ

1.1. Миграционные потоки украинцев и белорусов в Приморье в дореволюционный, советский и постсоветский период

В контексте антропологии движения пространственная экспансия человека рассматривается в качестве основного фактора расширения границ ойкумены и первых технологических изобретений⁸⁷. Освоение Дальнего Востока, имевшее важное политическое и экономическое значение для Российского государства, носило преимущественно земледельческий характер. В периодизации переселенческого движения, связанного с заселением и хозяйственным освоением Приморья, обычно выделяют несколько этапов в соответствии с особенностями переселенческой политики, динамикой притока мигрантов, различными способами передвижения и т. д. Так, хронология, предложенная Ю. Н. Осиповым, позволяет проследить формирование на дальневосточной земле крестьян старожилов-стодесятников и крестьян-новосёлов. Учёный выделяет шесть этапов в освоении края в дореволюционный период. Первые три этапа (1861-1881, 1882-1891, 1892-1900 гг.) соответствуют времени формирования старожилов-стодесятников⁸⁸. Последующие этапы (1901-1905, 1906-1913, 1914-1917 гг.) связаны с оформлением прослойки крестьян-новосёлов⁸⁹. Для первого этапа было характерно формирование сельского населения на Дальнем Востоке за счёт казаков и крестьян, региональный состав которых отличался большой пестротой. Это были в основном русские из 20 губерний Европейской и Азиатской России и отчасти украинцы⁹⁰. Среди первых украинских поселений, основанных уже в

⁸⁷ Голови́н А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. С. 5.

⁸⁸ Осипов Ю.Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855-1917 гг.: Монография. 2-е издание, дополн. Хабаровск, 2008. С. 35.

⁸⁹ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.). М., 1997. С. 16.

⁹⁰ Там же. С. 27.

начале 1860-х гг. в Амурской области выходцами из Полтавской губернии, отмечают сёла Березовское, Богородское, Петропавловское (1861 г.), Троицкое (1863 г.), Среднебельское, Новотроицкое (1864 г.)⁹¹. Однако в целом на данном этапе доля украинских и белорусских переселенцев была незначительна.

Второй период характеризуется началом массового переселения украинцев и в меньшей степени белорусов в Южно-Уссурийский край. Это было связано с рядом факторов. Во-первых, к 80-м гг. XIX в. на Левобережной Украине (в первую очередь, в Черниговской и Полтавской губерниях) обостряются социально-экономические и демографические проблемы, нарастает аграрный кризис, вызванный малоземельем и перенаселением. Во-вторых, для украинских губерний, в отличие от центральных губерний России, было характерно подворное землепользование, что позволяло крестьянину в случае необходимости продать свой земельный участок со всеми постройками и инвентарем, выручив необходимые средства для устройства хозяйства на новом месте. В-третьих, благодаря открытию в 1883 г. морского сообщения между Одессой и Владивостоком, возможность переезда из западных губерний России значительно упрощалась, что способствовало массовой миграции украинских и белорусских переселенцев. Кроме того, правительство, сделавшее в переселенческой политике основную ставку на украинские губернии, приняло дополнительные законопроекты для привлечения украинских и белорусских переселенцев. Прежде всего, это закон от 1882 г. «О казеннокоштном переселении в Южно-Уссурийский край», который устанавливал за счет казны ежегодно в течение трёх лет перевозить морем и обустраивать на новом месте до 250 семей переселенцев. В соответствии с другим постановлением правительства от 1886 г., «переселенцы полностью освобождались от уплаты недоимок в податях, мирских и выкупных платежах»⁹². Помимо этого, сохранялись льготы для своекоштных переселенцев, утверждённые еще в 1861 г., дававшие право на 100 десятин земли с

⁹¹ Черномаз В.А. К 125-летию начала массового переселения украинцев на Дальний Восток // Украинцы на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток, 2008. С. 35.

⁹² Якименко Н.А. Переселение крестьян на Дальний Восток в конце XIX – начале XX в. (на примере выходцев с Украины) // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма. Владивосток, 1989. С. 81.

последующей возможностью ее выкупа в собственность, а также ссуду 600 руб. в рассрочку на 33 года. Таким образом, благодаря правительственным мерам, в период с 1882 по 1891 г. число выходцев из украинских губерний достигло 15 950 чел., что составило 95,3% от общего числа переселенцев. При этом количество переселенцев из Черниговской губернии насчитывало 12 705 чел. (75,9%), а из Полтавской губернии – 3 245 чел. (19,4%)⁹³.

Переселение в Южно-Уссурийский край крестьян из Черниговской губернии на начальном этапе повлияло на активизацию переселенческих настроений среди крестьян-белорусов соседнего Гомельского уезда, впоследствии распространилось еще на пять уездов Могилёвской губернии, а в конце 1883 г. охватило Игуменский, Борисовский и Бобруйский, Новогрудский и Минский уезды Минской губернии⁹⁴. Переселенческое движение в это время, несмотря на сдерживаемые меры со стороны местных властей, получило такой размах, что, по словам одного из полицейских чинов Бобруйского уезда, крестьяне «забыли... о домашних делах... и интересуются только одним переселением на Амур»⁹⁵.

На следующем этапе в переселении на юг Дальнего Востока (1892-1900 гг.), несмотря на ужесточение правил переселенческой политики, в том числе урезанием льгот, сокращением ссуд до 300 руб. на семью, временной отменой казеннокоштного переселения (1886-1895 гг.), приток украинских и белорусских переселенцев был ещё более массовым. Увеличение количества переселенцев в этот период связывают, с одной стороны, с ухудшением положения крестьянства во многих центральных и чернозёмных губерниях России, неурожаями, голодом, массовыми эпидемиями. С другой стороны, ряд правительственных мер также способствовал притоку переселенцев. В частности, в 1892 г. было увеличено количество судов для перевозки крестьян, залог для переселенцев был уменьшен с 600 до 300 руб. Кроме того, дополнительный приток переселенцев был вызван открытием Уссурийской ветки Транссибирской железнодорожной магистрали,

⁹³ Черномаз В.А. К 125-летию начала массового переселения украинцев на Дальний Восток // Украинцы на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток, 2008. С. 38.

⁹⁴ Верещагин П.Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск, 1978. С. 78.

⁹⁵ Там же. С. 80.

соединившей Хабаровск и Владивосток в 1897 г., а позже – запуском Забайкальской (1900 г.) и Китайской Восточной (1902 г.) железных дорог. Таким образом, всего за период с 1883 по 1901 г. в Южно-Уссурийский край переселилось уже 55 208 чел.⁹⁶ Из них почти 90% составили выходцы из Украины⁹⁷.

С началом XX в. переселение в южные районы Дальнего Востока России получило дополнительное развитие. Строительство Уссурийской, Забайкальской и Китайской Восточной железных дорог позволило соединить европейскую часть России через Сибирь с Дальним Востоком, что в значительной степени упростило возможности переселенческого движения. Вместе с тем морские перевозки переселенцев постепенно утратили свою актуальность и с 1903 г. уже не осуществлялись. Напряжённые политические и социально-экономические условия, в которых оказалась страна в начале XX в., определили характер переселенческого движения последующих лет. Усилившиеся аграрные проблемы, приведшие к разорению и безземелью многих крестьянских хозяйств, стали основной причиной переселения на юг Дальнего Востока в этот период преимущественно беднейших слоев населения, в отличие от предыдущих лет, когда среди переселенцев преобладали крестьяне-середняки. По новым «Правилам...», утверждённым 22 июня 1900 г., водворившиеся в Приморскую и Амурскую область с начала 1901 г. «получали только по 15 дес. удобной земли на мужскую душу» вместо 100 десятинного семейного надела, выделявшегося старожилам⁹⁸. Таким образом, последующие годы стали временем формирования прослойки так называемых крестьян-новосёлов. На первом этапе на Дальний Восток переселилось 49 048 чел., из них 44 320 крестьян⁹⁹. Среди переселенцев этого периода, как и прежде, преобладали выходцы из украинских губерний.

⁹⁶ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 26.

⁹⁷ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.). М., 1997. С. 29.

⁹⁸ Там же. С. 30.

⁹⁹ Там же.

Русско-японская война на время задержала переселенческий поток, в этот период не было построено ни одного селения.

Очередной всплеск переселенческой волны совпал с началом действия столыпинской аграрной реформы (1906-1907 гг.), одной из целей которой было переселение беднейшей прослойки крестьян на малозаселенные земли. В результате в период с 1906 по 1917 г. в Приморскую область переселилось 167 547 чел., из них 102 614 чел. (61,24%) составляли переселенцы из украинских губерний¹⁰⁰. Бóльшая их часть прибыла из Левобережной Украины. Наряду с этим, в отдельные годы фиксировался рост переселений из Правобережной Украины. Следует отметить, что число выходцев из Украины в указанный период в целом снизилось на 16,89%. Так, удельный вес переселенцев из Левобережной Украины по сравнению с 1883-1905 г. (43,08%) упал на 19,21%¹⁰¹. Для соотношения числа переселенцев-новосёлов из Левобережной и Правобережной Украины приведём следующие данные. В 1907 г. в Приморскую область из Левобережной Украины переселилось 23 567 чел., из Правобережной Украины – 18 720 чел.; в 1908 г. – 9 700 и 8 801 чел. соответственно; в 1909 г. – 4 623 и 7 551 чел. соответственно; в 1910 г. – 2 670 и 4 465 чел. соответственно, в 1911 г. – 1 971 и 2 265 чел. соответственно¹⁰². Таким образом, с 1908 г. происходит постепенное сокращение притока выходцев из Левобережной Украины в Южно-Уссурийский край.

Наиболее активное переселение выходцев из белорусских губерний в Приморье наблюдалось после 1900 г. Всего за период с 1858 по 1914 г., из прибывших в Приморье переселенцев, белорусы составили 6,8%. При этом основное число белорусов было представлено выходцами из Могилёвской губернии (3%), в меньшей степени – переселенцами из Минской, Гродненской, Гомельской и прочих губерний¹⁰³.

¹⁰⁰ Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток: вторая половина XVII - начало XX века. 2-е изд., доп. Хабаровск, 1976. С. 147.

¹⁰¹ Там же. С. 169.

¹⁰² Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 31.

¹⁰³ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.). М., 1997. С. 35.

Данные по месту выхода переселенцев в период с 1883 по 1892 г., представленные Ф. Ф. Буссе¹⁰⁴, позволяют проследить переселенческие потоки украинцев и белорусов в Южно-Уссурийский край. Как показывает таблица «Состав переселенцев по месту родины и времени прибытия в Южно-Уссурийский край»¹⁰⁵, в переселенческом движении в указанный период участвовало 5 украинских губерний: Черниговская, Полтавская, Харьковская, Херсонская и Киевская. При этом Черниговскую губернию представляли выходцы из 14 уездов (Суражский, Мглинский, Новозыбковский, Стародубский, Новгород-Северский, Городнянский, Черниговский, Сосницкий, Кролевецкий, Глуховский, Козелецкий, Нежинский, Борзенский, Конотопский). Полтавская губерния была представлена уроженцами 13 уездов (Прилукский, Роменский, Переяславский, Пирятинский, Лохвицкий, Гадячский, Лубенский, Зеньковский, Миргородский, Хорольский, Кременчугский, Кобелякский, Константиноградский). Из Харьковской губернии переселялись в основном из 5 уездов (Лебединский, Богодуховский, Валковский, Змиевский, Старобельский). В единичных случаях были представлены 2 уезда Херсонской губернии (Тираспольский, Херсонский) и 1 уезд Киевской губернии (Васильковский).

Анализируя материал таблицы 1, можно заключить, что в период с 1883 по 1892 г. в составе переселенцев преобладали выходцы из Черниговской губернии (22 305 чел.), далее следуют уроженцы Полтавской губернии (3 246 чел.), представители других губерний представлены незначительными цифрами. Так, из Харьковской губернии в общей сложности прибыло 133 чел., из Херсонской губернии – 40 чел., из Киевской – 7 чел. Таким образом, Черниговская губерния дала 75,91% от числа всех переселенцев. Полтавская соответственно – 19,37%. Менее одного процента пришлось на выходцев из Харьковской (0,79%), Херсонской (0,24%) и Киевской губерний (0,04%). При этом необходимо отметить, что наибольшее число переселенцев прибыло из Суражского

¹⁰⁴ Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. СПб., 1896.

¹⁰⁵ Приложение 1. Таблица 1. Состав переселенцев по месту родины и времени прибытия в Южно-Уссурийский край. С. 3-4.

(3 467 чел.), Черниговского (2 608 чел.) и Конотопского (1 436 чел.) уездов Черниговской губернии, а также Пирятинского уезда Полтавской губернии (1 215 чел.) Следует сказать, что в первые годы переселения морем (с 1883 по 1886 г.) население Южно-Уссурийского края формировалось в основном за счёт выходцев из Суражского, Мглинского, Городнянского, Черниговского, Сосницкого, Кролевецкого, Нежинского, Борзенского, Конотопского уездов Черниговской губернии, с явным преобладанием представителей Суражского уезда. Уроженцы Полтавской губернии (в первую очередь Пирятинского уезда) стали прибывать в Приморье позже, начиная с 1887 г. В 1896 г. переселенческое движение в Южно-Уссурийский край пополняется выходцами из Киевской, а в 1897 г. – из Волынской губерний. Как показывают приведённые выше данные, в период с 1883 по 1892 г. наибольшее число переселенцев дал Суражский уезд, примечательный своим неоднородным этническим составом. Расположенный в зоне русско-белорусско-украинского пограничья, Суражский уезд представлял собой регион, для которого была характерна нечёткость в национальной самоидентификации населения. При этом, согласно данным переписи населения 1897 г., проводившейся на основе распределения населения по родному языку, в Черниговской губернии подавляющее число жителей Суражского уезда (69,41%) указали белорусский язык в качестве родного¹⁰⁶. Помимо Суражского уезда, похожая ситуация отмечалась также в Мглинском, Новозыбковском, Стародубском и Новгород-Северском уездах. Так, в статистических материалах, содержащих данные по переписи населения 1897 г. в Черниговской губернии, говорится: «Чистый тип белоруса встречается в уездах Суражском и Мглинском, также в Новозыбковском и Городнянском, хотя в двух последних число белорусов весьма не велико»¹⁰⁷. Таким образом, будучи частью Малороссии, северо-западный район Черниговщины являлся территорией с пёстрым национальным составом и ярко выраженным белорусским компонентом. Однако затруднения с

¹⁰⁶ Приложение 1. Таблица 2. Распределение населения Черниговской губернии по родному языку. С. 5.

¹⁰⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел / под ред. Н.А. Тройницкого. XLVIII. Черниговская губерния. Спб., 1905. С. 13.

определением этнической идентичности выходцев из данного региона зачастую были причиной искажения данных о национальном составе переселенцев в статистических материалах по Приморской области конца XIX – начала XX в.

Так, Ф. Ф. Буссе, суммируя процент прибывших в Южно-Уссурийский край из украинских губерний, не стал брать в расчёт материалы по северо-западному району Черниговской губернии, сославшись на неопределенный этнический состав данной зоны. Таким образом, по свидетельству Ф. Ф. Буссе, в указанный период прибыло морем 70,77% переселенцев малороссов (в том числе 51,40% из Черниговской губернии, исключая Северо-Западный регион, и 19,37% из Полтавской губернии)¹⁰⁸. А. П. Георгиевский в своей работе «Русские на Дальнем Востоке» выделяет выходцев из Черниговской губернии в отдельную от украинцев группу, показывая распределение населения на основании особенностей говора на карте побережья залива Петра Великого¹⁰⁹.

Говоря об особенностях этнической идентичности переселенцев в конце XIX – начале XX в., необходимо отметить, что использование в самоназвании топонимов мест выхода было свойственно и белорусам, и украинцам. Так, зачастую выходцы из украинских и белорусских губерний называли себя «полтавские», «киевские», «черниговские», «могилёвские», «минские» и т.д. Помимо этого, переселенцев-украинцев могли называть в Приморье также «хохлы», «малороссы», «малорусы», а белорусов нередко называли «литвинами», а также «самоходами», «лапотниками»¹¹⁰.

Детальная информация о составе переселенцев, их национальной принадлежности, губерниях выхода, особенностях расселения в Приморской области содержится также в трудах А. А. Меньщикова. Он выделяет 7 экономических зон в соответствии с преобладающим типом крестьянского хозяйства: 1-я Промысловая зона, 2-я Северная подгородная зона, 3-я Переходная зона, 4-я Земледельческая зона, 5-я Горная зона, 6-я Южная подгородная зона, 7-я

¹⁰⁸ Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. СПб., 1896. С. 96.

¹⁰⁹ Приложение 2. Карта 1. Состав населения и его распределение в Южно-Уссурийском крае. С. 21.

¹¹⁰ Георгиевский А.П. Диалектология ДВ края в связи с этнологией. Владивосток, 1930. С. 39, 44.

Прибрежная зона. Исследователь также группирует всех переселенцев в 5 групп в соответствии со сроками прибытия: 1-я группа (1860-1882 гг.), 2-я группа (1883-1895 гг.), 3-я группа (1896-1900 гг.), 4-я группа (1900-1905 гг.), 5-я группа (1906-1910 гг.). При этом для нашего исследования наиболее важен тот факт, что данные этих двух классификаций А. А. Меньщиков сводит в одну таблицу с указанием национальностей и губерний выхода переселенцев, что позволяет проследить динамику расселения разных этнических групп в Приморье¹¹¹.

Приведённый материал показывает, что старожильческое население украинцев заняло в первую очередь наиболее пригодные для земледелия земли, расположенные в Четвёртой Земледельческой зоне (91,1%), Седьмой Прибрежной зоне (79,1%), Третьей Переходной зоне (74,2%), Пятой Горной зоне (64,9%), а также Шестой Южной Подгородной зоне (58,2%). Таким образом, старожилы особенно плотно заселили Приханкайскую низменность, Сучанскую долину, а также долины левых притоков р. Уссури, т.е. те территории, которые более всего напоминали лесостепной ландшафт Украины.

Что касается переселенцев-новосёлов, украинцев и белорусов, начавших заселение Южно-Уссурийского края после 1900 г., их основной поток был направлен в северные и центральные районы Приморской области, поскольку южные, наиболее подходящие для земледелия, участки были преимущественно заселены. В первую пятилетку XX в. наиболее активно осваивались 3-я, 4-я и 5-я зоны¹¹². При этом новосёлы зачастую подселялись в старожильческие селения, получая в пользование менее пригодную для разработки землю. В своём исследовании экономического положения переселенцев в 1906, 1907 и 1908 гг. А. А. Меньщиков приводит данные о распределении переселенцев-новосёлов на территории Южно-Уссурийского края в зависимости от мест выхода¹¹³. В таблице 5 показано распределение выходцев из разных губерний в соответствующих подрайонах¹¹⁴.

¹¹¹ Приложение 1. Таблица 3. Распределение семей старожилов по зонам и группам. С. 6.

¹¹² Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002. С. 23.

¹¹³ Приложение 1. Таблица 4. Распределение водворившихся семей новосёлов по зонам и группам. С. 7.

¹¹⁴ Приложение 1. Таблица 5. Распределение водворившихся новосёлов в подрайонах по губерниям выхода. С. 8.

На основании приведённых выше данных можно заключить, что черниговцы расселились в пределах Побережного, Никольск-Уссурийского, Анучинского и Иманского подрайонов. Большинство выходцев из Полтавщины заняло Никольский и Иманский подрайоны. Половина всех прибывших из Харьковской губернии обосновалась в Иманском, а также в Анучинском подрайонах. Волынская и Каменец-Подольская губернии дали более 2/3 в Иманский подрайон. Выходцы из Могилёвской губернии разместились в основном в Хабаровском и Иманском подрайонах. Уроженцы Минской губернии в большинстве своём заняли Анучинский подрайон. Кроме того, значительная их часть обосновалась в Никольском и Иманском подрайонах¹¹⁵.

Материал таблицы 6 даёт возможность проанализировать соотношение выходцев из различных украинских и белорусских губерний в каждом подрайоне¹¹⁶. Так, в Ольгинском подрайоне преимущество составляют уроженцы Киевской губернии (41,43%), с существенным отрывом следует Черниговская (16,9%) губерния. Остальные губернии составляют минимальный процент. В Побережном подрайоне лидирует Черниговская губерния (55,45%), Киевская губерния занимает всего 7,8%. В Никольском подрайоне выходцы из Черниговской губернии также составляют большинство (38,70%). За ними следуют уроженцы Киевской (28,23%) и Полтавской (16,93%) губерний. В Анучинском подрайоне ведущие позиции также принадлежат Черниговской губернии (47,50), далее следует Киевская (10,85%), Полтавская (7,90%) и Харьковская (7,85), а также Волынская (3,65%) и Минская (2,62%) губернии. В Иманском подрайоне большинство составляют выходцы из Киевской губернии (31,9%), чуть меньше процент переселенцев из Черниговской губернии (20,35%), примерно поровну уроженцев Полтавской (9,60%) и Волынской губерний (9,35%), небольшой процент составляют переселенцы из Харьковской (6,12%), Каменец-Подольской (5,25%) и Могилёвской (3,48%) губерний. Хабаровский

¹¹⁵ Опыт исследования экономического положения новоселов 1906, 1907 и 1908 гг. в Приморской области, по данным подворно-статистического обследования в декабре и в январе 1909 годов / Под ред. М.Н. Савинского. Владивосток, 1910. С. 12.

¹¹⁶ Приложение 1. Таблица 6. Сравнительное распределение губерний выхода в каждом подрайоне. С. 8.

подрайон заселен преимущественно белорусами-могилёвцами (37,75%), в половину меньше уроженцев Киевской губернии (18,70%). Далее по убывающей следуют представители Черниговской (10,55%), Волынской (4,95%), Харьковской (4,68%), Полтавской (4,15%) и Каменец-Подольской (3,73%) губерний¹¹⁷.

17 июня 1909 г. в соответствии с новым административным делением в Южно-Уссурийском крае образовалось три уезда: Иманский, Никольск-Уссурийский и Ольгинский, которые, в свою очередь, включали 42 волости. Показательно, что названия волостей и сёл зачастую являлись топонимами, которые были перенесены из мест выселения или образованы в соответствии с названием волости, уезда, губернии выхода. Наиболее плотно украинцы заселили Михайловскую, Хорольскую, Ханкайскую, Жариковскую, Покровскую, Суйфунскую, Вознесенскую, Ивановскую, Григорьевскую, Черниговскую, Спасскую, Зеньковскую, Успенскую, Тихоновскую, Лутковскую, Веденскую, Кневичанскую, Борисовскую, Сучанскую, Маргаритовскую, Фроловскую, Петровскую волости. Самые многочисленные поселения белорусов зафиксированы в Николо-Александровской и Киинской волости Хабаровского подрайона. Кроме того, белорусы расселялись компактными группами в Вознесенской, Осиновской, Сысоевской, Цемухинской, Романовской, Ново-Нежинской, Петровской, Новолитовской волости.

Население Южно-Уссурийского края отличала этническая и региональная пестрота. Неоднородный этнорегиональный состав наблюдался зачастую в пределах одного поселения. К примеру, с. Монастырище (1887 г.) заселялось компактными группами семей из Полтавской, Черниговской, Киевской, Харьковской губерний. Причём Полтавская губерния дала выходцев из Гадячского (с. Сватки, с. Синевка), Кременчугского, Лохвицкого (с. Андреевка), Переяславского (с. Черевки), Пирятинского (с. Вечерки, Витовцы) и Роменского (с. Беловод, с. Москалевка, с. Хмыли) уездов. Из Черниговской губернии

¹¹⁷ Опыт исследования экономического положения новоселов 1906, 1907 и 1908 гг. в Приморской области, по данным подворно-статистического обследования в декабре и в январе 1909 годов / Под ред. М.Н. Савинского. Владивосток, 1910. С. 13.

прибывали уроженцы следующих уездов: Глуховского (с. Некрасовка), Козелецкого (с. Хрещатое), Кролевецкого (с. Заболотное, с. Камень) и Нежинского (с. Андреевка, с. Махловцы, с. Монастырище, с. Томашевка). Единичные переселенцы были представлены выходцами из Харьковской и Киевской губерний¹¹⁸. Смешанный этнорегиональный состав населения был характерен для многих населённых пунктов Южно-Уссурийского края. Наряду с этим, отмечались и отдельные поселения, в которых преобладали выходцы из определенных губерний. Так, по свидетельству Ю. В. Аргудяевой, «уроженцы Черниговской губернии составляли большинство в сёлах Спасской (Сосновка, Зеленовка, Духовское, Кронштадтка, Нахимовка, Ново-Владимировка, Калиновка, Дубовское, Бусеевка, Гайворон), Цемухинской (Майхе, Многоудобное, Ново-Хатуничи, Харитоновка), Черниговской (Вадимовка, Абражеевка, Монастырище, Меркушевка, Дмитриевка, Черниговка) и Чугуевской (Чугуевка) волостей»¹¹⁹. Выходцы из Полтавской губернии преобладали в с. Халкидон (Черниговская волость), а также в сёлах Хвалынка, Зеньковка и Комаровка (Спасская волость), в сёлах Новоселище и Алексеевка (Ханкайская волость). Переселенцы из Волынской губернии расселились компактными группами в сёлах Славинке и Татьяновке Спасской волости. Выходцы из Киевской губернии составляли преимущество в сёлах Руновка, Афанасьевка, Степановка Успенской волости, а также в с. Снегуровка Черниговской волости¹²⁰.

Белорусские переселенцы в основном обосновались в лесных долинах рек Майхэ (Артемовка), Улахэ (Уссури), Даубихэ (Арсеньевка), Лефу (Илистая), Суйфун (Раздольная). Так, уроженцы сёл Олтуши, Радеж, Аннопасское Брест-Литовского уезда Гродненской губернии основали селения Верхняя Бреевка, Нижняя Бреевка, Сандагоу (ныне Булыга-Фадеево), белорусы Могилёвской губернии – с. Вассиановка Черниговской волости¹²¹. Кроме того, в сёлах

¹¹⁸ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 35-36.

¹¹⁹ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.). М., 1997. С. 46.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Аргудяева Ю.В. Белорусы-литвины в Приморье (конец XIX в.) // Проблемы культуры Дальнего Востока: Тезисы докладов науч. конф. Владивосток, 1993. С. 15.

Вознесенка Вознесенской волости, Кремово Осиновской волости, Гордеевка Чернышевской волости, Раздольное Раздольненской волости, Душкино Ново-Литовской волости, Петровка Петровской волости, Майхэ, Многоудобное Цемухинской волости, Харитоновка Цемухинской волости, а также в с. Вассиановка Черниговской волости, с. Абражеевка Ивановской волости, сёлах Калиновка, Евсеевка, Ново-Владимировка Спасской волости, сёлах Ширяевка и Николаевка Ивановской волости, сёлах Новицкое, Ястребовка, Фроловка, Гордеевка, Беневское Сучанской волости были зафиксированы компактные поселения белорусов – переселенцев из северо-западных уездов Черниговской губернии¹²². Некоторые исследователи определяют их как историко-этнографическую группу «белорусов-литвинов»¹²³. Эта формулировка, на наш взгляд, нуждается в уточнении. В современных исследованиях приводится информация о том, что еще в XVI-XVII вв., переселённые в Московию из этнических белорусских земель белорусы, в ряде документов назывались «литвинами» или «литвинами-белорусцами» как выходцы из Великого княжества Литовского¹²⁴. Известно, что этот термин в течение длительного времени использовался в самоназвании белорусского населения одновременно с этнонимом «русины», этноконфессионимом «русские», впоследствии – политонимом «расейские». В конце XIX – начале XX в. многие белорусы из сельской местности не имели чёткого самосознания и при переселении затруднялись в определении своей национальности, используя в качестве самоназвания вышеперечисленные этнонимы или региональные названия – «витебские», «могилёвские», «черниговские» и т.д. В то же время, по отношению к белорусам, особенно в местах совместного проживания с украинцами, зачастую применялся термин «литвины». Исследователи отмечают, что в начале XX в. «так называемые белорусы «лапацоны» или «литвины»» проживали в

¹²² Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.). М., 1997. С. 47; Приложение 2. Карта 4. Компактные поселения украинцев и белорусов в Приморском крае в современных административных единицах (составлено Стрельцовой И.В.). С. 23.

¹²³ Аргудяева Ю.В. Белорусы-литвины в Приморье (конец XIX в.) // Проблемы культуры Дальнего Востока: Тезисы докладов науч. конф. Владивосток, 1993. С. 15.

¹²⁴ Белорусы / Отв. ред. В.К. Бондарчик, Р.А. Григорьева, М.Ф. Пилипенко. М., 1998; Украинцы / Ред.: Н.С. Полешук, А.П. Пономарев. М., 2000. С. 39.

Новозыбковском, Стародубском, Мглинском уездах северной части Черниговской губернии¹²⁵. В дореволюционных публикациях при описании населения Черниговщины можно встретить сведения о белорусах-литвинах: «Белорусы, которых малороссы называют литвинами, переселились с запада и севера в Задесенье, как местность весьма мало населенную»¹²⁶. Характеризуя литвинов-белорусов, М. Н. Косич пишет: «Все северные уезды Черниговской губернии, именно: Суражский, Мглинский, Стародубский, Новозыбковский и часть Городнянского, по типу населения составляют, как бы переход от Малороссии к России и населены народом, который по характеру, по наружному виду и одежде отличается как от Малоросса, так и от Великоросса. По наречию же этот край, начинающийся с Могилёвской губернии, есть продолжение Белоруссии. Литвин, как называют его соседи, с виду неповоротлив..., не предприимчив, беспечен, но при нужде трудится много для своего пропитания»¹²⁷. Таким образом, с большой долей вероятности можно утверждать, что название «литвины» в конце XIX – начале XX в. использовалось для определения белорусского населения со стороны соседей – русских и украинцев в местах их совместного расселения, а именно: на Пинщине, Черниговщине, Южной Брянщине, Житомирщине, Северной Киевщине¹²⁸. Эти положения коррелируют и с полевыми материалами Ю. В. Аргудяевой, в которых приводится информация о том, что население с. Вассиановки, основанное выходцами из Могилёвской губернии, осознает себя белорусами, в то время как украинцы, живущие по соседству, называют их «литвинами»¹²⁹.

В советский период (1920-е – 1980-е гг.) формирование украинского и белорусского населения в Приморье продолжалось как за счёт его естественного прироста, так и за счёт новых мигрантов. В начале 20-х гг. XX в. переселение из

¹²⁵ Белорусы / Отв. ред. В.К. Бондарчик, Р.А. Григорьева, М.Ф. Пилипенко. М., 1998; Украинцы / Ред.: Н.С. Полещук, А.П. Пономарев. М., 2000. С. 40.

¹²⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел / под ред. Н.А. Тройницкого. XLVIII. Черниговская губерния. Спб., 1905. С. 13.

¹²⁷ Косич М.Н. Литвины-белорусы Черниговской губернии: их быт и песни. Спб., 1902. С. 6.

¹²⁸ Полесье. Материальная культура / В.К. Бондарчик, И.Н. Браим, Н.И. Бураковская. Киев, 1988. С. 35.

¹²⁹ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 59. Л. 119.

западных регионов страны носило стихийный характер, и в целом процент переселившихся в этот период был небольшим. Такое положение дел во многом было связано со сложной политической и экономической обстановкой в стране, вызванной последствиями революции и гражданской войны. Вместе с тем в Приморье отмечался стихийный рост корейского и китайского населения, что подстегнуло правительство принять меры для организации очередного планового переселения российских мигрантов.

Наряду с сельскохозяйственным переселением на юг Дальнего Востока, в составе организованных добровольных миграций разворачивается и промышленное переселение, получившее особое развитие в 30-е годы XX в. Несмотря на принятые меры, численность украинского населения в Приморье постепенно снижается. Так, согласно официальным данным, в 1923 г. украинцы составили 203,6 тыс. чел. (38,7% от общего числа жителей), в 1926 г. – 148,8 тыс. чел. (26%), в 1931 г. – 222,3 тыс. чел. (27,4%), в 1939 г. – 168,8 тыс. чел. (18,6%)¹³⁰. Уменьшение численности украинцев, с одной стороны, могло быть следствием обратных миграций, а с другой – частичной русификацией населения. Кроме того, резкое сокращение притока украинских и белорусских мигрантов в первой половине 1930-х гг. было вызвано массовым голодом, охватившим многие регионы СССР, в том числе Украину и Белоруссию. В сложившейся ситуации Украина, особенно пострадавшая от так называемого «голодомора», в 1933-1935 гг. превратилась из региона-донора мигрантов в регион-реципиент¹³¹. Только за период с 1933 по 1937 гг. переселенческими комитетами в Украинскую республику было отправлено 221 465 чел., что составило 63,6% от общего числа мигрантов по стране. Однако уже в конце 1930-х – начале 1940-х гг. в соответствии с Постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания...» процесс переселения из малоземельных регионов в многоземельные районы возобновился. В

¹³⁰ Чернолуцкая Е.Н. Украинцы в советском Приморье (1920-30-е гг.) // Украинцы на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток, 2008. С. 68.

¹³¹ Там же. С. 67.

результате в 1940 г. из 18 702 всех переселенцев в Приморье выходцы из Украины составили 14 379 чел., РСФСР – 3 816 чел., БССР – 7 чел.¹³² Согласно переписи 1939 г., основная масса украинских переселенцев проживала в Хорольском районе – 9 071 чел. (51,7% от общего числа населения), в Спасском районе численность украинцев составила 34,9%, в Черниговском районе – 33,2%.

Во время Великой Отечественной войны приток мигрантов резко сократился. Так, в 1940-1941 гг. среди переселенцев в Приморье на долю украинцев приходилось 33%, а в 1943-1944 гг. – менее 1%. Тяжелые военные годы, обострив патриотические настроения и чувство родства, создали предпосылки для обратной миграции. На завершающем этапе военных действий, когда Украина была практически освобождена от фашистских войск, среди украинских переселенцев в Приморье увеличилось число желающих вернуться на этническую родину. Среди причин для отъезда указывались патриотические, семейные, а также такие бытовые моменты, как отрицательное воздействие климата на здоровье¹³³.

После окончания Великой Отечественной и Второй мировой войны начался процесс демобилизации. Среди бывших военных в Приморском крае преобладали русские семьи (63,9%). На втором месте (30%) были украинцы, которые приезжали в основном из Черниговской и Харьковской областей. Таким образом, доля демобилизованных украинцев в Приморье в первый послевоенный год составила 1/3 от общего числа переселенцев. Большая часть прибывших расселилась в Ханкайском (28 семей) и Черниговском районах (15 семей). По воспоминаниям переселенцев, добирались из Украины около 1-1,5 мес., ехали в теплушках, захватив с собой предметы быта и домашнюю живность¹³⁴.

В послевоенные годы украинское и белорусское население Приморья вновь пополнялось как за счёт организованных сельскохозяйственных и промышленных

¹³² Чернолуцкая Е.Н. Украинцы в советском Приморье (1920-30-е гг.) // Украинцы на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток, 2008. С. 68.

¹³³ Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток, 2002. С. 100.

¹³⁴ Там же. С. 101.

миграций, так и в индивидуальном порядке. Причём доля украинского населения в 1950-е гг. на общем фоне переселенцев значительно возросла. Так, в 1950 г. в рамках сельскохозяйственного организованного переселения в Приморье прибыло 666 семей украинцев, что составило 61,2 % от числа всех переселенцев. Основная часть новосёлов приезжала из Полтавской, Киевской и Житомирской областей. В 1951-1953 гг. в организованном переселении в колхозы и совхозы украинцы вновь составили подавляющее большинство – 496 чел. (77,2%) в 1952 г. и 693 чел. (75,1%) в 1953 г. Преобладание украинцев среди переселенцев в сельской местности в послевоенные годы было закономерно, поскольку «в технократической концепции освоения Приморья украинцам отдавалось предпочтение как работникам сельского хозяйства»¹³⁵.

Таким образом, в начале 50-х годов XX в. среди новосёлов-сельчан лидирующие позиции по численности занимали украинские семьи, на втором месте были русские, на третьем – белорусские переселенцы. Необходимо отметить, что число белорусских семей в указанный период значительно уступало украинским и русским переселенцам. Так, в 1952 г. из Белоруссии в Приморье прибыло всего 3 семьи, а в 1950 г. – ни одной. Подъём численности белорусских переселенцев отмечался в 1953 г., когда в Приморский край приехали 44 человека, что составило 7,7% от общего числа сельских мигрантов. В 1954 – 1955 гг. удельный вес украинских переселенцев в сельскохозяйственные районы края несколько снизился в основном за счёт увеличения доли русских с 19,9 до 36,9%, а также вследствие роста численности мигрантов из народов Поволжья¹³⁶.

Что касается географии расселения украинцев в 1950-е гг., то здесь можно отметить две тенденции. Во-первых, украинские семьи предпочитали селиться в местах, где представители их этнической группы преобладали. К таким районам, в первую очередь, следует отнести Хорольский, Спасский, Черниговский, а также Яковлевский районы. Так, в Хорольский район с 1950 по 1953 г. прибыло 260

¹³⁵ Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток, 2002. С. 102.

¹³⁶ Там же. С. 103.

украинских семей. В Черниговский район в указанный период заселилось 215 семей. В Спасском районе в 1950 г. из числа украинцев были размещены 83 семьи. Наряду с этим, отмечалась и другая тенденция, когда выходцы из Украины селились в районах, где процент украинцев был незначительным. Так, например, в 1950-1951 гг. в Михайловский район прибыло 119 семей украинцев, в основном из Киевской области. Примечательно, что возрастной состав украинских переселенцев послевоенных лет отличался повышенной долей людей старшего возраста, при этом несколько преобладало женское население (56,7%)¹³⁷.

В 1960-е гг. в миграционной политике края по-прежнему были распространены организованные наборы в рыбную отрасль и сельское хозяйство. Наряду с миграционным притоком, наблюдался и значительный отток вновь прибывшего населения. Это было связано с различными факторами, в том числе с трудностями адаптации к непривычным погодным условиям, отдалённостью от центра, а также завышенными ценами на продукты и промышленные товары по сравнению с центральными регионами. В этот период выходцы из Украины с большим отрывом занимали второе место (10,03%) после мигрантов из других районов Дальнего Востока, на долю которых к концу 1960-х гг. пришлось 59,3%. При выборе мест расселения учитывалось желание мигрантов. На данном этапе украинские переселенцы отдавали предпочтение таким районам, как Ханкайский, Хорольский, Пограничный, Иманский (Дальнереченский), Кировский, Спасский. Так, семьи переселенцев из Киевской области, прибывшие в край в 1967-1968 гг., расселились в Хорольском (4,4%) и Ханкайском районах (15,9%). Переселенцы из Сумской области выбрали для проживания Иманский (4,7%), Кировский (0,6%), Пограничный (5,5%) и Хорольский районы (1,0%). Уроженцы Полтавской области обосновались в Кировском (2,1%) и Лесозаводском районах (2,9%). Выходцы из Донецкой области расселились в Кировском (2,6%), Спасском (2,1%) и Ханкайском районах (0,6%), а из Львовской области – в Кировском районе (4,3%).

¹³⁷ Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток, 2002. С. 104.

В 1970 – 80-х гг. миграционная политика определялась увеличением льгот и в целом повышением благосостояния дальневосточников. Так, в 1967 г. был введен коэффициент к заработной плате представителей ряда отраслей промышленности, просвещения и здравоохранения, увеличена зарплата отдельным категориям жителей Дальнего Востока. В указанный период миграционные процессы в Приморском крае характеризовались расширением географии выхода и размещения мигрантов. В 1970-80-е гг. Украинская ССР по-прежнему оставалась основным регионом-донором (49,3%). В 1973-74 гг. в Приморье были отмечены выходцы из Одесской, Винницкой, Волынской, Закарпатской, Ровенской и Черновицкой областей Украины¹³⁸. В этот период наблюдается рост самостоятельных приездов из западных и южных районов страны на фоне снижения организованных форм миграции. Одновременно продолжается и отток населения. По данным переписи 1989 г., в Приморье проживало 185 091 украинцев, что составило 8,2% от числа всего населения и 21 954 (1%) белорусов. При этом больше всего украинцев было отмечено в Дальнереченском (23,3%), Лесозаводском (19,5%), Яковлевском (15,7%), Спасском (14,7%), Ханкайском (14,6%), Черниговском (13,8%), Кировском (13,7%), Михайловском (12,8%) районах. Белорусы в большинстве своем проживали в Яковлевском (1,5%), Дальнереченском, Ханкайском (по 1,4%), Шкотовском, Чугуевском, Пограничном, Партизанском (по 1,3%) районах¹³⁹. В целом, для советского периода было характерно постепенное снижение численности украинского и белорусского населения в Приморье.

Миграционные процессы постсоветского периода претерпевают значительные изменения, связанные с распадом СССР, образованием независимых государств – Украины и Беларуси. На данном этапе отмечается существенное сокращение белорусских и украинских мигрантов на фоне усиленного оттока населения из Приморского края. Так, вследствие обратных

¹³⁸ Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток, 2002. С. 129.

¹³⁹ Там же. С. 132.

миграций из Приморья на Украину за 1991–1998 гг., численность украинцев уменьшилась на 10,1 тыс. чел. и к 1999 г. составила примерно 174,9 тыс. чел.¹⁴⁰ Наряду с оттоком населения, наблюдалось и перемещение вынужденных мигрантов из конфликтных зон бывшего Советского Союза в Приморский край. К примеру, в период с 1994 по 2000 г. число украинцев, прибывших в Приморье из других регионов СНГ и Балтии из-за обострений межнациональных отношений, составило 75%. Изменение численности украинского и белорусского населения в Приморском крае в советский и постсоветский период можно проследить по данным переписи населения в разные годы, которые показывают, как неуклонно снижался процент украинцев и белорусов относительно общей численности восточнославянского населения региона на протяжении XX в.¹⁴¹ Результаты последней переписи 2010 г. зафиксировали рекордно низкие показатели проживающих на территории Приморья украинцев (2,8%) и белорусов (0,3%)¹⁴².

Таким образом, можно заключить следующее. Благодаря переселенческой политике, начиная с 80-х гг. XIX в., основной переселенческий поток в Южно-Уссурийский край направлялся из украинских и в меньшей степени из белорусских губерний. Динамика притока украинского и белорусского населения на разных этапах была неодинаковой и характеризовалась подъёмами и спадами: ростом в дореволюционный период и постепенным падением в советское и постсоветское время. Анализ данных статистических материалов позволил выявить места выхода переселенцев, определить их региональный состав, национальную принадлежность, рассмотреть особенности расселения на территории Приморья. Традиционно переселенцы отдавали предпочтение плодородным степным зонам Приханкайской низменности, Сучанской долины, постепенно заселяя центральные и северные районы края. В конце XX в. наибольшее число украинцев проживало в Дальнереченском, Лесозаводском,

¹⁴⁰ Васьук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток, 2002. С. 176.

¹⁴¹ Приложение 1. Таблица 7. Динамика численности восточнославянского населения на территории Приморья в 1897–2010 гг. С. 9.

¹⁴² Там же.

Хорольском, Яковлевском, Спасском, Ханкайском, Черниговском, Кировском, Михайловском районах. Белорусы преобладали в Яковлевском, Дальнереченском, Ханкайском, Шкотовском, Чугуевском, Пограничном, Партизанском, Хорольском, Спасском, Черниговском, а также Яковлевском районах Приморского края.

1.2. Хозяйственно-бытовая культура украинских и белорусских крестьян-переселенцев в конце XIX – начале XX в.

Природно-климатический фактор, наряду с хозяйственно-культурной спецификой, во многом определяют особенности материальной культуры народов, включая типы поселений и жилища, пищу и утварь, одежду и т.д. При этом в условиях миграций исходная хозяйственно-бытовая культура неизбежно подвергается влияниям новой природной и социальной среды, что в свою очередь способствует формированию дополнительных элементов внутри традиционной системы хозяйствования и выводит её на новый уровень.

Для выявления основных составляющих хозяйственно-бытовой культуры украинских и белорусских переселенцев в ходе освоения юга Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. необходимо рассмотреть основополагающие принципы хозяйственной деятельности на исторической родине мигрантов, а также проследить особенности формирования и функционирования хозяйственного быта в условиях новой природно-социальной среды.

Природно-географическое положение Левобережной Украины и Белоруссии сыграло определяющую роль в выделении пашенного земледелия в качестве ведущего хозяйственно-культурного типа, господствовавшего на этой территории во второй половине XIX – начале XX в. В украинских губерниях было распространено преимущественно подворное землевладение, тогда как в белорусских – в основном преобладало общинное землепользование. В течение всего XIX в. происходило постепенное обезземеливание крестьян, вызванное социальным расслоением в обществе, обострением демографических и

экономических проблем. В результате накануне реформы 1861 г. на Левобережной Украине в пользовании крестьян было только 38% обрабатываемых земель¹⁴³. Крестьянские наделы белорусов составляли лишь 33,4%¹⁴⁴. В указанный период основной системой земледелия в украинских и белорусских губерниях было трёхполье. Кое-где сохранялись также более примитивные системы: подсечная, переложная и двухпольная. К основным сельскохозяйственным культурам в украинском хозяйстве относилась озимая и яровая рожь. В меньшей степени (в основном на продажу) культивировали пшеницу. Сеяли также ячмень, гречиху, просо, горох, фасоль. В качестве технических культур выращивали лён (преимущественно в западных районах) и коноплю (в Полтавской и Черниговской губерниях)¹⁴⁵. У белорусов основными зерновыми культурами были озимая рожь, овёс, ячмень и пшеница. Важное место в товарообороте занимало производство льна. Его наиболее массово (в том числе, на экспорт) выращивали в Витебской губернии, а также в северных уездах Могилёвской и Минской губерний. Посевы конопли были особенно распространены в южных и центральных уездах Могилёвской и восточных уездах Минской губерний¹⁴⁶. Подсобную роль в хозяйстве украинцев и белорусов играло огородничество и садоводство.

Основной хозяйственной деятельностью украинских и белорусских крестьян в Приморье, как и на родине, было земледелие. Здесь получил распространение общинный тип хозяйствования, характерный для белорусов. Одной из отличительных особенностей землепользования в условиях юга Дальнего Востока на первых этапах колонизации была захватная форма. Преимуществом первого захвата земли обладали старожилы-стодесятильники. Обработанные земли фактически находились в собственности крестьян-старожилов: их можно было продать или сдать в аренду. Это способствовало

¹⁴³ Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры / К.В. Чистов, М.Г. Рабинович, М.Н. Шмелева и др.; Отв. ред. К.В. Чистов; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1987. С. 108.

¹⁴⁴ Там же. С. 159.

¹⁴⁵ Там же. С. 108.

¹⁴⁶ Там же. С. 160.

расслоению крестьянства, росту зажиточного класса и выделению малоземельных и безземельных крестьян. Достаточно распространённой формой землепользования была аренда земли, когда крестьяне-старожилы сдавали излишки своих земель менее зажиточным крестьянам-новосёлам. Перечисленные явления постепенно подрывали основы общинного землепользования и в конечном счете привели к распаду общины.

Как уже отмечалось выше, вместе с исконными видами хозяйственной деятельности, переселенцы привнесли и традиционные способы ведения хозяйства, привычный уклад жизни. В первые годы у украинских и белорусских крестьян Южно-Уссурийского края была распространена залежная или однопольная система полеводства¹⁴⁷. Такой характер земледелия истощал урожайность земель, поскольку посевы производились на одном и том же месте длительное время, в отдельных случаях до 40 лет¹⁴⁸. Со временем стала применяться такая форма хозяйствования, как «перелог», когда истощённые земли оставляли, а спустя несколько лет продолжали использовать¹⁴⁹. В начале освоения новых земель крестьяне продолжали применять те же орудия труда, что и у себя на родине: малороссийский плуг, деревянную борону, серпы, цепы для обмолота и т. д.

Постепенно традиционные виды хозяйствования видоизменялись, принимали более прогрессивные формы. Так, в конце XIX – начале XX в. получила распространение паровая система землепользования с трёхпольными и четырёхпольными севооборотами, что, наряду с увеличением использования сельскохозяйственной техники, способствовало подъёму урожайности зерновых культур. Такая тенденция отмечалась, главным образом, в старожильческих хозяйствах, сформировавшихся в 80-90-е гг. XIX в. Основными зерновыми культурами переселенцев 1880-х гг. были яровая пшеница, рожь и овес. Среди них пшенице отводилась 1/3 от всех посевов, ржи и овсу по 1/5. Сеяли также

¹⁴⁷ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 55.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Фетисова Л.Е., Ермак Г.Г., Сердюк М.Б. Традиционный восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.): адаптационный аспект. Владивосток, 2004. С. 46.

такие культуры, как ячмень, просо, кукурузу. Из технических прядильных культур высевали лён и коноплю. Несмотря на то, что эти культуры давали хороший урожай, конопля быстро вырождалась¹⁵⁰.

В крестьянском хозяйстве разделение труда просматривалось достаточно чётко. Основные земледельческие занятия мужчин были связаны со вспашкой, боронованием и севом. Кроме того, мужчины косили и стоговали сено, вывозили его с покоса, частично обрабатывали зерновые культуры, в частности, производили обмолот. Женские работы на поле заключались в основном в жатве хлеба и вязке снопов.

Помимо земледелия, в приморских деревнях большое распространение получили различные промыслы. Объём промысловой деятельности зависел от ряда причин, среди которых: время появления крестьянской семьи в крае, обеспеченность её землей, географические условия проживания. Развитие промыслов в большей степени было характерно для новосельческих хозяйств из-за малоземелья и низкой материальной обеспеченности крестьян.

Исключительно мужскими промыслами были извоз, охота, рыболовство и пчеловодство. Кроме того, среди мужского населения было распространено отходничество, в частности, на формировавшиеся в Сучанской долине угольные копи. Наряду с отхожими промыслами, в крестьянских хозяйствах были распространены подсобные промыслы, которые, помимо обеспечения нужд семьи, служили и известным приработком. Среди таких кустарных промыслов можно отметить плотницкий, столярный, кузнечный, бондарный, гончарный, сапожный, портняжный и пр. В посемейно-имущественных списках крестьян Кневичанской волости (с. Королевцы, с. Суражевка, 1911 г.), вместе с информацией об основных занятиях, жилых и хозяйственных постройках, рабочем инвентаре и т.п., приводятся сведения о владении ремеслом. При этом среди самых распространенных ремёсел переселенцев указывается плотник, реже – бондарь, кузнец, сапожник, портной. Так, Харитон Данилович Вовченко (58 л.)

¹⁵⁰ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 57.

и Фёдор Гарасимович Стуколо (45 л.) из с. Кролевцы указали в графе «ремесло» – сапожник, Савелий Зайцев 1877 г.р. из с. Суражевка – портной¹⁵¹.

Промыслы, связанные с изготовлением одежды, подразделялись на мужские и женские. Женским занятием считалось прядение и ткачество. Мужчины занимались плетением лаптей, портняжничали и сапожничали, а также подрабатывали на выделке шкур и кож. Плетение лаптей было достаточно доходным промыслом в Приморье, особенно в страду. Так, в с. Нововладимировка Спасской волости средняя цена за пару лаптей на ярмарках была около 20 коп. Помимо ярмарок, лапти также продавали в степные селения Гайворон, Спасское, где их раскупали возами. Местные умельцы плели лапти в основном из коры маньчжурского ореха¹⁵².

Портняжный промысел в начале XX в. носил преимущественно ремесленный характер, а портные работали в основном с материалом заказчика¹⁵³. В полевых материалах Ю. В. Аргудяевой содержатся сведения о портных-«кровцах» из с. Хвалынка Спасской волости. Отмечается, что в этом селе было трое портных, которые обшивали не только жителей своего селения, но иногда и соседних. В некоторых отдалённых районах портных было гораздо меньше. К примеру, на всю Сучанскую долину было всего двое портных, которые ходили по сёлам, занимаясь в основном изготовлением верхней одежды. Стоимость шитья мужского пиджака на вате составляла 3 руб., женской керсетки – 1-2 руб.¹⁵⁴ Примечательно, что в конце XIX в. цена за пошив верхней одежды у деревенских портных в местах выхода крестьян была значительно ниже. Так, например, в Витебской губернии, по свидетельству Н. Я. Никифоровского, изготовление мужской шубы на заказ стоило 30-40 коп., женской – 40-50 коп.¹⁵⁵

Достаточно выгодным мужским промыслом, несмотря на конкуренцию с развивающейся кожевенной промышленностью, была выделка шкур и кож. Так, в

¹⁵¹ РГИА ДВ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 98. Л. 39, 55.

¹⁵² Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 80.

¹⁵³ Там же. С. 40.

¹⁵⁴ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 80-81.

¹⁵⁵ Никифоровский Н.Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск, 1895. С. 192.

сёлах Никитовка и Гранатовка за выделку шкуры брали от 1 до 4 руб., за выделку овчины «по-чёрному» – 30 коп.¹⁵⁶ Центром этого промысла была Спасская волость Иманского уезда, где к 1913 г. насчитывалось семь небольших предприятий с 7 своими и 13 наемными рабочими¹⁵⁷. Кожевенные заводы в начале XX в. были немногочисленны, работали преимущественно на местном сырье, обеспечивая внутренний рынок. Например, обследование кожевенного завода в Никольск-Уссурийском уезде Приморской области в январе 1916 г. показало, что на заводе, существующем 10 лет, работает один человек. Сырье закупается в Спасске и частично на местной бойне (50-60 руб. за пуд). Работает завод почти исключительно для крестьян из привозимого ими самими сырья¹⁵⁸. На устройство кожевенных заводов нередко брали ссуду. Так, в деле Приморского Областного по крестьянским делам Присутствия (1913-1914 гг.) приводится ходатайство крестьян селения Ясная Поляна Ракитнинской волости Иманского уезда о выдаче крестьянам Лепке ссуды в сумме 1500 руб. на устройство кожевенного завода: «... в виду того, что в соседних селениях нет другого кожевенного завода, а братья Лепке хорошие мастера, есть надежда, что они сумеют хорошо поставить дело, чем окажут большую пользу всем окружающим селениям, т.к. цена на кожевенный товар на Имане высока, а потребление его среди крестьян большое»¹⁵⁹.

Таблица «Кустарные промыслы в Приморской области», составленная по итогам анкетного обследования кустарно-ремесленной промышленности Приморской области в 1913 г., демонстрирует распределение кустарных промыслов по хозяйственно-экономическим зонам¹⁶⁰. Её анализ показал, что промыслы, связанные с производством одежды, получили наибольшее распространение в IV земледельческой зоне, занимающей территорию Приханкайской низменности. Так, сапожным и шорным промыслом здесь было

¹⁵⁶ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 81.

¹⁵⁷ Опыт анкетного обследования кустарно-ремесленной промышленности Приморской области / Под ред. Члена Делопроизводителя Комитета Н.П. Первушина и члена комитета Л.И. Звездина. Хабаровск, 1913. С. 40.

¹⁵⁸ РГИА ДВ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 98. Л. 7-8.

¹⁵⁹ РГИА ДВ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 467. Л. 3.

¹⁶⁰ Приложение 1. Таблица 8. Кустарные промыслы в Приморской области. С. 10.

занято 140 семей (13,7%), портные составляли 105 семей (10,2%), ткачи – 187 семей (18,3%). Прядильно-ткацкий промысел был наиболее распространён в следующих зонах: VII (201 семья), IV (187 семей) и VI (162 семьи). Данный промысел в основном не выходил за рамки домашнего производства и использовался преимущественно для удовлетворения нужд семьи.

Свидетельства активного использования ткачества в домашних условиях находим в архивных материалах ГАПК, посвящённых экономическому положению переселенцев: «При успешном разведении льна, домашняя пряжа полотна составляет крайне важную отрасль женского хозяйства, давая материал для одежды несравненно более дешёвый, чем покупная материя. Переселенцы прядут и до сих пор на тех бёрдах, которые они привезли из родины...»¹⁶¹. Высокое качество местного волокна и прочность полученных тканей отмечал Ф. Ф. Буссе, сообщая в своих отчётах, что для переселенцев «пряжа составляет важное подспорье в хозяйстве и заслуживает всякого поощрения»¹⁶².

Работа, связанная с изготовлением одежды, включая все стадии обработки растительного волокна (льна, конопли), прядения, ткачества полотна и пошива одежды, лежала на плечах женщин. Процесс обработки льна и конопли отличался особой трудоемкостью. Так, коноплю в Приморье так же, как и в местах выхода, убирали в два приёма: вначале выбирали мужские стебли (*плоскинъ*), а после созревания семян – женские стебли (*матурка*)¹⁶³. После уборки конопля около недели сохла на полях. Затем из неё вымолачивали цепями семена и в течение двух недель вымачивали в небольших водоемах. После этого коноплю неделю сушили в банях, так называемых *каменках*, а затем терницей выбивали кострицу¹⁶⁴. Инструмент под названием *терница* представлял собой два параллельно расположенных деревянных бруска, скреплённых деревянным шкворнем и установленных на распорки. На шкворень одевалась деревянная

¹⁶¹ ГАПК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 176. Л. 71.

¹⁶² Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. СПб., 1896. С. 162.

¹⁶³ Украинцы / Ред.: Н.С. Полещук, А.П. Пономарев; РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Нац. академия Украины. Ин-т полит. и этнонац. исслед., 2000. С. 124.

¹⁶⁴ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 82.

мялка с ручкой длиной до 1,5 м. Мялка, затёсанная на конус, ходила между брусками и мяла коноплю¹⁶⁵. Как отмечает А. З. Фёдоров, в очерке, посвящённом выработке льняного волокна в Южно-Уссурийском крае, местные крестьяне обрабатывали тресту на щелевой мялице, качество производительности которой было достаточно низким, поскольку она перебивала и рвала волокно¹⁶⁶.

По свидетельству Н. М. Кириченко, уроженки с. Грушковка Гребенковского района Полтавской области, высушенные после стлания и мочения стебли конопли, сначала мяли на большой деревянной мялке – *бительне*, а потом на мялке поменьше – *тернице*. После терницы делали пучки – *мычки* и мяли их ногами¹⁶⁷. Примечательно, что мятьё льна ногами использовали и белорусы (дольше всего на юге), однако применяли его для смягчения стеблей перед обработкой их на мялке¹⁶⁸. Описание последовательного размягчения конопляного и льняного волокна с помощью двух видов мялок (*битка/ бительня* и *терница*) приводится в монографии «Украинцы»¹⁶⁹. Такой же способ удаления костры был распространён и в юго-восточных районах Беларуси¹⁷⁰.

Лён обычно выдергивали в начале или середине августа, после чего его расстилали на стерне убранных покосов вымокать «на росы». Особенностью приморского льноводства было то, что лён, как правило, специально не вымачивали в водоемах, а оставляли на стерне на 20-30 дней, предварительно выколотив из него семена, вымокать за счёт дождей или обильных рос и туманов, характерных для этих мест¹⁷¹. После вымачивания (обычно в начале сентября) лён собирали в снопы и сушили в банях.

Подсушенные растения мяли с помощью мялок и трепали трепалом. По воспоминаниям информантов, «вечерами собирались.., мяли (мялицами), человек

¹⁶⁵ Аргудьева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 82.

¹⁶⁶ Фёдоров А.З. Опыт выработки льняного волокна в Южно-Уссурийском крае / Приморье: его природа и хозяйство. 1923. С. 149.

¹⁶⁷ Зап. от Надежды Мефодьевны Кириченко, 1927 г.р., с. Кировка Кировского района Приморского края (ЛА, 1995, № 65).

¹⁶⁸ Курилович А.Н. Белорусское народное ткачество. Минск, 1981. С. 24.

¹⁶⁹ Украинцы / Ред.: Н.С. Полещук, А.П. Пономарев; РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Нац. академия Украины. Ин-т полит. и этнонац. исслед., 2000. С. 124.

¹⁷⁰ Курилович А.Н. Белорусское народное ткачество. Минск, 1981. С. 24.

¹⁷¹ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 23. Л. 50.

по 10 женщин с песнями... баню топят... лён закидывают (в баню) уже помятый, он сохнет там, тогда собираются уже 5-6 (человек) и пошли трепать (треплом), чтобы это всё чисто-чисто уже рассыпалось»¹⁷². Эти действия были направлены на размягчение волокна и удаление остатков кострицы. В Приморье белорусы использовали трепала лопатообразной формы, распространённые в северных и восточных районах Белоруссии, где, по свидетельству А. Н. Куриловича, волокно очищали навесу¹⁷³. Такой способ обработки льна запечатлён на фотографии из фондов Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева, сделанной в с. Суражевка Шкотовского района Приморского края в 1930 г.¹⁷⁴

Следующая манипуляция была связана с расчёсыванием льна. В приморских сёлах для расчёсывания и последующего прядения повсеместно использовали большой лопастеобразный гребень с длинным основанием, который закрепляли в отверстие на скамье. Чесание осуществлялось с помощью маленькой деревянной гребёнки (*гребинки*) или щётки, которыми прочесывали пучки волокна, закреплённые между зубьями большого гребня. При этом удалялись остатки кострицы, которые нужно было вычистить до такой степени, «*шоб ни було даже и костричинки*»¹⁷⁵. Такой способ обработки волокна был распространён у украинцев и белорусов южных и восточных районов. Следует отметить, что процесс чесания волокна с гребня назывался «*мыкать мычку*» (укр. *микать*, бел. *мыкаць*), а прядение аналогичным способом – «*скубсти мычку*» (бел. *скубци*)¹⁷⁶. Упоминание о данном способе прядения встречается в свадебных песнях, записанных в Приморском крае¹⁷⁷. Самое чистое волокно – *кудель* (укр. *куделя*, *кужіль*, бел. *кужель*, *кужаль*), полученное в результате расчесывания, использовалось для выработки тонкого полотна. Очёсы, оставшиеся в процессе

¹⁷² Зап. от Марии Федоровны Редлих, 1908 г.р., с. Новицкое Партизанского района Приморского края (ЛА, 1992, № 5).

¹⁷³ Курилович А.Н. Белорусское народное ткачество. Минск, 1981. С. 27.

¹⁷⁴ Приложение 4.4. Фото 106. С. 91.

¹⁷⁵ Зап. от Надежды Мефодьевны Кириченко, 1927 г.р., с. Кировка Кировского района Приморского края (ЛА, 1995, № 65).

¹⁷⁶ Курилович А.Н. Белорусское народное ткачество. Минск, 1981. С. 35.

¹⁷⁷ Приложение 3.1. № 6. С. 24.

чесания, применялись для изготовления подстилок (*ряден*), простынь (*простын*), повседневной рабочей одежды¹⁷⁸.

После вышеперечисленных подготовительных процедур волокна льна или конопли пряли. Пряли также и предварительно состриженную и вычесанную овечью шерсть. Прядением занимались преимущественно девушки, заготавливая себе приданое. При этом использовали как веретёна, так и самопрялки (*прядки*). Спряденные нитки сучили, т.е. соединяли две нити в одну. Для этого использовали веретено, самопрялку или скально. Последнее приспособление представляло собой инструмент, состоящий из круглой палочки и соединённого с ней деревянного колеса, при вращении которого осуществлялся процесс сучения нитей¹⁷⁹.

Прясть начинали осенью после окончания полевых работ, когда выпадет снег. Часто пряли на посиделках (*досвитках*, *супрядках*), снимали хату, где вечерами собиралась деревенская молодежь. Прясть приходилось много. Вот как об этом рассказывали жительницы приморских сёл: *«раньше ж всё пряли: и на Бога (на рушники), и на себя (на рубашку), и мужика оденешь – день и ночь пряли; если спали – 2-3 часа, а то всё работали»*¹⁸⁰; *«часов не знали, пряли «по звёздочках»*¹⁸¹. По воспоминаниям Е. Л. Кравцовой, 1898 г.р., из с. Многоудобное Шкотовского района, *«пряли так, что кровь с пальца тяче...»*¹⁸². Прядение зачастую совмещали с уходом за младенцем: *«Сидышь, на прядке прядёшь, а тут дэтыну колышешь и спываешь»*¹⁸³. Информанты отмечали также запретные дни для прядения: *«Девчата пряли во все дни, но под пятницу не пряли, и в пятницу*

¹⁷⁸ Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.). М., 1997. С. 82-83.

¹⁷⁹ Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX в. // Восточнослав. этногр. сб.: очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. (Тр. Ин-та этнографии им Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. сер. Т. XXXI). М., 1956. С. 495; Приложение 4.3. Фото 89. С. 80.

¹⁸⁰ Зап. от Федоры Ивановны Бахтиной, 1905 г.р., с. Владимиро-Александровское Партизанского района Приморского края (ЛА, 1992, № 8).

¹⁸¹ Зап. от Марии Юрьевны Моисеевой, 1912 г.р., с. Рошино Красноармейского района Приморского края (ЛА, 1993, № 25).

¹⁸² Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 40.

¹⁸³ Зап. от Марии Прохоровны Пидручной, 1924 г.р., с. Новонежино Шкотовского района Приморского края (ПМА, 2004).

*тоже не пряли»*¹⁸⁴. Рассказывали также, что рукоделием не занимались в воскресенье и накануне – в субботу вечером, а также во время святочного периода – на Рождество, Новый год и Крещение. Запрет на неурочное прядение/ткачество в полесской традиции, распространявшийся на определённые временные отрезки (дни недели, праздники) соблюдали, чтобы не навредить мифическим существам (святым, душам умерших, персонифицированным образам времени) и не спровоцировать их негативную реакцию¹⁸⁵. По воспоминаниям А. И. Лиман, выполнять женскую работу начинали, когда пройдет *«Роздвен день»*: *«Этот день пройдёт, тогда вже начинают кто прять, кто ставять станки – ткут тогда... тогда вже всё начинают делать – ткать, прять, шить...»*¹⁸⁶. Исследуя терминологию полесского народного календаря, а также запреты, связанные с определенными датами, С. М. Толстая приводит следующие сведения: *«Роздвеный/Роздвяный день – день, отстоящий от праздника Рождества ровно на две недели»; «старые казали, Роздвяной день – як первый день Рожэства, стараюцца ничего не робить»*¹⁸⁷.

Следующий этап выработки волокна заключался в ткачестве. Ткали на ткацких станках – *кроснах*, известных с древности. Их устанавливали в доме на зиму, когда сельскохозяйственные работы были закончены. Ткали в пост после Рождества. Ширина домотканины была обусловлена размером ткацкого станка и варьировалась от 40 до 48 см, в редких случаях достигала 65 см. В соответствии с размерами полотна, рассчитывали и ширину будущего изделия. Чтобы получить крепкое полотно, использовали нити, спряденные из льняных и конопляных волокон. Процесс ткачества начинался со снования ниток. Сновали обычно на стене дома (по вбитым деревянным столбикам или гвоздям) или с помощью деревянной катушки – *сновалки*¹⁸⁸. Нитки считали пасмами (в одной пасме 30 нитей). Для разделения ниток при сновании использовали деревянный чурбачок с

¹⁸⁴ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 55.

¹⁸⁵ Виноградова Л.Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции.. М., 2016. С. 120.

¹⁸⁶ Зап. от Александры Изосимовны Лиман, 1913 г.р., с. Кировка Кировского района Приморского края (ЛИА, 1995, № 58).

¹⁸⁷ Толстая С.М. Полесский народный календарь. М., 2005. С. 211-212.

¹⁸⁸ Приложение 4.3. Фото 90. С. 80.

двумя дырочками – *юрок*¹⁸⁹. После снования нити могли отбеливать. Для этого, как рассказывали информанты, их связывали, складывали в *жлукто* (выдолбленный изнутри кусок дерева без дна), пересыпали берёзовой золой или заливали щёлоком (золой, настоянной на воде) и запаривали кипятком с льняным семенем на ночь. После этого раскладывали на полу и отбивали деревянным вальком (*праником*). Потом пряжу выносили на мороз и расстилали для выбеливания. Процедуру с запариванием и вымораживанием повторяли несколько раз. Затем нитки наматывали на мотовило и подготавливали к заправке основы на ткацкий стан¹⁹⁰. Готовое полотно неоднократно вымачивали на речке и расстилали на лугу выгорать на солнце до тех пор, пока оно не становилось белое и мягкое. Выбеленное полотно называлось *бель*. Из него шили нательное белье (мужские и женские рубашки). Более грубое полотно использовали для пошива мужских штанов. Некоторые информанты отмечали, что из льна делали только рубашки, а штаны или кальсоны мужчинам шили из конопли¹⁹¹. Из напряденной овечьей шерсти выделяли домашнее сукно белого и коричневого цвета, из которого шили свиты, пиджаки. Непряденую шерсть использовали для валяния валенок. Шерстяные нитки применяли для изготовления поясов, вязания шалей, носков, чулок.

Исследование особенностей хозяйственно-бытовой культуры украинцев и белорусов Приморья в процессе освоения новых территорий показало, что на первоначальном этапе переселенцы придерживались традиционных видов и способов ведения хозяйства, а также привычного хозяйственного уклада. Основными занятиями крестьянского населения оставались земледелие, огородничество и скотоводство. В результате адаптации к новым природным и социально-экономическим условиям постепенно происходили изменения в характере и методах землепользования. Большое значение в крестьянском

¹⁸⁹ Осипова Е.И. Ткачество. Новгородские традиции и современность. М., 2009. С. 31.

¹⁹⁰ Зап. от Раисы Авраамовны Аллёновой, 1919 г.р. и Дарьи Никитичны Бичевиной, 1926 г.р., г. Владивосток (ЛА, 1992, № 4).

¹⁹¹ Зап. от Василия Васильевича Соболя, 1911 г.р., с. Золотая Долина Партизанского района Приморского края (ЛА, 1993, № 27).

хозяйстве, особенно среди новосёлов, получила промысловая деятельность, а также отходничество. Промыслы, связанные с производством одежды, зачастую имели подсобный характер и служили удовлетворению нужд семьи. Это в первую очередь относится к деятельности, связанной с выработкой растительного волокна, прядением и ткачеством.

Итак, формирование крестьянского населения Приморья проходило в условиях сложных политических, экономических, социальных и прочих процессов. Основную часть переселенцев в пореформенное время составляли выходцы из Левобережной Украины, в первую очередь из Черниговской, а также Полтавской губерний. При этом значительная доля переселенцев из северо-западных уездов Черниговской губернии была представлена белорусами. Существенный процент переселенцев-белорусов в Приморскую область дала также Могилёвская губерния, в меньшей степени – Минская, Гродненская, Гомельская и прочие губернии. География расселения в Приморье украинцев и белорусов, в культуре которых преобладал земледельческий хозяйственный тип, отражала специфику их традиционных хозяйственных предпочтений. В связи с этим особенно плотно была заселена территория, наиболее пригодная для земледелия: Приханкайская низменность, Сучанская долина, а также долины левых притоков р. Уссури. Этническая и региональная пестрота, свойственная крестьянским поселениям Южно-Уссурийского края, способствовала процессам интеграции и аккультурации. В то же время в компактных поселениях отдельных этнических групп наблюдался процесс «консервации» традиционно-бытовой культуры. Хозяйственная деятельность переселенцев в целом сохраняла стабильность и на первых порах была схожа с занятиями крестьян в местах выхода. Однако влияние иной природно-географической и социально-культурной среды сказалось на адаптации хозяйственно-бытового уклада переселенцев, что нашло отражение в новых формах землепользования, усовершенствовании орудий труда, развитии промысловой деятельности.

ГЛАВА 2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОДЕЖДЫ УКРАИНСКИХ И БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.

2.1. Основные компоненты одежды украинцев и белорусов в Приморье

Крестьянский костюм украинцев и белорусов, расселившихся в Приморье, в течение длительного времени сохранял традиционные черты, отражающие региональное и локальное своеобразие. Прямые или косвенные подтверждения этому можно найти в этнографических очерках, статистических материалах и других письменных источниках конца XIX – начала XX в. Так, характеризуя выходцев из западных губерний, Ф. Ф. Буссе отмечал, что «все переселенцы, прибывающие морем, сохраняют свой стародавний обычай одеваться в свой холст...»¹⁹². В отношении внешнего вида белорусов, проживающих в Приамурье, И. А. Лопатин писал, что на них «то же грубое холщёвое одеяние, как и там, далеко в Белоруссии»¹⁹³.

Как показывают источники, в конце XIX – первой трети XX в. в приморских сёлах носили одежду, изготовленную из льна, конопли и овечьей шерсти. Использовали также и покупную материю (коленкор, перкаль, ситец, сатин и др.)¹⁹⁴. По свидетельствам наших информантов, приехавших в Приморье после 1940-х гг., выходцы из украинских и белорусских сёл носили традиционную одежду и в более позднее время. Так, вспоминая о детстве в Белоруссии, уроженка с. Боклань Петриковского района Гомельской области, А. И. Терентьева, рассказывала: *«жили натуральным хозяйством, лён садили, отбеливали его, держали овец, отец вязал лапти, валенки катали; перкаль на яйца выменивали – из него шили праздничные сорочки»*¹⁹⁵. Со слов Г. А. Леоненко, приехавшей в с. Спасское Приморского края из с. Холмы Холменского района

¹⁹² Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. СПб., 1896. С. 162.

¹⁹³ Лопатин И.А. Местная этнография как вид родиноведения и краеведения. Владивосток, 1918. С. 15.

¹⁹⁴ Приложение 1. Таблица 9. Опись имущества переселенцев (одежда). С. 11-20.

¹⁹⁵ Зап. от Анастасии Ивановны Терентьевой, 1940 г.р., г. Уссурийск (ПМА, 2019).

Черниговской области в 1940 г., в первые годы после переселения в её семье носили одежду (вышитые сорочки, фартуки, спидницы, керсетки), которую привезли с собой из Украины¹⁹⁶.

Костюму украинцев и белорусов были присущи как общие признаки, характерные для восточнославянской одежды в целом, так и региональные и локальные различия. Женская одежда, по сравнению с мужской, была менее подвержена внешним влияниям, дольше сохраняла традиционные черты – крой, орнаментацию. Праздничная одежда отличалась от повседневной (будничной) материалом, степенью декорирования. Праздничную одежду надевали на службу в церковь, в большие праздники, отмеченные церковным и земледельческим календарем, на деревенские гуляния, а также на такие значимые семейные события, как свадьба, крещение. Описывая праздничную одежду крестьян Хорольского уезда Полтавской губернии, священник А. Иваница писал: «В праздники Господские, Богородичные и многих Святых, Малороссы и дома ходят, и в гостях бывают, и приходят в храм Божий на молитву в одеждах новых...»¹⁹⁷. Учитывая данное обстоятельство, Южно-Уссурийское переселенческое управление стремилось по возможности организовывать церковные службы, чтобы повлиять на чистоту и опрятность переселенцев. Так, в донесении от 15 ноября 1891 г. Господину военному губернатору Приморской области говорится: «Командир Странский, ежегодно перевозивший переселенцев в течение многих лет, признает лучшею побудительную меру к перемене белья, это церковные службы, к которой крестьянин является в чистой одежде. В своих отчётах он постоянно упоминает о необходимости священника не только для исполнения треб и церковной службы, но также и для косвенного влияния на соблюдение опрятности»¹⁹⁸.

Для изготовления праздничной одежды использовали как отбеленное домотканое полотно, так и покупную материю. Праздничный костюм обильно

¹⁹⁶ Зап. от Галины Андреевны Леоненко, 1932 г.р., г. Владивосток (ПМА, 2019).

¹⁹⁷ Домашний быт малоросса Полтавской губернии Хорольского уезда (Священника А. Иваницы) // Этнографический сборник. Собрание местных этнографических описаний России. СПб., 1853. № 1. С. 346.

¹⁹⁸ ГАПК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 176. Л. 21-22.

украшался вышивкой, кружевом, атласными лентами, нашивками из плиса. Особой декоративностью отличалась одежда девушек и молодых женщин, свадебный костюм. Возрастные отличия в одежде подчёркивались с помощью причёски и головного убора в девичьем и женском костюме. Наряду с половозрастной, этнической и прочими знаковыми функциями, традиционная одежда наделялась и обрядовыми свойствами, которые нашли отражение при отправлении важнейших обрядов семейного и аграрного циклов.

Накопленный фактический материал позволил систематизировать отдельные компоненты традиционного костюма переселенцев, классифицировать их в соответствии с рядом признаков и на основании типологий компонентов одежды выделить характерные комплексы традиционного костюма украинцев и белорусов, бытовавшие в Приморье в конце XIX – начале XX в. При классификации одежды учитывались следующие факторы: половозрастной признак (мужская, женская, девичья), этническая принадлежность (украинцы, белорусы) с учётом губернии выхода, функциональное назначение (будничная, праздничная, обрядовая), сезонность (летняя, осенне-весенняя, зимняя), практическое назначение (нательная, верхняя), тип конструкции в соответствии с прикрываемой частью тела (нагрудная, поясная, головные уборы, обувь), материал (домотканое полотно, фабричная ткань), крой (прямой, расклешённый, приталенный, туникообразный, поликовый, с кокеткой и пр.)¹⁹⁹. В основу типологии одежды украинцев и белорусов был положен крой как наиболее устойчивый фактор.

Крой крестьянской одежды был связан с особенностями материала, из которого она изготавливалась. Для народного костюма был характерен прямой крой, при котором все детали изготавливали из прямоугольных частей. Такой крой присущ одежде многих традиционных культур и восходит к архаичным временам, когда ткань не разрезали, а разрывали на куски необходимой величины. Прямоугольный крой также подразумевал рациональное использование

¹⁹⁹ Ушаков Н.В. К вопросу классификации одежды восточных славян // Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб, 1982. Т. XXXVII. С. 19.

материала, что было немаловажно в условиях трудоёмкого производства домотканого полотна, в процессе которого отрабатывались многочисленные этапы, связанные с выращиванием и обработкой льна, прядением и ткачеством. В соответствии с шириной полотна определялось количество составных частей готового изделия. При этом руководствовались принципом, гарантирующим свободу облегания.

Рубаха (укр., бел. *сорочка, рубашка*) в конце XIX – начале XX в. являлась основной нательной одеждой украинцев и белорусов. Традиционные женские сорочки были намного разнообразнее мужских. В соответствии с кроем выделялись основные виды рубах: туникообразные, поликовые, с цельнокроеным рукавом, на кокетке²⁰⁰.

Наиболее архаичными являлись женские сорочки туникообразного кроя, изготовленные из перегнутого пополам полотнища с пришитыми по бокам расширяющимися клиньями и втачными, зауженными книзу рукавами. Рубахи подобного рода не часто встречались на территории Приморья²⁰¹. Исследователи отмечают, что туникообразная женская рубаха у восточных славян в XIX в. являлась реликтовой формой²⁰². Подобный покрой встречался у русских старообрядцев в «смертных» рубахах, а также в юго-западных губерниях Украины в повседневной одежде²⁰³.

Украинские и белорусские переселенки в Приморье в основном носили сорочки с прямыми *поликами* (плечевыми вставками), пришитыми по утку. Полики (укр., бел. *уставки, палики*) соединяли стан и рукава, создавая дополнительный объём, необходимый для свободы движения. Ширина поликов могла равняться ширине домотканого полотна или составлять его половину. Особенностью поликовых сорочек было оформление горловины, которую

²⁰⁰ Приложение 4.1. Рис. 1-10. С. 30-31.

²⁰¹ Приложение 4.3. Фото 10. С. 57.

²⁰² Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX - начале XX вв. // Восточнослав. этногр. сб.: очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. (Тр. Ин-та этнографии им Н.Н. Миклухо-Маклая, нов сер. Т. XXXI). М., 1956. С. 605.

²⁰³ Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры / К.В. Чистов, М.Г. Рабинович, М.Н. Шмелева и др.; Отв. ред. К.В. Чистов; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1987. С. 267.

присоби́рали с помощью мелких равномерных стежков на прочную льняную нитку и стягивали, что придавало изделию пышность и нарядность. Поликовые сорочки обычно кроились из трёх отрезов холста шириной приблизительно 40 – 45 см, которые сшивались между собой с помощью стачного шва или швом встык косыми стежками. Полотнища домотканых сорочек располагались несимметрично за счёт того, что одна из полок вшивалась сбоку, образуя шов, смещённый вправо или слева от центра. Таким образом, ширина сорочки в обхвате составляла около 140 см.

Значительно реже встречались сорочки с пришитыми по основе цельнокроеными рукавами. Как отмечает Т. А. Николаева, рубахи с подобным кроем преимущественно бытовали в центральной Полтавщине и Киевщине, а также на юге Черниговщины²⁰⁴. Такой крой был отмечен в двух холщёвых рубахах из музея Школы педагогики ДВФУ, а также в сорочке, принадлежавшей уроженке Киевской губернии, из коллекции Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева²⁰⁵. Сорочки на кокетке (укр. *на кокетці*; бел. *на гестцы*) имели более позднее происхождение и получили распространение в начале XX в. под влиянием городской моды. Шились такие сорочки, как правило, из фабричных тканей²⁰⁶.

В соответствии с кроем женские сорочки подразделялись также на цельнокроеные (укр. *додільна*; бел. *суцэльная*) и составные (укр. «*сорочка до підтички*»; бел. «*з подтачкай*»), сшитые из двух горизонтально расположенных частей – стана (укр. *станок, оплічча*; бел. *станина, чэхлік*) и подставы (укр. *підтичка*; бел. *подстаўка*). Верхняя часть сорочки обычно выкраивалась из тонкого отбеленного полотна, а подстава шилась из более грубого холста. С распространением фабричной ткани её, как правило, использовали для стана, а домотканину – для подставы. Из цельного полотна изготавливались свадебные сорочки невесты, а также рубашки, которые принято было носить с распашной

²⁰⁴ Николаева Т.А. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1988. С. 35.

²⁰⁵ МПК 8727-10 Т 1-179 (без фото).

²⁰⁶ Приложение 4.3. Фото 30. С. 62.

поясной одеждой – плахтой/понёвой. В этом случае подол сорочки, открытый всеобщему обозрению, обильно украшали вышивкой, ажурными прошивами, мережкой. Кроме того, цельную сорочку невеста могла дарить на свадьбе своей свекрови, что считалось дорогим подарком.

Рукава у сорочек шили цельные (из одного куска полотна) или с подрукавником (вставкой в виде прямоугольника или клина, равной половине или четверти ширины холста). Последние особенно часто встречаются у белорусов – переселенцев из Черниговской губернии²⁰⁷. Свободу облегания рукава обеспечивали *ластовицы* (бел. *цвікля*; укр. *ластівка*, *ластовиця*) – вставки между рукавом и станом, обычно квадратной формы. Отметим, что ластовицы присутствуют не во всех исследуемых нами сорочках. Встречающиеся же ластовицы значительно варьируются по размеру (от 5/5 см, до 15/15 см). Большим разнообразием отличалось оформление низа рукавов женских сорочек. Рукава могли заканчиваться прямоугольной манжетой шириной 2-4 см с застежкой на одну или две пуговицы. Зачастую низ рукава собирался на узкую глухую обшивку. В белорусских сорочках края рукавов на расстоянии примерно 10 см от края собирали сборками, которые закрепляли нашитой поверх узкой полоской ткани или узорной тесьмой²⁰⁸. Такой вид рукавов получил название *брыжи*²⁰⁹.

Горловина женских сорочек оформлялась различными способами. Часто ворот представлял собой простую обшивку узкой полоской ткани (шириной 0,8-1 см) с промётанными по краям петлями, в которые продевался шнурок (*матузок*) или атласная лента для завязки. Кроме того, среди украинских и белорусских переселенков были распространены сорочки с воротником-стойкой шириной 2-3 см, который застёгивался на одну или две пуговицы с помощью прорезных или нитяных петель. Встречались также сорочки с отложным воротником, преимущественно у белорусских переселенцев.

²⁰⁷ Приложение 4.3. Фото 8, 9. С. 57.

²⁰⁸ Там же. Фото 32. С. 63.

²⁰⁹ Лобачевская О.А., Зимина З.И. Белорусский народный костюм. Минск, 2009. С. 31.

К поясной женской одежде украинцев и белорусов, бытовавшей на территории Приморья, относится плахта, понёва, юбка и фартук. В соответствии с кроем поясную одежду можно объединить в две группы: 1) полностью сшитая (юбка); 2) несшитая или частично сшитая (плахта, понёва, фартук). В первую группу можно также отнести юбку с пришитым лифом/ саян с кабатом, генетически восходящие к юбке.

Среди поясной женской одежды видное место занимала *плахта*. Это типичная одежда украинок, восходящая к архаичным формам одежды несшитого вида, которая бытовала преимущественно в центральной и восточной Украине до конца XIX – начала XX в. Плахта считалась праздничной одеждой девушек на выданье и замужних женщин. Её изготавливали из двух полотнищ длиной 1,5 – 2 м, которые сшивали до половины, а концы (крылья) перекидывали через пояс и укрепляли на талии. Таким образом, плахта закрывала заднюю часть тела. Спереди надевали запаску, дергу, а позже передник (фартук). Материалом для изготовления плахты служила шерстяная ткань с шашечным или клетчатым узором, в который вписывался основной орнамент в виде ромбов или розеток. Соединительный шов, которым сшивали плахту, также носил декоративную функцию. Его выполняли из цветного гаруса (шерстяных ниток) в виде кружков – «*копійками*»²¹⁰. Расцветка плахт могла варьироваться в зависимости от региона.

Плахты в конце XIX – начале XX в. нечасто встречались в Приморье. В основном их использовали лишь в первые годы после переселения. В статистических материалах по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области, посвящённых бюджетам приморских крестьян, содержится информация о том, что среди старожилов-малороссов, прибывших из Полтавской губернии в Иманский уезд Успенской волости в с. Авдеевка в 1899 г., зафиксированы только 4 плахты. Ещё одна плахта принадлежала выходцам из Черниговской губернии, прибывшим в Ольгинский уезд Новонежинской волости в с. Ново-Нежино в 1897 г. Что касается новосёлов, то здесь выявлена всего одна плахта, принадлежавшая

²¹⁰ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 236.

малороссам из Черниговской губернии, водворившимся в с. Пушкино Хабаровского уезда Лермонтовской волости в 1909 г.²¹¹

Плахта – достаточно редкий экспонат в музейных собраниях Приморского края. Нам удалось зафиксировать две плахты. Одна из них представлена в коллекции Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева²¹². Данный экземпляр датируется началом XX в., принадлежал выходцам из Черниговской губернии. Размеры: 92/180 см. Другая плахта хранится в Спасском краеведческом музее²¹³. В отличие от первого образца, данная плахта почти в два раза короче и имеет размеры: 78/100 см. Как утверждает Т. А. Николаева, такие плахты (без крыльев) носили небогатые крестьянки на Черниговщине и Полтавщине²¹⁴.

Другим видом поясной одежды, бытовавшей на территории Приморья среди переселенцев-белорусов, была *понёва*. Это подтверждают архивные данные и музейные фотоматериалы. Понёва (*панёва*) представляет собой женскую поясную одежду архаичного типа, широко распространенную в основном у южнорусского населения. В некоторых юго-восточных районах Беларуси также бытовали понёвы разных видов: глухая, распашная и понёва-плахта²¹⁵. Д. К. Зеленин относит белорусскую понёву к наиболее древней разновидности восточнославянской несшитой одежды²¹⁶. Исследуя понёвы-плахты западных районов Орловской губернии, Н. П. Гринкова приходит к выводу о том, что этот тип понёв, характерный для этноконтактной зоны русско-белорусско-украинского пограничья, как по покрою, так и по способу ношения, следует считать более архаичным по сравнению с другими видами понёв²¹⁷.

²¹¹ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Том VI (Таблицы). Выпуск второй. Бюджеты Приморских крестьян. Составил А.А. Меньщиков. Под ред. Б.Н. Клепинина. Владивосток, 1917. С. 40.

²¹² Приложение 4.3. Фото 35. С. 64.

²¹³ Там же. Фото 36. С. 64.

²¹⁴ Николаева Т. История украинского костюма. Київ, 1996. С. 74.

²¹⁵ Смирнова И.Ю. Понёва-плахта в традиционном костюме гомельско-брянского пограничья (Неглюбский строй) [Электронный ресурс] / И. Ю. Смирнова // Единство и разнообразие славянского народного костюма. Сборник статей. Смоленск, 2010. С. 89-96. – Режим доступа: <https://etnos.ru/etnologiya/1891-poneva-plakhta-v-traditsionnom-kostyume-gomelsko-bryanskogo-pogranichya-neglyubskij-stroj.html> (дата обращения: 24.05.2020).

²¹⁶ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 235.

²¹⁷ Гринкова Н.П. Русская понёва юго-западных районов РСФСР // Сборник музея антропологии и этнографии: [научные статьи]. М., Л., 1949. Т. 12. С. 49.

Данные фотоматериалов из фондов Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева указывают на то, что в Приморье среди белорусов, переселенцев из Суражского уезда Черниговской губернии, ещё в 30-е гг. XX в. бытовала понёва-плахта в составе комплекса одежды выходцев из районов брянско-гомельского пограничья²¹⁸. В статье «Понёва» и «вставка» в белорусской женской одежде» А. К. Супинский подробно описывает понёву-плахту, которая в прошлом, по его словам, была распространена по всей южной Могилёвщине²¹⁹. Примечательно, что при описании данного типа понёвы автор ссылается на иллюстрацию, на которой изображена переселенка-белоруска из с. Суражевка Шкотовского района Приморского края (уроженка Суражского уезда Черниговской губернии) в традиционной одежде. В частности, указывается, что такая понёва изготавливалась из двух полотнищ клетчатой шерстяной ткани (длиной около 170 и шириной около 47 см), сшитых по длине примерно наполовину, и носилась по типу украинской плахты, в перегнутом виде. При этом оставался открытым подол рубахи, который прикрывался фартуком. Укреплялась понёва при помощи широкого пояса длиной 260 см и шириной 7,5 см²²⁰. Более детальная информация о способах изготовления, оформления, ношения и ареале распространения понёвы-плахты приводится в статье И. Ю. Смирновой²²¹.

Наибольшее распространение в Приморье в конце XIX – начале XX в. получил такой вид поясной одежды, как юбка. Юбка в украинском и белорусском костюме имела различные локальные варианты и соответствующие названия (укр. *спідниця*, *андарак*; бел. *спадніца*, *андарак*, *саян*)²²². Как правило, юбка-спидница (спадница) изготавливалась из домотканого холста (позже фабричной материи), а андарак/ саян – из шерсти или полушерстяной материи домашней

²¹⁸ Приложение 4.4. Фото 109. С. 93.

²¹⁹ Супинский А.К. «Понёва» и «вставка» в белорусской женской одежде. К вопросу об их культовом происхождении // Советская этнография. 1932. № 2. С. 133.

²²⁰ Там же.

²²¹ Смирнова И.Ю. Понева-плахта в традиционном костюме гомельско-брянского пограничья (Неглюбский строй) [Электронный ресурс] / И. Ю. Смирнова // Единство и разнообразие славянского народного костюма. Сборник статей. Смоленск, 2010. С. 89-96. – Режим доступа: <https://etnos.ru/etnologiya/1891-poneva-plakhta-v-traditsionnom-kostyume-gomelsko-bryanskogo-pogranichya-neglyubskij-stroj.html> (дата обращения: 24.05.2020).

²²² Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 239.

выделки. Домотканая шерстяная юбка была более характерна для белорусов и входила в часть комплекса одежды Гомельского и Могилевского Поднепровья.

Описывая женскую одежду белорусов Черниговской губернии, М. Н. Косич приводит следующую информацию: «Сверх белой рубахи с широкими рукавами надевается сарафан, по местному «саян» или «сподница». Шерсть на саяны женщины сами прядут, ткут, весной валят на валюшне при мельнице и затем отдают «синильнику» еврею, который поселяется специально с этой целью в одной из окружных деревень и за самую скромную цену делает серые саяны синими, а фартухи и пояса красными. Для праздничных же нарядов юбки окрашиваются иногда в зелёный цвет, тогда нашиваются по всей материи в беспорядке клочки красной шерсти, в вершок длины. Это и есть «мушковая сподница»²²³.

В конце XIX – начале XX в. украинские переселенки в Приморье носили юбки из домотканых материалов (льна, конопли, овечьей шерсти). В холодное время года женщины надевали шерстяные юбки или по 2-3 холщёвых²²⁴. Среди украинских переселенок были распространены юбки-спидницы. Белорусские переселенки носили в основном шерстяные саяны. К 30-м гг. XX в. домотканые юбки почти полностью заменили юбками из фабричных материалов. Примечательно, что холщёвые юбки достаточно долго продолжали носить как рабочую одежду, в то время как юбки из покупной материи использовали в качестве праздничной.

В процессе исследования образцов поясной одежды были выявлены особенности кроя и декоративного оформления юбок, большинство из которых (6 шт.) представлено в фондах Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева, а также (1 шт.) в музее Школы педагогики ДВФУ. Крой юбок был схожим: несколько полотнищ сшивались между собой, присборивались в верхней части в мелкие складки (*ряси*) и пришивались к поясу, который застегивался на крючки или пуговицы. С внутренней стороны подол юбки

²²³ Косич М.Н. Литвины-белорусы Черниговской губернии: их быт и песни. Спб., 1902. С. 7.

²²⁴ Там же. Л. 115.

подшивался широкой полосой плотной ткани. Различия проявлялись в основном в материале (домотканый холст, шерсть, сатин и др.) и способах отделки (застроченные складки и нашивки из атласных лент или полосок плиса)²²⁵. Юбки из фабричной ткани были достаточно широкими (от 96 до 135 см). Их шили из трёх-четырёх полотнищ шириной 60 – 70 см. Отдельные экземпляры насчитывали шесть-семь полотнищ ткани²²⁶. Количество полотнищ у юбки указывало на достаток её владелицы. Кроме того, широкая юбка считалась особенно нарядной, о чем информанты говорили следующее: «*чем ряснее (юбка), тем красивее*»²²⁷. Длина изделий могла варьироваться от 62 до 88 см.

Среди переселенцев из северных и северо-западных уездов Черниговской губернии в Приморье был также распространён предмет женской одежды, который трансформировался из юбки – это юбка с пришивным лифом. Для обозначения данного вида одежды обычно используются следующие термины – *саян, саян с кабатом, юбка с нагрудником, сарафан с лифом*. Как отмечает Г. С. Маслова, одежда в виде юбки с лифом под названием *саян* бытовала у белорусов и, вероятно, была заимствована у прибалтийских народов²²⁸. По свидетельству Л. И. Маленко, саянный комплекс был характерен в основном для Могилёвского Поднепровья, а также восточных районов Витебщины²²⁹. Н. И. Лебедева полагает, что *саян*, распространённый в Ельнинском уезде Смоленской губернии, произошёл из *андарака* и *шнуровки* (одежды, свойственной белорусам Могилёвщины, Витебщины, западной части Смоленщины) и в более позднее время оказал влияние на появление нового вида одежды – сарафана с лифом, пришедшего на смену понёве в с. Семерёво Брянской губернии²³⁰.

²²⁵ Приложение 4.3. Фото 39, 37. С. 65.

²²⁶ Там же. Фото 40. С. 65.

²²⁷ Зап. от Александры Изосимовны Лиман, 1913 г.р., с. Кировка Кировского района Приморского края (ЛА, 1995, № 58).

²²⁸ Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX - начале XX вв. // Восточнослав. этногр. сб.: очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. (Тр. Ин-та этнографии им Н.Н. Миклухо-Маклая, нов сер. Т. XXXI). М., 1956. С. 643.

²²⁹ Маленка Л.И. Беларускі народны касцюм. Мінск, 2001. С. 89.

²³⁰ Лебедева Н.И. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-ом, 1926-ом годах). Ч. I. Народный костюм, пряденье и ткачество. М., 1927. С. 52.

В начале XX в. одежда в виде юбки с пришивным лифом, распространённая на севере Черниговщины, называлась *спідниця до нагрудника*²³¹. В этнографических реконструкциях Т. В. Косминой и З. О. Васиной юбка с лифом (*спідниця з нагрудником*) представлена как составная часть комплекса свадебной одежды Новгород-Северского уезда Черниговской губернии, отражающего специфику традиционного костюма Восточного Полесья²³². В это же время *спадниця з нагрудником* получила распространение и в юго-восточной части Гомельского уезда Могилёвской губернии, придя на смену понёве и шерстяному андарaku²³³.

В Приморье переселенки из Суражского уезда Черниговской губернии, в частности, из с. Петрова Буда носили домотканые юбки с пришивным лифом, изготовленные из овечьей шерсти и окрашенные в синий, зелёный и красный цвета. Прилегающий лиф имел разрез спереди до пояса и застегивался на крючки, юбка присобиралась у талии или шилась в складку (*кладку*)²³⁴. Позднее, с распространением фабричной ткани, юбки с лифом стали шить из фабричной материи с застежкой на пуговицы. Исследованные нами юбки с пришивным лифом в единичных экземплярах представлены в Музеях Приморского края²³⁵. Такой же вид одежды продемонстрировала на Первом Конгрессе народов Приморского края участница национально-культурной организации «Белорусы Приморья», уроженка с. Кибирщина Красногорского района Брянской области, Е. И. Мартынюк, из рассказа которой удалось выяснить, что эта вещь принадлежала её матери, К. Ф. Грибановой, 1901 г.р. и является семейной реликвией²³⁶.

Особо следует отметить уникальный экземпляр из коллекции отдела древнебелорусской культуры Центра исследований белорусской культуры, языка

²³¹ Николаева Т.А. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1988. С. 167.

²³² Косміна Т.В., Васіна З.А. Українське весільне вбрання. Етнографічні реконструкції. Київ, 1989.

²³³ Винникова М.Н. Реконструкция локальных вариантов традиционного белорусского костюма с использованием материалов из собраний музеев России и Беларуси // Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Рос. акад. наук; отв. ред. А.А. Новик. СПб., 2013. Т. 58. С. 355.

²³⁴ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 45.

²³⁵ Приложение 4.3. Фото 49. С. 68; Фото 50. С. 69; Фото 100. С. 87.

²³⁶ Зап. от Елены Ивановны Мартынюк, 1944 г.р., г. Владивосток (ПМА, 2013); Приложение 4.4. Фото 143-145. С. 117-118.

и литературы Национальной академии наук Беларуси, привезённый его сотрудниками из экспедиции по Приморскому краю в 1990-е гг. Как следует из учётной записи, это – *саян с кабатом*, принадлежавший Д. В. Попельш, уроженке д. Осинки, Жастковского с/с Суражского района Брянской области (бывшего Мглинского уезда Черниговской губернии), которая с 1940 г. проживала в с. Каменка Чугуевского района Приморского края²³⁷. Время изготовления – 1920-е гг. Этот предмет одежды, отрезной по линии талии, состоит из двух частей. Нижняя часть (*саян*) сшита вручную из шерстяного домотканого полотна, а нагрудник (*кабат*) изготовлен на машинке из фабричной материи (фланель). При этом заднее полотнище саяна присобрано в густые складки у пояса, а переднее – надставлено сверху куском грубого серого полотна, что было характерным приёмом в поясной одежде архаичного типа²³⁸. Примечательно, что название «*кабат*» могло означать и отдельный вид одежды, который также представлял собой сшитую безрукавку и юбку, однако разрез пазухи в данном случае располагался не по центру, как в представленных выше местных образцах, а был смещен влево. Такая одежда, по свидетельству Е. Ф. Фурсовой, встречалась в Сибири у белорусов – выходцев из Могилёвской губернии²³⁹.

Как видно из приведенных данных, термин «саян» достаточно многозначен и имеет ярко выраженную локальную окраску. Вероятно, изначально он был связан с шерстяной домотканой юбкой, а позже это название распространилось и на юбку с лифом, что подтверждает их генетическую связь. Поздние формы данного вида одежды, получившие распространение в отдельных районах Поднепровья и Восточного Полесья в начале XX в., чаще имели название «юбка с лифом/нагрудником» (укр. *спідниця з нагрудником*; бел. *спадницца з нагруднікам*).

Неотъемлемой частью женского восточнославянского костюма являлся фартук (укр. бел. *фартух, хвартух*). Фартук в украинском костюме

²³⁷ Приложение 4.3. Фото 51. С. 70.

²³⁸ Супинский А.К. «Понева» и «вставка» в белорусской женской одежде. К вопросу об их культовом происхождении // Советская этнография. 1932. № 2. С. 102-136.

²³⁹ Фурсова Е.Ф. Трансформации традиционной одежды белорусов в Сибири / Трансформации в области традиционной материальной культуры народов Белоруссии и Сибири XIX – начале XXI в. // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры / Е.Ф. Фурсова, А.В. Титовец (руководители авторского коллектива), А.А. Люцидарская и др. Новосибирск, 2011. С. 310-311.

трансформировался из *запаски* – поясной одежды в виде узкого полотнища шерстяной ткани, которую носили с плахтой²⁴⁰. Дополняя региональные комплексы украинского и белорусского костюмов, фартук придавал всему ансамблю художественную завершенность. Украинские и белорусские переселенки в Приморье носили фартуки из домотканого полотна или фабричной ткани (перкаля, ситца, коленкора) с плахтой или понёвой, а позже с юбкой-спидницей, саяном или юбкой с нагрудником. В верхней части фартуки присборивались в мелкие складки и притачивались к пояску. В зависимости от ширины материала фартуки могли выкраиваться из одного или двух полотнищ ткани. При этом их ширина могла варьироваться от 36 до 75 см. Длина фартуков традиционно была короче юбки на 15-20 см. Повседневные фартуки изготавливали из тёмной ткани. Домотканые будничные фартуки красили в синий цвет и обшивали по краю полосой ткани красного цвета²⁴¹. Праздничные фартуки служили ярким декоративным элементом костюма. В начале XX в. их шили чаще из фабричной ткани белого цвета, обильно украшали вышивкой, застроченными складками, а также вязанным вручную или покупным кружевом. Декор фартуков обычно размещался в нижней части и был выстроен в виде горизонтальных бордюров, которые могли чередоваться с кружевными вставками²⁴². Кружевом отделявали также нижнюю часть фартука, а иногда и все его кромки. Вышивкой и кружевом могли украшать и нижнюю часть завязок фартука.

В Спасском краеведческом музее им. Н. И. Береговой был отмечен фартук, представляющий собой прямоугольный отрез синего сатина (72/54 см), продублированный подкладочной тканью с изнанки и украшенный широкими и узкими полосами чёрного сатина²⁴³. Такие фартуки входили в комплекс одежды с плахтой или юбкой-спидницей в полтавском костюме. Необычный по колориту и

²⁴⁰ Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX - начале XX вв. // Восточнослав. этногр. сб.: очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. (Тр. Ин-та этнографии им Н.Н. Миклухо-Маклая, нов сер. Т. XXXI). М., 1956. С. 631.

²⁴¹ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 46.

²⁴² Приложение 4.3. Фото 42-46. С. 66-67.

²⁴³ Там же. Фото 48. С. 67.

конструкции фартук хранится в Уссурийском краеведческом музее²⁴⁴. Это характерный элемент костюма в «русском стиле», мода на который существовала среди городского населения на территории Российской империи в конце XIX – начале XX в. Подобные образцы одежды, как правило, фартуки, встречались и в народном костюме, в частности, у украинцев и белорусов. Как отмечает М. Н. Винникова, такие «модные» детали одежды могли быть заимствованы сельским населением на территориях, прилегающих к крупным населённым пунктам с развитой торговлей²⁴⁵. Помимо одежды в «русском стиле», в указанное время пользовались популярностью и костюмы в «малороссийском стиле», для которых было характерно наличие белой вышитой сорочки, керсетки и венка²⁴⁶. Подобный эклектичный стиль в одежде представлял собой яркий пример сочетания традиции и инновации.

В качестве женской нагрудной одежды переселенцы носили безрукавки – *керсетки* (укр. *кірсетка*; бел. *карсетка*), распространенные среди украинцев и белорусов этноконтактной зоны. В частности, этот вид одежды входил в состав белорусского костюмного комплекса, характерного для юго-восточной части Гомельского уезда Могилёвской губернии и северо-западных районов Черниговской губернии (в настоящее время Добрушский и Ветковский районы Гомельской области республики Беларусь). Безрукавки в Приморье называли *кирсетка/керсетка* (у украинцев) или *карсэт/гарсэт, карсетка* (у белорусов)²⁴⁷.

Керсетки, получившие распространение в Приморье, отличались свободным покроем, расширенным книзу силуэтом и средней длиной. Их шили самостоятельно (особенно при наличии швейной машинки) или заказывали у односельчан, занимавшихся портняжным промыслом. Материалом для изготовления керсеток служила фабричная ткань, в основном тонкое сукно, репс,

²⁴⁴ Приложение 4.3. Фото 47. С. 67.

²⁴⁵ Винникова М.Н. Традиційны беларускі касцюм: альбом / Марыя Віннікава, Паліна Богдан. Мінск, 2016. С. 70.

²⁴⁶ Косміна О. Мода і традиція : етностиль у миському костюмі (загадка світлин сестер Хоружинських). 2020. [Электронный ресурс] / О. Косміна // Франко: Наживо. – Режим доступа: <https://frankolive.wordpress.com/2020/06/24/пошуки-національного-стилю-наприкін/> (дата обращения: 26.06.2020).

²⁴⁷ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 46.

сатин или ситец. Шились они на подкладке в соответствии с особенностями кроя и декора их украинских или белорусских аналогов.

Обычно керсетки кроились с цельной или отрезной спинкой. В первом случае изделие подгоняли по фигуре, вшивая клинья в виде трапеции острым углом вверх по бокам и по линии талии со стороны спинки. Подобный крой был известен всем восточнославянским народам. Русские называли такой фасон «на острый клин», украинцы – «на уси», «на вуси», белорусы – «на усы»²⁴⁸. Крой с отрезной спинкой – более поздний. Он отличается тем, что на спинке на уровне талии делают поперечный разрез, куда вшивается нижняя часть, предварительно сложенная в крупные складки или мелкие сборки²⁴⁹. Таким образом, на примере керсетки можно наблюдать постепенный переход от прямого покроя в народной одежде к раскошенному или расклешённому. Ворот в большинстве случаев отсутствовал, при этом вырез горловины был круглый.

Застегивали керсетки обычно на левую сторону с помощью крючков или пуговиц. Шили их всегда на подкладке. Иногда по типу верхней одежды простёгивали ватой или паклей. Носили керсетки поверх вышитой сорочки и плахты/понёвы или юбки-спидницы. Таким образом, представляя собой изделие позднего покроя, керсетка сочеталась с одеждой более ранних форм.

Важное место в женском традиционном костюме занимал головной убор. В конце XIX – начале XX в. в приморских деревнях женщины и девушки в качестве головных уборов носили различные платки: домотканые или ситцевые (*хустки*) и шерстяные (*шаля*)²⁵⁰. По сообщению информантов, в конце XIX в. покупными платками почти не пользовались, носили домотканые (из холста)²⁵¹. Однако уже в первой трети XX в. повсеместно применялись фабричные ситцевые и шерстяные платки. Большое распространение получили фабричные шерстяные цветные платки с бахромой (бел. *гарусоўкі, кашміроўкі*)²⁵². В Приморье белорусские

²⁴⁸ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 243.

²⁴⁹ Там же. С. 249.

²⁵⁰ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 116.

²⁵¹ Там же. Л. 47.

²⁵² Курилович А.Н. Белорусское народное ткачество. Минск, 1981. С. 79.

переселенцы и их потомки называли их *гарусы* или *гарусоўкі*²⁵³. Как отмечает П. А. Богдан, в 1930-1950-е гг. на территории Полесья и Центральной Беларуси широко использовались самодельные вышитые платки, которые шили из покупной белой материи, обвязывали по краям белой бахромой, украшали полихромной вышивкой центральную часть изделия и носили в сложенном по диагонали виде, завязав под подбородком²⁵⁴. Пример такого платка удалось зафиксировать в с. Новомихайловка Чугуевского района²⁵⁵.

Существовали разнообразные способы повязывания платков. Обычно их завязывали спереди под подбородком или сзади. Могли также повязывать платок наверху, закручивая концы в виде чалмы. Зачастую замужние женщины надевали два платка так, чтобы нижний (из светлого ситца) прикрывал волосы, а верхний (кашемировый) завязывали под подбородком или сзади на затылке. В этом случае нижний платок имитировал вышедший из употребления традиционный чепец.

Платки в качестве головного убора украинок и белорусок пришли на смену *намитки* (укр. *намітка*; бел. *наметка*) – одного из древнейших женских полотенчатых головных уборов восточных славян. Будучи ярким этническим, региональным и локальным маркером, намитка бытовала на территории Украины и Беларуси ещё в конце XIX – начале XX в. (в отдельных районах украинского и белорусского Полесья вплоть до 1950-х гг.). Хотя среди местных переселенцев подобные головные уборы не сохранились, упоминание о них можно встретить в текстах обрядового фольклора, записанных в Приморском крае²⁵⁶.

Замужние женщины по традиции под платок (первоначально под намитку) надевали *чепец* (укр. *очіпок, чіпець*; бел. *чапец, каптур*) – головной убор в виде мягкой шапочки, стянутой сзади на шнурок, пропущенный через кулиску. В Приморье украинские и белорусские переселенцы использовали названия *чепец*

²⁵³ Зап. от Лидии Алексеевны Ковяховой, 1913 г.р., с. Многоудобное Шкотовского района Приморского края (ЛА, 1992, № 3).

²⁵⁴ Богдан П.А. Платки в традиционном костюме белорусов // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: матер. XVI междунар. науч. конф. / под ред. Н.М. Калашниковой. СПб., 2013. С. 102.

²⁵⁵ Приложение 4.3. Фото 65. С. 74.

²⁵⁶ Приложение 3.1. № 23. С. 27.

или *очипок*²⁵⁷. Очипок был основным головным убором замужних женщин в местах выхода переселенцев – центральной и восточной Украине. В Приморье подобного рода головные уборы были типичны как для украинок, так и для белорусок. В качестве этнографических источников были рассмотрены шесть чепцов из собрания Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева. Большинство предметов изготовлено в начале XX в. Характерной конструктивной особенностью очипков являлись многочисленные сборки, заложенные спереди поверх очелья, а также сзади у кулиски. Повседневные чепцы шили из домотканины, ситца или другой недорогой хлопчатобумажной ткани. Праздничные головные уборы изготавливали из дорогих материалов, делали их на подкладке²⁵⁸.

Девичьими головными уборами украинцев и белорусов издавна являлись венки. В соответствии с канонами народной этики венок символизировал девичью честь и целомудрие. В отличие от головных уборов замужних женщин, венки оставляли открытыми волосы на темени и косу девушки. В Приморье венки на протяжении долгого времени являлись неотъемлемой частью свадебного обряда. Традиционно венки изготавливались из живых или искусственных цветов, шёлковых лент. В начале XX в. в Приморье были распространены свадебные венки из восковых цветов под названием *герлянда*²⁵⁹. Небогатые крестьянки делали венки из цветной бумаги (простой или гофрированной) и лоскутов ткани. Обязательной составляющей венков были разноцветные атласные ленты, которые прикреплялись к венку в затылочной части и свободно спускались вниз. Ленты были желанным подарком девушек, что подтверждали и информанты: «*раньше если ленты не подарят, то и подарку нема*»²⁶⁰. Предпочтение отдавалось лентам красного или розового цвета, длина которых могла достигать до 1,5 м. В коллекции музея археологии и этнографии ДВФУ имеется свадебный венок,

²⁵⁷ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 139.

²⁵⁸ Приложение 4.3. Фото 64. С. 74.

²⁵⁹ Приложение 4.4. Фото 114-117. С. 97-100.

²⁶⁰ Зап. от Татьяны Ивановны Лущик, 1928 г.р., с. Шмаковка Кировского района Приморского края (ЛА, 1995, № 70).

переданный в дар Д. А. Подгорняк, 1911 г.р., во время сборов студенческо-этнографической экспедиции в с. Орехово Дальнереченского района Приморского края в 1983 г.²⁶¹ Д. А. Подгорняк приехала в Приморье в 1927 г. из Каменецк-Подольской области. Венок хранила в иконе (под стеклом), которой её благословляли. По словам Д. А. Подгорняк, венок надевался на голову поверх фаты. Такой способ ношения свадебных венков отличался от традиционного и приобрёл популярность в 30-е гг. XX в. под влиянием городской моды, о чём также свидетельствуют музейные фотоматериалы²⁶².

Помимо венков, в разряд девичьих головных уборов белорусов входила *ширинка* – разновидность полотенчатых головных уборов, представляющая собой полосу ткани (25-30 см шириной и 75-80 см длиной), затканную на концах наподобие намитки²⁶³. Упоминание об этом головном уборе сохранилось в текстах календарно-обрядовых песен, записанных у потомков белорусских переселенцев в Приморье²⁶⁴.

Неотъемлемой частью традиционного женского костюма украинцев и белорусов в конце XIX – начале XX в. были различные украшения. Предпочтение отдавалось шейным и нагрудным украшениям, среди которых выделялись разнообразные по материалу и форме бусы, украшения из бисера и металла (цепочки, крестики). Наибольшее распространение среди украинцев имели бусы. Обилием бус отличался праздничный костюм девушек и молодых женщин. Наши информанты отмечали, что особенно много украшений одевали, когда шли в церковь: «как нацепляешь их – аж шее больно»²⁶⁵. Материал бус различался в зависимости от достатка владелицы. Чаще всего среди небогатых крестьянок встречались украшения в виде разноцветных стеклянных или керамических бус фабричного производства. Кроме того, могли также использоваться бусы из граната, цветной смальты, янтаря и других материалов. Бусы обычно носили

²⁶¹ Приложение 4.3. Фото 67. С. 75.

²⁶² Приложение 4.4. Фото 116. С. 99.

²⁶³ Курилович А.Н. Белорусское народное ткачество. Минск, 1981. С. 78.

²⁶⁴ Приложение 3.2. № 38. С. 29.

²⁶⁵ Зап. от Александры Изосимовны Лиман, 1913 г.р., с. Кировка Кировского района Приморского края (ЛИА, 1995, № 58).

поверх сорочек или керсеток в несколько рядов, нередко сочетая между собой различные по фактуре и материалу украшения. В качестве шейного украшения зачастую использовали атласную ленту, которую завязывали бантом, вставляя в прорезные петли на вороте сорочки. Как правило, такая лента несла и функциональную нагрузку, соединяя место разреза пазухи. У украинцев и белорусов комплекс шейных и нагрудных украшений мог дополняться таким культовым предметом, как крестик, который носили поверх одежды на атласной ленте или на шнуре.

Мужской традиционный костюм украинцев и белорусов включал в себя такие основные компоненты, как рубаха и штаны. Мужские рубахи (укр., бел. *сорочки*), по сравнению с женскими, были более однотипными. Известны четыре основных варианта покроя мужских рубах: туникообразный, с поликами, на кокетке и с плечевыми швами. Причём последние два вида получили распространение в начале XX в.²⁶⁶ В конце XIX – начале XX в. на территории Приморья среди украинцев и белорусов бытовали преимущественно туникообразные рубахи и сорочки с плечевыми швами. Первые шили из одного полотнища, перегнутого пополам, как правило, с косыми клиньями по бокам. Позднее мужские сорочки стали шить из двух прямоугольных полотнищ, соединяя их с помощью плечевых и боковых швов. Отличительной чертой мужских сорочек украинцев и белорусов была вышитая манишка с прямым или боковым разрезом пазухи слева (явление относительно позднее, возникшее под влиянием русской рубахи-косоворотки)²⁶⁷. Для прочности в носке верхняя часть передней и задней полки подтачивалась с изнанки дополнительным слоем полотна – *подоплёкой*. Прямоугольные рукава у манжет, реже у плеча, присобирались в складки. Иногда рукава кроились без манжет, зауженными у запястья. Воротник (в виде стойки или отложной) застёгивался на пуговицы или завязывался с помощью шнурка. Будничные рубахи, как правило, туникообразного кроя шили из неотбеленного холста, позже из ситца тёмных

²⁶⁶ Белорусы / Отв. ред. В.К. Бондарчик, Р.А. Григорьева, М.Ф. Пилипенко. М., 1998. С. 294.

²⁶⁷ Лобачевская О.А., Зимина З.И. Белорусский народный костюм. Минск, 2009. С. 28.

оттенков. Для праздничных сорочек использовали белое льняное полотно или хлопчатобумажные фабричные ткани (перкаль, коленкор). Праздничные и особенно свадебные сорочки обильно орнаментировались вышивкой на планке пазухи или манишке, манжетах и воротнике (иногда подоле)²⁶⁸. В указанный период времени украинцы и белорусы носили сорочки до середины бёдер навывпуск, подпоясывая их тканым поясом, а позже ремнём.

Традиционную поясную мужскую одежду украинцев и белорусов составляли штаны, изготовленные из холщёвой ткани домашнего производства. Штаны с нешироким шагом (рус., бел. *порты, портки*; укр. *портяниці, ногавиці*) считаются одеждой архаического типа. Они шились из грубого домотканого полотна, реже из пестрядиной ткани и были распространены повсеместно у восточных славян вплоть до первой половины XX в.²⁶⁹ Различия проявлялись в ширине штанин (*калош*), а также в оформлении расширяющей вставки. Крой украинских штанов представлял собой сужающиеся книзу штанины, соединённые двумя трапециевидными вставками, расширяющими шаг. Белорусские порты имели дополнительную вставку в виде ромба, пришитую острым концом вверх²⁷⁰. Как отмечает Н. Е. Грысык, ромбовидная вставка является отличительной особенностью белорусской мужской поясной одежды²⁷¹. В коллекции Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева представлен образец украинских штанов, принадлежавший переселенцам из Новгород-Северского района Черниговской области²⁷². Белорусские штаны демонстрирует экспонат, полученный от переселенцев из с. Суражевка Шкотовского района²⁷³.

Самыми распространёнными головными уборами у мужчин были покупные картузы и тёплые шапки, которые шили на вате, иногда на меху²⁷⁴. Бытовали

²⁶⁸ Приложение 4.3. Фото 1-4. С. 55.

²⁶⁹ Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX - начале XX вв. // Восточнослав. этногр. сб.: очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. (Тр. Ин-та этнографии им Н.Н. Миклухо-Маклая, нов сер. Т. XXXI). М., 1956. С. 592.

²⁷⁰ Приложение 4.1. Рис. 11, 12. С. 32.

²⁷¹ Грысык Н.Е. Белорусская одежда в собрании МАЭ // Из культурного наследия народов Восточной Европы: [Сборник статей]. СПб., 1992. (Сборник МАЭ; т. 45). С. 118.

²⁷² Приложение 4.3. Фото 6. С. 56.

²⁷³ Там же. Фото 5. С. 56.

²⁷⁴ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

также традиционная белорусская валенная из шерсти шапка *магерка* и украинская шляпа *брыль*.

Верхняя одежда украинцев и белорусов, переселившихся в Приморье, чаще всего не имела выраженных половозрастных различий и в основном соответствовала традиционным формам, проявлявшимся в материале, крае, отделке, распространённым в местах выхода. Говоря о верхней одежде витебских крестьян, Н. Я. Никифоровский отмечал: «Вся верхняя женская одежда так мало разнится от мужской, что посменное пользование ею составляет заурядное дело»²⁷⁵.

В соответствии с сезоном использования верхнюю одежду подразделяют на осенне-весеннюю и зимнюю. Верхняя одежда украинцев и белорусов шилась из сукна домашней выделки, овчин, а также из фабричных материалов. Изготовлением верхней одежды на рубеже XIX – XX вв. занимались в основном кустарные мастера. Архивные материалы содержат некоторые сведения о верхней одежде переселенцев. Так, в с. Марьяновка Кировского района в межсезонье в качестве верхней одежды носили *свитки* из тонко сваленной шерсти коричневого цвета. Шили их без ворота, в талию, со сборчатым низом²⁷⁶. Свитки кроились отрезными сзади, а спереди были прямыми, слегка расклешёнными. В с. Ново-Хатуничи Шкотовского района мужские свитки имели складки-сборки по бокам, а у женских, помимо этого, были еще 2-3 складки (*вусики*) сзади на линии талии. Застегивались свитки на пуговицы, борта и подол оформляли разноцветными шнурками (чаще зелёного и красного цветов), которые пришивали в виде зигзагообразной линии. В Приморье в основном не шили новые свитки, донашивая привезённые из мест выхода. Это было связано не только с трудоёмкостью изготовления одежды, но также с тем, что из-за влажного приморского климата овцы часто болели и вымикали. Таким образом, крестьянам было выгоднее приобрести покупную одежду, чем шерсть для её изготовления²⁷⁷.

²⁷⁵ Никифоровский Н.Я. Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск, 1895. С. 121.

²⁷⁶ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 139.

²⁷⁷ Там же. Л. 46-47.

Мужчины в холодное время, помимо свиток, носили также суконные пиджаки, стёганные на вате, которые зачастую заказывали у местных портных или покупали готовые в лавках²⁷⁸.

В качестве осенне-весенней одежды женщины носили *юпки* – верхнюю одежду в виде укороченного пальто, изготовленную из фабричных тканей тёмных расцветок. Крой, пропорции и отделка этого вида одежды, за исключением длины рукавов, были схожи с керсетками²⁷⁹. Юпки шили на подкладке, иногда утепляли ватой. Такая одежда бытовала у украинцев – выходцев из районов Среднего Поднепровья, а также у белорусов этноконтактной зоны (северо-западные уезды Черниговской губернии, Гомельский уезд Могилёвской губернии). Бытовали также так называемые *ватянки* – ватные юпки из фабричных материалов, крой которых напоминал свитки из самодельного сукна с боковыми клиньями²⁸⁰. Примером может служить верхняя одежда переселенцев из Миргородского уезда Полтавской губернии из коллекции Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева²⁸¹. Примечательно, что прямой халатообразный крой, наряду с покроем с боковыми клиньями «з вусамі», считается древнейшим кроем, распространённым в одежде крестьян северных районов Беларуси²⁸².

Исследователи отмечают такие виды верхней межсезонной женской одежды, бытовавшие среди белорусских переселенцев в Приморье в более позднее время, как «*поддёвка*» и «*плюшка*». Поддёвки шили из сукна тёмного цвета на подкладке длиной чуть ниже колен. Покрой поддёвок был отрезной по линии талии с заложенными мягкими складками от пояса и отложным воротником. Застёгивались поддёвки по центру на петли и пуговицы. Что касается плюшки, этот вид одежды, получивший своё название по ткани, из которой изготовлялся, представлял собой двубортный жакет прилегающего силуэта, длиной ниже линии бёдер. Конструктивной особенностью были

²⁷⁸ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

²⁷⁹ Николаева Т.А. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1988. С. 174.

²⁸⁰ Там же. С. 168.

²⁸¹ Приложение 4.3. Фото 60. С. 73.

²⁸² Белорусы / Отв. ред. В.К. Бондарчик, Р.А. Григорьева, М.Ф. Пилипенко. М., 1998. С. 298-299.

талиевые выточки по спине, полочке, линии груди. Плюшка шилась с отложным воротником и застёгивалась на три навесные петли и пуговицы²⁸³.

В качестве верхней зимней одежды мужчины и женщины носили овчинные «жовтые» (жёлтые) шубы – *кожухи*²⁸⁴. Цвет кожуха имел рыжий оттенок, благодаря окраске дубом. Примечательно, что кожухи из дублёных овчин оранжево-коричневого цвета были преимущественно распространены на Черниговщине²⁸⁵. Носили кожухи мехом внутрь. Их покрой был аналогичен покрою свиток. Приталенные кожухи (*«під стан»*) шились отрезными сзади по линии талии и присборивались. Верхняя зимняя одежда долгое время была показателем достатка, что нашло отражение в свадебных песнях переселенцев, записанных в Приморском крае²⁸⁶.

Овчинную шубу вышеупомянутого покроя называли в Приморье *борчатка*: *«Борчатки готовы покупали, кто шил, кто много имел овец, а кто покупал. Тут, в талии, на борах, как татьяночка. Шубы называли борчатки. Тулуп прямой, а это с борами. Здесь [на Амуре] не носили женщины. Сюда приезжали некоторые с Украины в борчатках. Мужики наши носили: из овчин их шьют. Западники носили борчатки – шубы таки в сборку»*²⁸⁷. Подобное название использовали и старожилы приморских сёл: *«Зимой шубы длинные были, сзади сборчатые. Борчатки их называли. Раньше овец много держали, сами овчины выделявали, а портной специально шил, красили их травой, чёрные большинство»*²⁸⁸.

Обязательным атрибутом украинского и белорусского костюма был пояс. Хотя «пояс» – общеславянский термин, у него имеются многочисленные локальные названия (рус. *опояска, кушак, покромка*; укр. *крайка, попружка, черес*; бел. *пьяс, дяга, ремень*). Традиционно у восточных славян было принято подпоясывать нательную и верхнюю одежду. Это считалось целесообразным из

²⁸³ Моисеенко О.В., Фетисова Л.Е. Народно-бытовая культура белорусских переселенцев в Приморье // Вестник ДВО РАН. 2001. № 3. С. 46–48.

²⁸⁴ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

²⁸⁵ Николаева Т.А. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1988. С. 62.

²⁸⁶ Приложение 3.1. № 5. С. 24.

²⁸⁷ Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983. С. 28.

²⁸⁸ Зап. от Александры Изосимовны Лиман, 1913 г.р., с. Кировка Кировского района Приморского края (ЛИА, 1995, № 58).

практических соображений, а также было связано с особенностями мировоззренческих представлений о поясе как о культурном маркере и сакральном предмете. Помимо удержания на теле поясной одежды (плахты, понёвы – в женском костюме, штанов – в мужском), опоясывания верхней одежды, которая зачастую не имела застёжек, пояс также широко применялся для крепления орудий труда и различных предметов обихода, таких как ключи, гребень и т.п. Мужчины могли прикреплять к поясу кисет. Местные старожилы рассказывали, что к поясу крепили полотняную сумку – *сакву*, в которой хранили табак, кремний, кресало и губу²⁸⁹.

Пояс изготавливали из различных материалов – шерсти, льна, конопли, шёлка, ткани. Особое распространение среди украинских и белорусских переселенцев в Приморье получили шерстяные пояса. Обычно использовали нитки из овечьей шерсти домашней выделки, окрашенные в различные цвета природными, а позднее анилиновыми красителями, или покупные (*гарус*).

Кроме шерстяных поясов, в Черниговской, Полтавской, Киевской губерниях в качестве свадебного пояса украинцы зачастую использовали белое льняное, затканное красными полосами или вышитое полотенце – рушник. Для этой цели широко применялись знаменитые крелевецкие рушники с богатым орнаментальным декором. Рушником обычно подпоясывали невесту, подчёркивая её особый статус. Рушник надевали поверх верхней одежды (керсетки или свитки) и завязывали спереди на узел, при этом расправленные концы, украшенные тканым орнаментом, свободно спускались вниз. Так, уроженка с. Ольховка Кировского района, Т. И. Лущик, описывая одежду невесты, приглашающую на свадьбу гостей, отмечала, что на ней был венок с лентами и большой рушник с красным орнаментом, подвязанный спереди²⁹⁰.

В конце XIX – начале XX в. украинские и белорусские переселенцы в Приморье носили обувь из разных материалов: плетёную из древесной коры,

²⁸⁹ Зап. от Василия Васильевича Соболя, 1911 г.р., с. Золотая Долина Партизанского района Приморского края (ЛА, 1993, № 27).

²⁹⁰ Зап. от Татьяны Ивановны Лущик, 1928 г.р., с. Шмаковка Кировского района Приморского края (ЛА, 1995, № 70).

сшитую из кожи или сваленную из войлока. Выбор того или иного вида обуви зависел как от материальной обеспеченности крестьян, так и от традиционных предпочтений, связанных с этнокультурными особенностями.

Типичной крестьянской обувью, распространённой среди мужчин и женщин, были плетёные из древесной коры лапти. Хотя этот вид обуви на рубеже XIX – XX вв. в большей степени был свойственен белорусам, в указанный период времени лапти также бытовали и среди украинцев в северных районах Киевской и Черниговской губерний²⁹¹. В Приморье лапти пользовались спросом как среди белорусских, так и среди украинских переселенцев, особенно «под покос», когда их раскупали возами²⁹². В архивных материалах содержится информация о том, что жители приморских сёл, в частности, с. Харитоновка Шкотовского района носили лапти и летом, и зимой²⁹³.

Данные предметы обуви отличались от русских аналогов по форме, типу плетения, материалу. Для белорусских и украинских лаптей был характерен прямой тип плетения подошвы, низкие бока и слабо выраженный носок из удлинённых петель, в которые продевалась верёвочка или лыко, стягивающие ступню²⁹⁴. Как отмечает Д. К. Зеленин, белорусы и украинцы для изготовления лаптей использовали не колодку, а тонкие деревянные дощечки, которые вставляли в наружные петли в процессе плетения²⁹⁵. Такой способ плетения был широко распространён в Приморье среди украинских и белорусских переселенцев²⁹⁶. Белорусам был известен как прямой, так и косой тип плетения с использованием колодки²⁹⁷. Лапти последнего вида встречались в пограничных с Россией районах Могилёвской и Витебской областей и, по мнению исследователей, могли быть привнесены русскими переселенцами-

²⁹¹ Николаева Т.А. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1988. С. 74.

²⁹² Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 80.

²⁹³ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

²⁹⁴ Приложение 4.3. Фото 77-79. С. 77.

²⁹⁵ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 205.

²⁹⁶ Приложение 4.3. Фото 83. С. 78.

²⁹⁷ Там же. Фото 80. С. 77.

старообрядцами²⁹⁸. Лапти прямого плетения использовались преимущественно для повседневной работы в доме или на поле (во время покоса, жатвы), в то время, как косой способ плетения лаптей, отличавшийся особой аккуратностью, применялся для праздничных случаев²⁹⁹. Для плетения лаптей использовали специальный инструмент под названием «кочедык» (бел. *качадык*; укр. *швайка*). Примером может служить экспонат, который хранится в фондах Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева³⁰⁰. Данный предмет, выполненный из рога коровы, был привезён в Приморье из Полтавской губернии украинскими переселенцами. В качестве сырья для изготовления лаптей переселенцы в Приморье использовали те растения, которые были распространены в местах их расселения – липу, иву, а также кору маньчжурского ореха, в изобилии произраставшего в лесах Уссурийской тайги. Ширина лыковой полоски обычно составляла 1,5 см. Информанты отмечали, что лыко для плетения лаптей использовали из молодого ореха. После заготовок нешироких полосок его размачивали, в результате чего оно становилось мягким, как выделанная кожа³⁰¹.

Носили также обувь, сшитую из кожи животных (*постолы, моршни, олочи, ичиги*). Постолы, моршни и олочи представляли собой тапочки из сыромятной кожи, вырезанной по размерам ступни и стянутой шнурком у щиколоток. В «Словаре русских говоров Приамурья» приводится описание такой обуви: «*Моршни шили на покос, делали с любой кожи: выкраивали по ноге и ножом прорезали дырочки, ремешки в них продевали с кожи*»³⁰². Олочи – заимствованную у коренных народов обувь в виде кожаных тапочек, носили в основном женщины. Помимо этого, встречались олочи другого вида, которые имели кожаную основу и голенища из грубой ткани. Такую обувь носили

²⁹⁸ Белорусы / Отв. ред. В.К. Бондарчик, Р.А. Григорьева, М.Ф. Пилипенко. М., 1998; Украинцы / Ред.: Н.С. Полещук, А.П. Пономарев. М., 2000. С. 306.

²⁹⁹ Матейко К.І. Український народний одяг. Етнографічний словник. Київ, 1996. С. 69.

³⁰⁰ Приложение 4.3. Фото 81. С. 78.

³⁰¹ Зап. от Петра Прокопьевича Бугаеца, 1927 г.р., с. Крыловка Кировского района Приморского края (ЛИА, 1995, № 60).

³⁰² Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983. С. 158.

мужчины³⁰³. Большое распространение среди сельского населения получили сапоги, изготовленные из лосиной или изюбриной кожи – ичиги. Мужские и женские ичиги отличались. Мужские сапоги были с голенищами, а женские имели только нижнюю часть – головку, обшитую тканью с завязками³⁰⁴. Головка у ичиг была из кожи, а голенища, первоначально кожаные, позднее могли изготавливаться также из брезентовой ткани или из кожзаменителя. Интересно, что способ ношения женских ичиг отличался по возрастному признаку. Так, по свидетельству Ю. В. Аргудяевой, пожилые женщины под сапоги надевали портянки (*онучи*) и использовали длинные завязки, обматывая ими голени ног, как при ношении лаптей. Молодые женщины и девушки сверху портянок надевали покупные чулки, завязывая ичиги только снизу³⁰⁵.

Состоятельные крестьяне на зиму покупали в магазинах *катанки*³⁰⁶. Так на местном говоре назывались валенки: «*валенки у нас всё больше катанки звали*»³⁰⁷. Некоторые информанты отмечали, что валенки катали сами. Так, по воспоминаниям И. В. Гребенщикова, из с. Хороль Хорольского района, в деревне 3-4 двора делали катанки³⁰⁸. Праздничной обувью считались покупные хромовые сапоги для мужчин и женщин. Зажиточные сельчанки покупали или шили на заказ сапожки на «венском» каблуке, а также кожаные ботинки с каблукком и со шнуровкой³⁰⁹.

Таким образом, анализ одежды украинцев и белорусов, расселившихся в Приморье в конце XIX – первой трети XX в., показал высокую степень сохранности её компонентов. Традиционные черты, характерные для мест выхода переселенцев, были зафиксированы в обработке сырья, материале, крое, декорировании одежды. Вплоть до 1930-х гг. широко использовалось ручное

³⁰³ Ермак Г.Г. Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России: Вторая половина XIX – начало XX века. Владивосток, 2004. С. 142.

³⁰⁴ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 140.

³⁰⁷ Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983. С. 114.

³⁰⁸ Зап. от Ивана Васильевича Гребенщикова, 1916 г.р., с Хороль Хорольского района Приморского края (ЛИА, 1995, № 58).

³⁰⁹ Моисеенко О.В., Фетисова Л.Е. Народно-бытовая культура белорусских переселенцев в Приморье // Вестник ДВО РАН. 2001. № 3. С. 48.

производство на основе природных материалов: льна, конопли, шерсти, древесной коры, сыромятной кожи. Наряду с этим, в изготовлении крестьянской одежды находили применение и фабричные ткани, из которых первоначально шили праздничную одежду. Постепенно в крестьянский быт проникали и покупные изделия в первую очередь из числа верхней одежды и обуви. Одновременно в процессе адаптации к местным природно-климатическим условиям, а также к новому этнокультурному окружению, выходили из употребления такие архаичные виды одежды, как плахта, понёва, свитка.

2.2. Этнолокальные комплексы традиционной одежды украинцев и белорусов в Приморье

Костюму украинских и белорусских крестьян-переселенцев в Приморье была присуща региональная и локальная специфика, которая нашла отражение в виде этнолокальных комплексов одежды, распространённых в местах их компактного поселения. Под комплексом одежды мы подразумеваем «устойчивую совокупность типов компонентов одежды, из которых складывается костюм в целом»³¹⁰. Региональные и локальные отличия комплексов, привнесённых из разных историко-этнографических регионов, были обусловлены особенностями географического положения, исторического развития, а также различными социально-экономическими и этнокультурными факторами. Анализ отдельных компонентов одежды позволил определить основные комплексы одежды украинцев и белорусов, бытовавшие в Приморье.

При выделении костюмных комплексов мы придерживались системы историко-этнографического районирования, принятого в современных научных исследованиях. В своих работах К. И. Матейко, Т. А. Николаева, О. Ю. Космина, О. А. Лобачевская, М. Н. Винникова и другие учёные группируют традиционную одежду согласно комплексам, сложившимся в рамках определенных историко-

³¹⁰ Чижигова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М., 1988. С. 136.

этнографических регионов Украины и Беларуси. При этом под историко-этнографическим регионом понимают «этнотерриториальное образование в рамках этноса со специфической исторической судьбой и своеобразным этническим обликом населения, зафиксированное как в исторических документах и региональной символике, так и в исторической памяти людей»³¹¹. На территории Украины обычно выделяют следующие историко-этнографические регионы: Среднее Поднепровье, Полесье, Подолье, Карпаты, Полтавщина со Слобожанщиной и Юг Украины³¹². Для каждого региона характерны специфические костюмные комплексы, имеющие локальные разновидности. Так, для населения Среднего Поднепровья, включающего Киевщину, Западную Полтавщину и юг Черниговщины, характерны культурно-бытовые традиции с ярко выраженными классическими чертами украинской одежды³¹³. Регион Полесья является обширной этноконтактной территорией, украинская часть которого включает северные районы Волыни, Киевщины, Черниговщины с локальными костюмными комплексами. В Беларуси принято выделять шесть историко-этнографических регионов: Западное и Восточное Полесье, Поднепровье, Центральная Беларусь, Поозерье, Понеманье и соответствующие региональные и локальные варианты костюма – «строи»³¹⁴. Историко-этнографические регионы Беларуси также неоднородны и отличаются разнообразием костюмных комплексов. К примеру, в Поднепровье Л. И. Маленко выделяет три базовых комплекса: понёвный, саянный и с андаракон (или спадницею)³¹⁵. Локальное своеобразие одежды зачастую отмечалось в пределах одной губернии. Так, на территории Черниговской губернии выделялись два локальных комплекса одежды: северный, характерный для районов Черниговского Полесья к северу от Десны и Сейма и имеющий генетическую

³¹¹ Украинцы / Ред.: Н.С. Полешук, А.П. Пономарев. М., 2000. С. 31.

³¹² Там же. С. 22.

³¹³ Чижикова Л.Н. Украинцы. Историко-этнографический очерк традиционной культуры. Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. IX. Кн. 1. М., 1992. С. 23.

³¹⁴ Лобачевская О.А., Зимина З.И. Белорусский народный костюм. Минск, 2009. С. 10; Приложение 2. Карта 3. Историко-этнографические регионы Беларуси. С. 22.

³¹⁵ Маленка Л.І. Беларускі народны касцюм. Мінск, 2001. С. 89.

связь с одеждой соседнего населения Правобережного Полесья и Белоруссии, и южный, примыкающий к среднеднепровскому или центрально-украинскому типу³¹⁶.

В Приморье можно выделить несколько основных комплексов одежды, бытовавших среди украинских и белорусских переселенцев. Прежде всего, в тех местах, где расселялись выходцы из Левобережной Украины, были распространены локальные варианты комплекса одежды, характерные для региона Среднего Поднепровья, включающего центральные области Украины. Он состоял из вышитой сорочки, плахты или юбки-спидницы, фартука/запаски и безрукавки-керсетки³¹⁷. Костюм дополнялся тканым шерстяным поясом или вышитым/тканым рушником, исполнявшим роль пояса в обрядовых ситуациях, а также разнообразными головными уборами: венками и лентами (в девичьем костюме), платками и чепцами (в костюме замужней женщины). Другим комплексом одежды, характерным для украинцев и белорусов Восточного Полесья, в том числе уроженцев севера и северо-запада Черниговщины, можно считать ансамбль, состоящий из вышитой сорочки, юбки с лифом и фартука³¹⁸. Такой комплекс был также характерен для белорусских переселенцев из отдельных уездов Могилёвской, Гомельской губернии и восточных районов Витебщины. Для белорусов – выходцев из северо-западных уездов Черниговской губернии, а также уроженцев юго-восточных районов Белоруссии был типичен комплекс одежды, который состоял из вышитой сорочки, юбки-саяна, фартука и безрукавки («карсэт»). Помимо названных выше комплексов одежды, присущих украинцам и белорусам этноконтактной зоны, среди белорусских переселенцев из северо-западных уездов Черниговской губернии в Приморье, в частности, в с. Суражевка Шкотовского района был отмечен редкий комплекс одежды, бытовавший на территории брянско-гомельского пограничья. Этот комплекс был распространён на территории с. Неглюбка Ветковского района Гомельской

³¹⁶ Багновская Н.М. Традиционный народный костюм Чернигово-Северщины XIX – начала XX в. как отражение этноисторических процессов // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 292.

³¹⁷ Приложение 4.3. Фото 96, 97. С. 83, 84.

³¹⁸ Там же. Фото 98. С. 85.

области Беларуси, до 1926 г. входившего в Суражский уезд Черниговской губернии, а также в сёлах Новозыбковского района Брянской области, до 1919 г. пребывавших в составе Черниговской губернии³¹⁹. В состав комплекса входила вышитая рубашка, несшитая поясная одежда – понёва (*панёва*) и фартук. Комплекс интересен и своеобразным головным убором, представляющим собой домотканый платок полотенежного типа. Примечательно, что данный комплекс является единственным на всей территории Беларуси, сохранившим архаичную понёву распашного типа. Другие комплексы украинского и белорусского костюмов спорадически встречались на территории Приморья, но не получили здесь широкого распространения. Региональные и локальные различия можно проследить в особенностях материала, кроя, орнаментации, способах ношения различных компонентов одежды внутри каждого комплекса.

Региональная специфика в крое женских сорочек была выявлена на примере конструктивных особенностей полика и рукава, манжет и ворота. Так, рубашки переселенок из северных уездов Черниговской губернии отличались узкими поликами (в половину полки), пришитыми по утку, которые образовывали прямой угол со станом. Именно такие сорочки больше всего получили распространение на территории Приморья. Рукава, как правило, пришивались к поликам без сборок. Низ рукавов собирался на узкую обшивку манжет (1-1,5 см). Присборенная горловина оканчивалась обшивкой, переходящей в небольшой воротник (1-1,5 см). У выходцев из Киевского Полесья были отмечены сорочки с цельнокроеным рукавом, стоячим или отложным воротником, а также достаточно широкими манжетами. Для переселенцев из Полтавской губернии были характерны рубашки с широкими поликами шириной в полку. Рукава таких сорочек имели большую ширину и часто присобирались в густые мелкие сборки («*пухли*», «*пухлики*») в месте соединения рукава и полика. Подобные сборки могли состоять из одного или нескольких рядов и были отличительной особенностью

³¹⁹ Григорьева Р.А. На перекрестке культур трёх восточнославянских народов // Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья. М., 2012. С. 26.

традиционного комплекса северо-западных районов Полтавщины³²⁰. Воротник и манжеты полтавских сорочек обычно заканчивались простой узкой обшивкой. Сорочки у выходцев из Могилёвской и Гомельской губерний отличались высоким воротником-стойкой или же отложным воротником. Рукава зачастую расширялись за счет полуполки и не имели сборок в верхней части, в месте соединения с поликами. Низ рукава имел вид обшлага, прямоугольной манжеты, либо оборки.

Этнолокальным своеобразием отличалась поясная одежда переселенцев. В архивных материалах ДВО РАН приводятся данные, благодаря которым можно выявить некоторые особенности в распространении поясной одежды в Приморье. Так, в с. Ново-Хатуничи носили юбки-спидницы, а в с. Многоудобное – понёвы. Кроме того, белорусы – выходцы из Суражского уезда Черниговской губернии, проживавшие в сёлах Шкотовского района, использовали в качестве поясной одежды шерстяные юбки-саяны³²¹.

В коллекции Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева представлены различные виды нагрудной женской одежды (керсетки) в количестве 14 шт., принадлежавшие уроженкам Полтавской и Черниговской губерний. Это в основном предметы одежды, привезённые из мест выхода, хотя имеются и некоторые местные образцы, изготовленные в Спасском районе Приморского края в начале XX в. Региональные и локальные различия керсеток прослеживаются в покрое, длине и оформлении.

Так, керсетки уроженцев Миргородского уезда Полтавской губернии были, как правило, достаточно длинными (до колен и ниже), хотя со временем, под влиянием моды, длина керсеток могла уменьшаться. Шились они в основном из фабричных однотонных тканей тёмного цвета. Миргородские керсетки кроились с завышенной талией, обозначенной сзади, а спереди имели расклешенный вид.

³²⁰ Николаева Т.А. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1988. С. 172.

³²¹ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 46.

Оформлялись аппликацией и обшивками из чёрного плиса или другой ткани тёмного цвета³²². Орнамент обычно располагался по краю правой полочки.

Керсетки выходцев из Хорольского уезда Полтавской губернии отличались сравнительно небольшой длиной, свободным силуэтом и характерным декором в верхней части правой полочки. Вариант такой керсетки, изготовленной в 1910 г. в с. Хороль Хорольского района Приморского края, хранится в Музее истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева³²³.

Ещё одним примером локального своеобразия полтавских керсеток можно считать керсетки переселенцев из Зеньковского уезда, проживавших в с. Вольно-Надежденское Надежденского района³²⁴. Их шили, как правило, из набивного ситца и кроили отрезными по линии талии, которая была завышена и проходила под грудью. Нижняя часть таких керсеток присобиралась в месте соединения с полочкой и спинкой в мелкие сборки, а верхняя часть простегивалась вместе с прокладкой. Обычно внизу этого вида керсеток пришивалась оборка из такой же ткани, которую мелко присобирали и декорировали нашивками из плиса³²⁵.

Черниговские керсетки были короче полтавских. На севере Черниговщины получили распространение достаточно короткие керсетки, примерно до середины бёдер, с многочисленными рельефными швами на спинке и сборками. Кроились они расширенными от линии талии, что визуально делило силуэт на две равные части. Подобные керсетки были привезены в Приморье переселенцами из с. Куриловки Новгород-Северского района Черниговской области³²⁶.

Керсетки, сшитые в Приморье, отличаются характерным кроем и декором. Так, отрезная по линии талии керсетка, изготовленная в 1914 г. в с. Вишневка Спасского района Приморского края местным мастером, сшита из чёрного сатина, декорирована плисом и машинной вышивкой³²⁷. На спинке на уровне талии заложены 11 бантовых складок. Длина изделия: 54 см. Другая керсетка

³²² Приложение 4.1. Рис. 27-28. С. 38. Рис. 41. С. 44.

³²³ Приложение 4.3. Фото 54. С. 71.

³²⁴ Там же. Фото 57. С. 72.

³²⁵ Приложение 4.1. Рис. 30. С. 39.

³²⁶ Там же. Рис. 32. С. 40.

³²⁷ Там же. Рис. 33. С. 41.

изготовлена в 1920-х гг. в с. Красный Кут Спасского района М. А. Крохиной, 1910 г.р.³²⁸ Как и предыдущий экземпляр, данная керсетка выполнена из сатина чёрного цвета, украшена полосками плиса и декоративной строчкой. Длина изделия: 57 см. На спинке по линии талии заложены 15 встречных складок. Обе керсетки сшиты на подкладке. Имеют два кармана, декорированные плисом и машинной строчкой, а также две декоративные плисовые нашивки в виде небольших квадратов, расположенных спереди над карманами на уровне талии. Застёгиваются керсетки на крючки на левую сторону. В Спасском краеведческом музее хранятся керсетки аналогичного кроя, сшитые из сатина бордового цвета³²⁹. Отличительной особенностью данных керсеток является дополнительный декор в виде пуговиц, пришитых вертикально в ряд по 3 шт. на квадратных вставках, расположенных на линии талии. Керсетки подобного кроя и художественного оформления были отмечены и на фотографиях украинских переселенцев из фондов Спасского краеведческого музея³³⁰. Таким образом, можно предположить, что, наряду с привезёнными из мест выхода образцами безрукавной одежды, в Спасском районе Приморского края в начале XX в. сформировались местные варианты керсеток, получившие распространение среди украинских переселенцев.

Своеобразие верхней одежды украинских переселенцев демонстрируют юпки выходцев из Полтавской и Черниговской губерний, представленные в собрании Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева³³¹. Анализируя данные предметы одежды, можно выявить следующие закономерности: шились юпки в основном из однотонного сатина или репса тёмных цветов, спереди имели расклешённый фасон (цельнокроенные полочки), реже были отрезными по линии талии, сзади подгонялись по фигуре с помощью рельефных швов и семи встречных складок, заложённых от линии талии и расширяющихся книзу. Застёгивались на левую сторону на пуговицы или крючки. Летние юпки шились

³²⁸ Приложение 4.3. Фото 55. С. 71.

³²⁹ Приложение 4.1. Рис. 34. С. 41; Приложение 4.3. Фото 56. С. 72.

³³⁰ Приложение 4.4. Фото 119. С. 102; Фото 120. С. 103; Фото 123. С. 105.

³³¹ Приложение 4.1. Рис. 35, 36. С. 42; Приложение 4.3. Фото 61-63. С. 73.

на облегчённой подкладке (укр. *літнячки*), для осени простёгивались на вате (*ватянки*)³³². Праздничные юпки оформлялись аппликацией чёрным плисом, декоративными пуговицами, машинной вышивкой. Юпки полтавских переселенцев, по сравнению с черниговскими, отличались большей длиной и характерным декором. Локальным своеобразием отмечена орнаментация верхней одежды выходцев из Миргородского уезда Полтавской губернии³³³.

Региональные и локальные различия в одежде переселенцев можно проследить и на примере женских головных уборов. Как уже отмечалось выше, украинские и белорусские переселенки в качестве головных уборов, как правило, использовали платки фабричного изготовления. В то же время среди отдельных групп белорусских переселенцев были распространены домотканые платки полотняного типа. Так, жители с. Харитоновка Шкотовского района, где в основном проживали белорусы – уроженцы северо-западных уездов Черниговской губернии, в конце XIX в. – начале XX в. носили домотканые платки, которые обшивали по краям (*«берегам»*) красной домотканой полосой или ткали сразу таким образом, чтобы основная часть платка была белой, а края – красные, иногда с узором³³⁴. Такие платки были частью комплекса одежды, характерного для выходцев из районов брянско-гомельского пограничья. Встречались разные варианты оформления подобных платков³³⁵. Судя по данным фотоархивов и этнографических источников, в с. Суражевка Шкотовского района среди переселенцев-белорусов были распространены домотканые платки, которые имели орнамент в виде красных полос или мелких парных квадратов по всему полю, а по краям украшались плетёной бахромой из красных ниток³³⁶. Своеобразием отличались способы ношения платков. Платки указанного типа складывались по диагонали и надевались таким образом, что концы платка

³³² Николаева Т.А. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1988. С. 163.

³³³ Приложение 4.3. Фото 61, 62. С 73.

³³⁴ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

³³⁵ Богдан П.А. Платки в традиционном костюме белорусов // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: матер. XVI междунар. науч. конф. / под ред. Н.М. Калашниковой. СПб., 2013. С. 102.

³³⁶ Приложение 4.4. Фото 109. С. 93. Приложение 4.3. Фото 66. С. 74.

заходились назад, перекрещивались на затылке и завязывались спереди надо лбом так, что махры (*рожки*) торчали в разные стороны³³⁷.

Локальной спецификой отличались женские украшения. Так, в составе костюмного комплекса белорусов Гомельского Поднепровья были распространены низанные из бисера шейные украшения. Для Неглюбского комплекса одежды были характерны шейные бисерные украшения в виде узкой плетёной узорной ленты под названием *гарлячка*³³⁸. В Брагинском костюме шейные украшения из бисера (*кружка, лавочка, лучка*) были шире (около 3 см), их в основном нашивали на твердую основу (бересту, войлок, картон) или шёлковую чёрную ленту. В орнаменте преобладали геометрические мотивы в виде ромбов и крестов³³⁹.

Региональное своеобразие проявлялось в конструктивных особенностях поясов, в частности, в их размерах, которые могли значительно отличаться в зависимости от местности. Встречались узкие и широкие пояса. Узкие пояса в виде шнура или тесьмы были распространены у белорусов. Ширина таких поясов обычно составляла 1-3 см, реже 4-10 см. Изначально их использовали для удержания несшитой одежды на талии. Позднее стали подпоясывать и сшитую, в основном нательную одежду. Широкие пояса (*кушаки*) у белорусов достигали в ширину 20 см. Они использовались для подпоясывания верхней одежды – свитки, кожуха. Украинские домотканые пояса были значительно шире белорусских. Узкие пояса (*крайки*) обычно изготавливались шириной от 3 до 15 см. Кушаки украинцев достигали 30 см в ширину. Помимо верхней одежды ими также могли подпоясывать керсетки. В целом, мужские пояса были шире женских, а детские

³³⁷ Матейко К.І. Український народний одяг. Етнографічний словник. Київ, 1996. С. 89.

³³⁸ Лобачевская О.А., Зими́на З.И. Белорусский народный костюм. Минск, 2009. С. 22.

³³⁹ Літвінава Ю. Асаблівасці жаночага Брагінскага строю [Электронный ресурс] / Ю. Літвінава // Днепровский паром. Материалы научно-исследовательского полевого семинара «Культурно-исторический потенциал Восточного Полесья и перспективы развития регионального туризма» (11-12 августа 2016 г., г. Брагин). Минск, 2017. С. 21-28. – Режим доступа: <http://nashkraj.info/asablivastsi-zhanochaga-braginskaga-stroyu/> (дата обращения: 31.07.2020).

пояски были самыми узкими. Длина поясов варьировалась от 1,5 до 5 м и ассоциировалась с достатком – «*чем длиннее, тем богаче*»³⁴⁰.

Этнорегиональные особенности были отмечены и в способах повязывания поясов. Так, на Левобережье Украины концы пояса завязывали в основном сзади или слева на узел. В отдельных районах Правобережья, например на Черкасщине, его носили поверх керсетки³⁴¹. Верхнюю одежду, в том числе свитку, украинцы могли подпоясывать таким образом, что концы пояса подтыкались по бокам и свободно спускались вниз³⁴². Широкие плетёные пояса белорусского Поднепровья, распространённые в местах бытования понёвы, несколько раз оборачивали вокруг талии и завязывали слева, сзади или, подтыкая по бокам³⁴³. У белорусов способ повязывания пояса мог свидетельствовать о семейном положении. В частности, холостые парни и незамужние девушки в Березинском районе Минской области завязывали пояс слева, а после венчания справа³⁴⁴. В Приморье украинцы и белорусы пояс завязывали, как правило, концами назад. Так, уроженка с. Ялинцы Кременчугского района Полтавской губернии, Е. М. Гелеверё рассказывала, что пояс завязывали так, что кисти (*китицы*) свисали сзади³⁴⁵. По воспоминаниям уроженки с. Малоудобное Красногорского района Брянской области, Е. Е. Талвинской, «*поясы носили, подпиряжешь сюда, а тут шчей кисти висять на заду... почти ровне с саяном*»³⁴⁶.

В результате сопоставления местных этнографических материалов с данными материнского фонда можно выделить несколько основных комплексов украинской и белорусской одежды, распространённых на территории Приморья. Украинский костюм представлен региональными и локальными вариантами

³⁴⁰ Зап. от Александры Изосимовны Лиман, 1913 г.р., с. Кировка Кировского района Приморского края (ЛА, 1995, № 58).

³⁴¹ Николаева Т.А. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1988. С. 67.

³⁴² Николаева Т. Історія українського костюма. Київ, 1996. С. 105.

³⁴³ Богдан П.А. Традиционные пояса белорусского Поднепровья // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. Материалы 11-й международной научной конференции. СПб., 2008. С. 161.

³⁴⁴ Богдан П.А. Пояс в традиционной материальной и духовной культуре белорусов [Электронный ресурс] / П.А. Богдан // Рынок легкой промышленности. № 103, 2012 / «Российские торговые марки» – промышленный портал. – Режим доступа: <http://rustm.net/catalog/article/2167.html> (дата обращения: 12.06.2014).

³⁴⁵ Зап. от Евдокии Михайловны Гелеверё, 1920 г.р., с. Ново-Девича Хорольского р-на Приморского края (ЛА, 1995, № 56).

³⁴⁶ Зап. от Евдокии Ефимовны Талвинской, 1913 г.р., с. Многоудобное Шкотовского р-на Приморского края (ЛА, 1992, № 11).

костюмных комплексов Среднего Поднепровья, в основе которых – вышитая сорочка, плахта или юбка-спидница, безрукавка-керсетка и фартук. В белорусском костюме было отмечено два основных комплекса: с юбкой-саяном/спадницей и понёвный. Последний представляет собой уникальный пример костюма, бытовавшего среди белорусов гомельско-брянско-черниговского пограничья и имеющего в своей основе архаичный вид поясной одежды (понёву-плахту). Кроме того, был зафиксирован комплекс с юбкой с лифом, общий для украинцев северных уездов Черниговской губернии и белорусов северо-западных уездов Черниговской губернии, а также гомельского и могилёвского Поднепровья.

Таким образом, исследование региональной и локальной специфики традиционной одежды украинцев и белорусов Приморья показало многообразие её видов и форм, отмеченное в материале, техниках изготовления, оформления и способах ношения её компонентов. В конце XIX – первой трети XX в. традиционный костюм украинцев и белорусов в основном сохранял базисные, в том числе архаичные, образцы народно-бытовой культуры, привнесённые из мест выхода переселенцев. Наряду с этим, были выявлены новации утилитарного и престижно-знакового характера, проявившиеся в первом случае в виде заимствований охотничьей и промысловой одежды и обуви у коренных народов Приморья в процессе адаптации к новой природной и иноэтнической среде, во втором – в использовании элементов городской одежды, получившей распространение под влиянием моды. Этнолокальное своеобразие традиционной одежды украинцев и белорусов Приморья было отмечено в местных разновидностях костюмных комплексов, которые в начале XX в. продолжали выполнять этнодифференцирующую функцию в новом этнокультурном окружении.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ОРНАМЕНТАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЫ УКРАИНСКИХ И БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН- ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

3.1. Основные декоративные приёмы в оформлении традиционной одежды украинцев и белорусов в Приморье

Праздничная крестьянская одежда обильно украшалась. Для декорирования народной одежды применяли вышивку, ткачество, аппликацию, покупное или вязаное крючком кружево, вставки из браного полотна, тесьму, шнур, пуговицы.

В оформлении традиционного текстиля в местах выхода переселенцев, особенно белорусов, долгое время использовалось браное двухуточное ткачество. С помощью этой техники, известной с глубокой древности, декорировались рушники, а также предметы народной одежды: сорочки, фартуки, намитки, платки. В музейных коллекциях Приморского края образцы текстиля, изготовленные с применением ручного узорного ткачества, представляют большую редкость. В ходе исследования были отмечено несколько таких экземпляров женского костюма (сорочка, фартук и головной платок), которые принадлежали белорусским переселенцам из Гродненской губернии, а также выходцам из районов брянско-гомельского пограничья³⁴⁷.

Самым распространённым способом орнаментации одежды украинских и белорусских крестьян-переселенцев в Приморье в конце XIX – начале XX в. была вышивка. Она постепенно вытесняла архаичное ткачество, поскольку являлась более доступной и менее трудоемкой. Хотя браное ткачество отчасти использовалось, этот вид декоративно-прикладного искусства постепенно переходил из домашнего обихода в фабричное производство. Примером могут служить рушники с традиционными орнаментальными мотивами украинского центра фабричного ткачества в г. Кролевец Черниговской губернии, которые в

³⁴⁷ Приложение 4.3. Фото 33. С. 63; Фото 41. С. 66; Фото 66. С. 74.

конце XIX – начале XX века пользовались большой популярностью у украинских и белорусских переселенцев³⁴⁸.

Изготовление и художественное оформление одежды у восточных славян традиционно считалось женским занятием. В крестьянской среде вышивка была домашним ремеслом, которое передавалось из поколения в поколение, от матери к дочери. Искусство вышивки в восточнославянской крестьянской традиции было связано с периодом девичества. Девочек учили пряхать нить, вышивать с 7 – 8 лет, а в 10 – 12 лет они уже начинали готовить себе приданое. Вышивкой обычно украшали сорочки, фартуки, рушники. Умение вышивать считалось ценным качеством девушки, по которому судили о трудолюбии и художественном вкусе будущей хозяйки.

В орнаментации одежды, наряду с разнообразными вышивальными швами, использовались такие декоративные приёмы, как краевые и соединительные швы, сборки, мережки. Таким образом, в одном изделии могло сочетаться до десятка различных техник. Орнаментация традиционной одежды не только обогащала фактуру изделия, но также подчеркивала основные конструктивные линии, выявляла его композиционные особенности и форму.

При оформлении традиционной восточнославянской одежды использовались разнообразные декоративные швы. Н. П. Гринкова выделяет две основные группы швов в соответствии с техническими приёмами вышивки: 1) шитьё по поверхности ткани с сохранением её целостности; 2) шитьё по разреженной структуре ткани³⁴⁹. Счётные швы, выполняемые по счёту нитей ткани, являлись основными. Они идеально подходили для заполнения больших участков полотна. В вышивке традиционных женских сорочек счётными швами оформлялись полики, рукава, манжеты, ворот, манишка, подол. Простые декоративные швы, как правило, служили дополнительным элементом основного орнаментального ряда. Они также могли использоваться и самостоятельно в оформлении небольших деталей одежды, например ворота или манжет. Богатство

³⁴⁸ Приложение 4. 3. Фото 74. С. 76; Фото 99. С. 86. Приложение 4.4. Фото 140. С. 116.

³⁴⁹ Гринкова Н.П. Термины вышивания в русских диалектах // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1939. Т. XX. С. 174.

декора достигалось путём соединения разнообразных видов и способов вышивки, сочетания простых и ажурных швов, равномерных и фигурных сборок, игры светотени и рельефности узора.

К простым декоративным швам относятся следующие: шов «вперёд иголку», «строчка» или «назад иголку», стебельчатый, поддёвочные, а также бархатные швы (на основе шва «козлик» или «косичка»). Данные виды швов имеют собирательное название «верхошвы»³⁵⁰. Они широко применялись для декорирования узких воротничков («вперёд иголку»), для окантовки орнаментальных бордюров, вышитых крестом или набором (стебельчатый шов), для подчёркивания границы полика и верхней части рукава («строчка»), в оформлении краёв орнаментальных бордюров в женских сорочках («косичка»). В орнаментации народной одежды использовались разнообразные поддёвочные швы. Особенно часто в обрамлении широких декоративных бордюров или самостоятельно применялся ступенчатый поддёвочный шов, стежки которого представляли собой ступеньки разной высоты, например, на вороте женской сорочки из Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева, поступившей в 1930 г. из с. Суражевка Шкотовского района во время экспедиционных сборов А. П. Георгиевского³⁵¹.

В группу основных орнаментальных счётных швов входят такие, как набор, простой и «болгарский» крест, счётная гладь, «роспись».

Одна из старейших техник счётной вышивки – набор (укр. *занизування, низь, завалаканне*; бел. *нашыванне, нацяг*). С помощью этого шва выполняли геометрические орнаменты, напоминающие браное ткачество. При этом на изнаночной стороне ткани получалось негативное изображение узора. Данная техника в конце XIX – начале XX в. использовалась достаточно редко. В музейных коллекциях Приморского края зафиксирован только один предмет одежды с подобной вышивкой. Это сорочка из с. Фроловка Партизанского района, принадлежавшая уроженке Черниговской губернии П. К. Моисеенко, 1898 г.р., на

³⁵⁰ Лобачевская О.А., Зимина З.И. Белорусский народный костюм. Минск, 2009. С. 62.

³⁵¹ Приложение 4.3. Фото 31. С. 63.

которой красными нитками набором вышит широкий орнаментальный бордюр из сложных крестов и ромбов³⁵².

Другой старинный двусторонний шов – «роспись» – использовали как самостоятельно, так и в сочетании с такими швами, как крест, набор, счётная гладь. Зачастую «росписью» вышивали контур рисунка, как бы очерчивая его границы. Данный шов в качестве вспомогательного использовался в сорочках украинских и белорусских переселенцев³⁵³.

Вышивка крестом получила распространение в конце XIX в. и постепенно вытеснила старинные техники вышивания. Разреженная структура домотканого полотна позволяла вышивать обширные узоры без использования канвы. С появлением фабричных хлопчатобумажных тканей вышивку стали выполнять с помощью полотняной канвы. Ранние вышивки крестом отличались мелким, аккуратным стежком. Так называемый «бисерный» крестик выполнялся на две-три нитки полотна.

Разновидностью вышивки крестом является «болгарский», или двойной крест. Он представляет собой сочетание косого и прямого креста. Это более поздний вариант вышивки, который также встречался у украинских и белорусских переселенцев в оформлении сорочек и фартуков³⁵⁴.

Счётная гладь (бел. *насціл, высціланне*; укр. *лиштва*) – достаточно распространенный шов, используемый в вышивке традиционной одежды украинцев и белорусов. Различные варианты гладьевых швов представляют собой небольшие параллельные стежки, образующие рисунок вдоль нитей утка или основы (прямая гладь), либо под углом к ним (косая гладь). Данную технику демонстрирует вышивка на женской сорочке из с. Марьяновка Кировского района, выполненной уроженкой Полтавской губернии³⁵⁵.

Примечательна счётная гладь «белым по белому», которая выполнялась неокрашенными льняными нитками домашнего прядения или белыми

³⁵² Приложение 4.3. Фото 7. С. 57.

³⁵³ МПК 3409 Т1-588; МПК 10731 Т2-1737 (без фото).

³⁵⁴ Приложение 4.3. Фото 12. С. 58; Фото 46. С. 67.

³⁵⁵ Там же. Фото 21. С. 60.

хлопчатобумажными нитями. Такой приём использовали в вышивке обрядовой одежды украинцев и белорусов брянско-гомельского пограничья. Вышивкой счётной гладью «белым по белому» выполнены орнаментальные бордюры с геометрическим орнаментом на поликах и геометризованные цветочные розетки, расположенные в шахматном порядке на рукавах сорочки из коллекции Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева, поступившей в 2002 г. от жительницы г. Владивостока, Е. И. Карасовой³⁵⁶.

Разновидностью вышеупомянутой вышивки является счётная гладь группами стежков (укр., бел. *набіранне*). С помощью этой техники получали узкие орнаментальные бордюры, образующие сплошной «ковровый» узор. Подобные вышивки обычно имитировали трудоёмкие декоративные прошвы в местах соединения полика и верха рукава, а также полотнищ подола. Так называемые «ложные» соединительные швы не несли на себе конструктивной нагрузки соединения частей кроя, однако располагались в тех же самых местах, что и традиционные швы, сохраняя общий композиционный строй. Например, в сорочке, принадлежавшей жительнице с. Галёнки Октябрьского района Приморского края (переселенке из Черниговской области), группами стежков, выполненных красными и чёрными нитками, оформлено место соединения полика и верха рукава³⁵⁷.

Неотъемлемой составляющей декорирования традиционной одежды белорусов и украинцев являлись ажурные швы, для выполнения которых использовали предварительно разреженную структуру ткани. Ажурные швы или вышивка «по выдергу» (бел. *сакаленне*) – это разнообразные простые мережки, мережки настилом, а также строчка-вырезы.

В традиционных украинских и белорусских сорочках различные виды мережек часто использовали для украшения подола, границы соединения полика и верха рукава, а также в краевом оформлении деталей одежды. Обычно мережки выполнялись льняными нитками цвета холста или белыми хлопчатобумажными

³⁵⁶ Приложение 4.3. Фото 19. С. 60.

³⁵⁷ Там же. Фото 11. С. 58.

нитками – *белью*. Простые мережки, такие как «кисточка», «столбик», «в раскол», «панка» придавали вышивке воздушность и изящество. Локальным своеобразием отличается так называемая «ветковская мережка», отмеченная в вышивке подолов женских сорочек в д. Неглюбка Ветковского района Гомельской области³⁵⁸. Для неё характерна определённая композиционная схема: ажурная мережка «панка», обвитая белыми нитями, с двух сторон окаймляет узкую орнаментальную полосу, вышитую счётной гладью³⁵⁹.

Разновидностью ажурной вышивки является «строчка-вырезы» (укр. *вирізування*; бел. *вырезы*). В костюме украинцев и белорусов эта вышивка исполнялась белыми льняными или хлопчатобумажными нитками по белому фону полотна. Строчку-вырезы выполняли по предварительно подрезанным в виде квадратиков нитям утка и основы, которые закрепляли гладьевым валиком и штопальным швом. Орнаментальные сетки из диагонально расположенных сквозных квадратиков, наряду со счётной гладью, мережкой и поддёвочным швом, составляли декоративные бордюры в оформлении подола, а иногда служили декором всей сорочки, покрывая рукава и полики³⁶⁰.

Важное место в оформлении украинских и в большей степени белорусских сорочек занимали декоративно-конструктивные швы, которые соединяли детали одежды (полики и верх рукава, полики и заднюю полку стана, полики и переднюю полку стана, полотнища подола, разрез пазухи). Особым своеобразием отличались орнаментальные композиции женских рубашек Восточного Полесья (включая северные районы Черниговщины), а также Гомельского и Могилёвского Поднепровья. Помимо соединения частей кроя посредством простого сшивания, в традиционной отделке существовало множество вариантов декоративного подчёркивания, выделения значимых конструктивных линий. Для этого использовали различные виды декоративных швов и расшивок, выполняемых на

³⁵⁸ Лобачевская О.А., Зимина З.И. Белорусский народный костюм. Минск, 2009. С. 102.

³⁵⁹ Приложение 4.3. Фото 100 (1622/э-5). С. 87.

³⁶⁰ Там же. Фото 20. С. 60.

основе мережек, плетёного игольного кружева, а также плотных соединительных швов³⁶¹.

Одним из способов, широко применяемых для соединения деталей одежды (в основном полика и верха рукава сорочки) белорусских переселенцев из брянско-гомельского пограничья, являлось использование соединительных швов, которые образовывали тугой валик из плотно прилегающих друг к другу стежков. С помощью такой техники части края обычно соединялись встык. Декоративность швов достигалась за счёт рельефности валика, а также, благодаря чередованию стежков разной длины. Плотные соединительные швы выполнялись с помощью штопального и петельного швов³⁶².

Особым изяществом отличались орнаментированные соединительные швы, для получения которых применяли штопальный шов «настил». С помощью такого приёма оформлялись места соединения верха рукавов и поликов. При этом в декорировании ажурной расшивки использовались такие геометрические узоры, как кресты и ромбы в различных комбинациях, например, ромб с отростками на сорочке из с. Зеленовка Спасского района, выполненной уроженкой с. Владимирова Черниговской губернии, Е. В. Литвиненко, 1892 г.р.³⁶³

Не менее распространённым соединительным швом являлась так называемая «плетёнка»³⁶⁴. Этот шов использовали для оформления соединения полика и верха рукава, а также для сшивания полотнищ подола в женских сорочках. «Плетёнка» могла быть как одноцветной (белой или красной), так и двухцветной (бело-красной) или трёхцветной с добавлением нитей чёрного или синего цвета³⁶⁵.

Выразительным средством оформления женских сорочек была группа швов, имеющих вид игольного кружева с ромбическим орнаментом. Характерный узор, в котором маленькие ромбы, составляющие цепочку, по форме и размерам

³⁶¹ Приложение 4.2. Рис. 48. С. 51.

³⁶² Приложение 4.3. Фото 31. С. 63.

³⁶³ Там же. Фото 8. С. 57.

³⁶⁴ Лобачевская О.А., Зимина З.И. Белорусский народный костюм. Минск, 2009. С. 125.

³⁶⁵ Приложение 4.3. Фото 11. С. 58.

напоминали копеечную монету, был широко распространён у белорусов и получил соответствующее название – «копейки»³⁶⁶. Орнаментированные, в основном двухцветные (красные ромбы на белом фоне), прошвы обычно служили украшением места соединения полика и верха рукава³⁶⁷. Подобный способ декорирования сорочек («черниговская расшивка») был также характерен для украинцев из северных районов Черниговщины³⁶⁸.

Ажурные расшивки украшали прошвы подола украинских и белорусских женских сорочек. Их выполняли белыми льняными нитками с помощью штопального шва, проложенного по предварительно протянутым нитям основы, которыми скрепляли края полотнищ подола. Расшивка представляла собой зигзагообразную полосу высотой около 10 см. С помощью такого приёма могли также украшать и разрез пазухи. Так, в домотканой «белявой» сорочке, принадлежавшей переселенцам из Украины, три прошвы подола, а также низ разреза пазухи украшен ажурной расшивкой льняными неокрашенными нитками³⁶⁹.

Различные виды мережек в костюме украинских и белорусских переселенцев представляют не только художественную ценность, демонстрируя технологические особенности и локальное разнообразие традиционной одежды, но и несут отголоски архаичных представлений, связанных с обрядовой функцией и символикой сети, которая определяется наличием переплетений, ячеек и узлов³⁷⁰.

В первой трети XX в. декоративно-конструктивные швы заменяют менее трудоёмкими приёмами вышивки: крестом, счётной гладью, настилом. С заменой домотканого полотна фабричными тканями получают распространение такие техники вышивки, как тамбур, полихромная гладь. Эти швы использовали в

³⁶⁶ Лобачевская О.А., Зимина З.И. Белорусский народный костюм. Минск, 2009. С. 129.

³⁶⁷ Приложение 4.3. Фото 9. С. 57.

³⁶⁸ Украинское народное искусство. Одежда / Под общ. ред.: К.Г. Гуслистого. Киев, 1961. С. 28.

³⁶⁹ Приложение 4.3. Фото 19. С. 60.

³⁷⁰ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 2002. С. 431.

вышивке растительных орнаментов по заранее намеченному рисунку, располагая узор на поликах, рукавах, подоле рубашек³⁷¹.

Важное место в оформлении традиционных сорочек занимало декорирование краёв изделия. Ворот, манжеты и подол зачастую украшали разнообразные швы, которые, наряду с декоративной функцией, одновременно несли и практическую нагрузку, закрепляя края сорочки и предохраняя их от износа. Обозначая границы одежды, краевые швы в общей системе восточнославянского мифологического мировоззрения выполняли ещё и защитную функцию.

Различные виды петельных швов оформляли края деталей праздничной одежды. Особенно часто такой приём декорирования применяли при украшении краёв ворота, манжет и разреза пазухи женских сорочек. Использовали плотный и редкий петельные швы, чередовали группы стежков разной длины и цвета. В результате края изделия закреплялись, а фактура ткани обогащалась новыми рельефами и красками. Дополнительный декоративный эффект могла придать контрастная нить (часто красного цвета), проложенная внутри шва³⁷².

Излюбленным способом краевого оформления была подшивка края через мережку. При этом край одежды приобретал законченный вид и ажурный декор, который сообщал всему изделию легкость и воздушность. Особенно часто различными мережечными швами подшивали края подола, разреза пазухи, а также края поликов и верха рукавов перед сшиванием их вместе. В основном использовали такие виды мережек, как «столбик», «жучок», «в раскол», «панка». Мережки выполняли белыми льняными или хлопчатобумажными нитками. Иногда поверх краевых мережек вышивали контрастными (чаще красными) нитками поддёвочными швами, настилом и другими отделочными швами. Особенно часто мережкой украшались подолы украинских женских сорочек, традиционно открытые для всеобщего обозрения³⁷³.

³⁷¹ Приложение 4.3. Фото 18. С. 59.

³⁷² Там же. Фото 31. С. 63.

³⁷³ Там же. Фото 21. С. 60.

Не менее распространённым видом отделки края традиционных женских рубашек были зубчики или мелкие фестоны, образованные в результате сгиба предварительно выполненной мережки. Такой способ краевого оформления использовали на воротах и манжетах, иногда подоле. Для получения шва выполняли мережки «столбик» или «жучок» из двух или из трёх столбиков. Длина зубчиков зависела от количества столбиков, обвиваемых нитью. Такие зубчики представляли собой вариант кружева, выполненного с помощью обыкновенной иглы³⁷⁴.

Неотъемлемой частью традиционной восточнославянской одежды являются сборки. С помощью сборок, образующих густые мелкие складки, одежда подгонялась по фигуре, костюм приобретал необходимый объем и пластику. Расположение сборок было обусловлено конструкцией одежды. Сорочки присборивались у ворота, манжет и иногда в верхней части рукава. На фартуке, юбке ткань собиралась у пояса. Сборки использовали при изготовлении нагрудной и верхней одежды, чепцов. Для большей декоративности и одновременно закрепления сборок по ним иногда прокладывалась вышивка. Сборки условно можно разделить на равномерные, рельефные или фигурные и фестончатые.

Равномерные сборки выполнялись на основе шва «вперед иголку» с помощью крепких льняных нитей. По счёту нитей на расстоянии 1 см друг от друга прокладывали ряды нитей основы, которые затем стягивали, формируя складки. Такой приём присборивания ткани в одежде назывался «морщение» (бел. *маршчэнне*)³⁷⁵. Сборки широко применялись для оформления стана у ворота и рукавов у манжет. Таким образом, одновременно решались конструктивная и декоративная задачи. Сборки могли дополнительно украшаться вышивкой настилом, которая традиционно располагалась вверху рукава или на манжетах. В исследованных образцах одежды равномерные сборки одинаково часто используются как в украинских, так и в белорусских сорочках поликового кроя.

³⁷⁴ Приложение 4.3. Фото 10. С. 57.

³⁷⁵ Лобачевская О.А., Зимина З.И. Белорусский народный костюм. Минск, 2009. С. 164.

Особой аккуратностью и изяществом отличается оформление сборок в женских рубашках, сшитых из домотканого полотна³⁷⁶.

Если равномерные сборки в первую очередь использовались в конструктивных целях, то рельефные – несли декоративную нагрузку. Сборки «вафли» применялись в традиционном костюме, чтобы подчеркнуть рельеф ткани, показать красоту сочетания крупных и мелких складок. Рисунок сборок зачастую состоял из зигзагов и ромбов³⁷⁷.

Для декорирования традиционной одежды широко использовались фестончатые краевые сборки (бел. *пуплы, бублічки*; укр. *пухліки, пухли*). Особенно часто их применяли для пришивания верхней части рукава к полику, могли также использовать для присоединения стана к кокетке или оборок к фартуку. Сборки выполнялись в один или более рядов при помощи шва «вперед иголку» зигзагом, который прокладывался по подвёрнутому краю ткани. Длина ряда, проложенного по верху рукава, варьировалась от 5 до 15 см. Чаще всего такой вид сборок встречается на сорочках переселенцев из Полтавской губернии³⁷⁸.

Отдельного внимания заслуживает декоративное оформление нагрудной и верхней одежды украинских переселенков. Керсетки и юпки обильно украшались вышивкой, аппликацией плисом, тесьмой, шнуром. С распространением швейных машин в качестве декора широко применялась фигурная стёжка, строчевая машинная вышивка, рельефные швы. Для орнаментации обычно использовались растительные и цветочные мотивы³⁷⁹. Особенно красочно декорировалась правая полочка изделия. Кроме того, вышивкой и декоративными пуговицами иногда подчёркивали место на спинке, куда вшивались клинья (*вусы*). Украшались также фигурные клапаны карманов (зачастую ложных)³⁸⁰.

В художественном оформлении традиционного костюма украинских и белорусских переселенцев в Приморье важное место занимала орнаментация

³⁷⁶ Приложение 4.3. Фото 9. С. 57; Фото 15. С. 59.

³⁷⁷ Там же. Фото 19. С. 60.

³⁷⁸ Там же. Фото 15. С. 59; Фото 20. С. 60; Фото 23, 24. С. 61.

³⁷⁹ Приложение 4.1. Рис. 37-41. С. 43-44.

³⁸⁰ Там же. Рис. 37-41. С. 43-44.

пояса. При изготовлении поясов в домашних условиях использовали технические приёмы, в основе которых – различные виды плетения и ткачества. Характерным способом изготовления украинских и белорусских поясов было плетение «по стене» (укр. «по стіні»), соответствующее современной технике «спрэнг». Эту технику наглядно демонстрирует пояс переселенцев из с. Владимировка Черниговской губернии, представленный в экспозиции Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева³⁸¹. У белорусов Витебщины и Мозырщины были также распространены такие приёмы, как плетение «на вилочке», ткачество «на ниту» и «на дощечках». Белорусы Могилёвщины активно использовали ткачество «на бердечке»³⁸². Вышеуказанные технологии ткачества, известные всем восточным славянам, применяли и украинцы (укр. «на нитку», «на бердечці»)³⁸³. На концах пояс украшали бахромой из нитей основы или пышными кистями. Наибольшей красочностью отличались свадебные пояса³⁸⁴.

Однотонные (чаще красного цвета) и цветные пояса (с продольными разноцветными полосами) были характерны для выходцев из южных районов Белоруссии и центральной Украины. В таких поясах узор закладывался уже в момент снования нитей. Кроме того, пояса могли орнаментировать, используя технику «перебор». Как отмечает О. В. Лысенко, «разнообразие орнамента поясов... есть следствие разработки технологий (тип переплетений) и декора (цвет)»³⁸⁵. В качестве декора применяли разнообразные орнаментальные узоры, чаще геометрического характера – ромбы, розетки, кресты. Жители приморских сёл сохранили в памяти информацию об особенностях изготовления поясов: *«шерсть попрядём, повьяжем, а потом краску купуемо и покрасимо ею: там*

³⁸¹ Приложение 4.3. Фото 73. С. 76.

³⁸² Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX - начале XX в. Восточнослав. этногр. сб.: очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. (Тр. Ин-та этнографии им Н.Н. Миклухо-Маклая, нов сер. Т. XXXI). М., 1956. С. 507.

³⁸³ Ніколаєва Т. Історія українського костюма. Київ, 1996. С. 105.

³⁸⁴ Приложение 4.3. Фото 75-76. С. 76.

³⁸⁵ Лысенко О.В. «Красный пояс»: цветовой и предметный коды в восточнославянской этнокультурной традиции // Музей. Традиции. Этничность. XX – XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского Этнографического музея. Спб.-Кишинев, 2002. С. 262.

красною, там в розовую, там в голубую – яки нам нравится»³⁸⁶. По воспоминаниям Е. Е. Талвинской, из с. Многоудобное Шкотовского района, «...красные были (пояса), синие, больше всего красные...так их сделают, подтянуть, паснують, а потом переплетают их такими же нитками. Это уметь надо, швей узоры вот такими – то пяточками, то там чайночками такими»³⁸⁷. Отметим, что названия узоров «пяточки» («капейки») и «чайночки» были широко распространены в тканых орнаментах Поднепровья, в частности, в Ветковском, Чечерском районах Гомельской области, Красногорском районе Брянской области³⁸⁸. Оба узора представляли собой ромбы, при этом в узоре «чайночки» ромбы были узкие и вытянутые наподобие челнока, используемого в ткачестве.

Таким образом, анализ основных приёмов орнаментации художественного текстиля позволил выявить конструктивные и декоративные особенности в оформлении предметов одежды украинских и белорусских переселенцев в Приморье. На примере музейных этнографических источников и данных полевых материалов было отмечено богатство декора традиционной одежды, которое достигалось путём соединения разнообразных видов и способов текстильных техник, применения различных отделочных материалов, сочетания простых и ажурных швов, равномерных и фигурных сборок, игры светотени и рельефности узора. Трансформации в оформлении традиционной одежды в первой трети XX в. были связаны с распространением фабричных тканей и заменой традиционных технологических приёмов орнаментации менее трудоёмкими техниками вышивки.

³⁸⁶ Зап. от Евдокии Михайловны Гелеверё, 1920 г.р., с. Ново-Девица Хорольского района Приморского края (ЛА, 1995, № 56).

³⁸⁷ Зап. от Евдокии Ефимовны Талвинской, 1913 г.р., с. Многоудобное Шкотовского района Приморского края (ЛА, 1992, № 11).

³⁸⁸ Арнаменты Падняпроўя / аўт. тэксту Г.Р. Нячаева і інш. Мінск, 2004. С. 129, 151, 161.

3.2. Орнамент как этнокультурный код в традиционном костюме украинцев и белорусов в Приморье

Декорирование народного костюма было тесно связано как с его конструкцией, так и с комплексом представлений об орнаменте. Издревле орнамент выполнял не только декоративную, но и знаковую функцию. Определенные узоры на одежде указывали на этническую принадлежность, возраст человека, его материальное и социальное положение. Таким образом, орнамент формировался во взаимосвязи конструктивного, функционального и семантического аспектов, раскрывая «внутренний план вещи»³⁸⁹.

Кроме того, орнамент использовался и как магическое средство защиты от природных стихий, болезней, злых сил. Не случайно традиционно орнаментировались края одежды или места соединения её деталей как символическая граница с внешним, потенциально «опасным» миром³⁹⁰. Представляя собой универсальную категорию в системе традиционной культуры, граница наделялась рядом значимых функций в структурировании пространства. Одним из наиболее важных символических значений понятия «граница» как разграничения «своего» и «чужого» пространства являлась защита «своего» путём магического «замыкания границы»³⁹¹. В этом контексте закономерно, что древнейшим видом украшения и ритуально-магической маркировки ткани являлась полоса, получаемая с помощью введения в структуру переплетения полотна нити утка контрастного цвета. Как отмечает О. А. Лобачевская, «этот тип текстильного декора образуется при помощи простейшего технологического приёма, который лежит в основе создания текстильного орнамента в целом»³⁹².

³⁸⁹ Лысенко О.В. Выставочный проект «Орнамент: миф и структура: опыт визуализации исследовательской концепции орнамента // Орнамента в артефактах традиционных культур: Материалы Пятнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2016. С. 336.

³⁹⁰ Калашникова Н.М. Семиотические функции народного костюма // Музей. Традиции. Этничность. XX – XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского Этнографического музея. СПб.-Кишинев, 2002. С. 225.

³⁹¹ Виноградова Л.Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М., 2016. С. 246.

³⁹² Лобачевская О.А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации. Минск, 2013. С. 109.

Некоторые исследователи полагают, что размещение орнамента в вышивке сорочек связано с эволюцией украшений в древнеславянской одежде³⁹³.

Орнаментация одежды подчинялась определённой схеме, позволяющей выделить региональную и локальную специфику. Эта схема выражалась в разнообразных способах декорирования, излюбленном сочетании цветов и мотивов орнамента, композиционных вариантах размещении декора на поверхности одежды.

В орнаментации традиционной одежды важное структурирующее и этнодифференцирующее значение имел цвет. Рассуждая о цветовом коде в семантическом пространстве культуры, О. В. Лысенко рассматривает наличие цвета в качестве одного из доминантных признаков в структуре ритуальных предметов, выделяющих их в ряду обыденных вещей³⁹⁴. Цвет в одежде, как и в целом в традиционной культуре, был символичен и выступал маркером этнических, региональных, половозрастных различий. Цветовые предпочтения, зафиксированные в народном костюме белорусов и украинцев Среднего Поднепровья и Восточного Полесья, – это диада красного и белого цветов. Чёрный/синий цвета лишь дополняли основную цветовую гамму. Такое распределение цветовых приоритетов сложилось в глубокой древности и было связано с особенностями мировосприятия восточных славян, их традиционной модели мира.

Красный цвет традиционно ассоциировался с огнём и солнцем, являясь символом очищения. Кроме того, красный цвет как олицетворение витальности связывали с человеческой кровью, с жизненной силой, что наделяло его особыми сакральными свойствами продуцирующего и охранительного характера. Красный был излюбленным цветом в декорировании одежды восточных славян, особенно белорусов, традиционный костюм которых выдержан в бело-красных тонах. Красный цвет придавал мажорное звучание всему костюму, насыщал его светом,

³⁹³ Николаева Т.А. Художественные особенности народной украинской одежды конца XIX – начала XX в. как объект этнографического исследования // Советская этнография. 1988. № 6. С. 120.

³⁹⁴ Лысенко О.В. «Красный пояс»: цветовой и предметный коды в восточнославянской этнокультурной традиции // Музей. Традиции. Этничность. XX – XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского Этнографического музея. Спб.-Кишинев, 2002. С. 259.

энергией. Этот цвет широко использовали в праздничной, свадебной одежде и обрядовых атрибутах. Как отмечает О. В. Лысенко, маркировка красным цветом в восточнославянской этнокультурной традиции является «наиболее архаичным и универсальным способом моделирования ритуальных объектов»³⁹⁵. Предпочтение отдавали глубоким, насыщенным оттенкам красного. Для этого льняные нитки окрашивали растительными красителями – мореной, червецом. Позже, с появлением хлопчатобумажных красных нитей («заполочь») их проваривали в настое дубовой коры или ольхи для получения более тёмного оттенка³⁹⁶. В исследуемых образцах одежды красный цвет присутствует практически во всех вышитых сорочках и фартуках. Исключительно красным цветом оформлены женские сорочки переселенцев из северных уездов Черниговской губернии³⁹⁷.

Белый цвет в народной традиции связан с чистотой и непорочностью с одной стороны, а также со смертью, белым саваном, с другой. В белорусской культуре белый цвет считается этноопределяющим³⁹⁸. Это цвет неокрашенного домотканого холста, который служил фоном для последующей вышивки. Отбеленный холст в украинской и белорусской традиции назывался «білля». Чтобы придать полотну более светлый оттенок, его отбеливали, замачивая с щёлоком в горячей воде, расстилали на траве, чтобы он выгорал на солнце, а также обрабатывали деревянными вальками. Чем белее был цвет полотна, тем наряднее считалась сорочка, изготовленная из него. Белый цвет применялся также для декоративного оформления сорочек. В свадебной обрядности белый цвет использовался в костюме невесты как символ смерти девушки, которой предстоит возродиться в облике женщины. Белый цвет традиционно присутствовал в погребальной и траурной одежде. В некоторых районах Поднепровья (в частности в Ветковском районе Гомельской области), на севере Черниговщины, на

³⁹⁵ Лысенко О.В. «Красный пояс»: цветовой и предметный коды в восточнославянской этнокультурной традиции // Музей. Традиции. Этничность. XX – XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского Этнографического музея. Спб.-Кишинев, 2002. С. 262.

³⁹⁶ Лобачевская О.А., Зимина З.И. Белорусский народный костюм. Минск, 2009. С. 57.

³⁹⁷ Приложение 4.3. Фото 7-9. С. 57; Фото 31. С. 63.

³⁹⁸ Лобачевская О.А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации. Минск, 2013. С. 144.

Полтавщине встречались рубашки, вышитые белыми льняными или хлопчатобумажными нитями по белому фону холста (вышивка «белым по белому»), которые имели обрядовое значение³⁹⁹. По мнению Т. А. Николаевой, этот вид вышивки (*бель*) в украинском костюме наблюдался в наиболее давних комплексах одежды, ареал распространения которых совпадал с ареалом бытования плахты⁴⁰⁰. Т. В. Кара-Васильева высказала предположение, что «традиция вышивания белым по белому предшествовала полихромному вышиванию как более доступный способ, не связанный с окрашиванием ниток»⁴⁰¹.

Синий цвет в восточнославянской традиции отождествлялся с небом и водой, связанных с потусторонним миром, и, таким образом, был частью погребально-поминальной символики⁴⁰². Использование синего цвета нашло применение в погребальной и траурной одежде украинцев и белорусов⁴⁰³. Помимо этого, синий цвет в сочетании с красным (доминирующим) отмечен в ранних образцах традиционной вышивки и ткачества отдельных комплексов одежды Западного и Восточного Полесья, центральной Беларуси⁴⁰⁴. Для получения синих оттенков нитки окрашивали с помощью природных красителей: коры крушины или ольхи с добавлением железа и болотной руды, либо пользовались привозным красителем индиго⁴⁰⁵. Сочетание синего и красного цветов с преобладанием последнего было отмечено в тканом орнаменте сорочки и фартука переселенцев из Гродненской губернии⁴⁰⁶.

Чёрный цвет в традиционной вышивке стал использоваться значительно позже, на рубеже XIX – XX вв. Появление этого цвета было связано с распространением печатных орнаментальных схем, где чёрный использовался

³⁹⁹ Приложение 4.3. Фото 19. С. 59.

⁴⁰⁰ Николаева Т.А. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1988. С. 114.

⁴⁰¹ Кара-Васильева Т.В. Полтавська народна вишивка. Київ, 1983. С. 49.

⁴⁰² Фадеева О.Е. Белорусская народная вышивка. Минск, 1991. С. 152.

⁴⁰³ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984. С. 96-97.

⁴⁰⁴ Лобачевская О.А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации. Минск, 2013. С. 154.

⁴⁰⁵ Лобачевская О.А., Зими́на З.И. Белорусский народный костюм. Минск, 2009. С. 58.

⁴⁰⁶ Приложение 4.3. Фото 33. С. 63; Фото 41. С. 66.

вместе с красным цветом, зачастую лишь оттеняя последний. Наряду с этим, известно, что чёрный цвет был доминирующим в вышивке ряда локальных традиций, в частности, в Бирюченском уезде Воронежской губернии, в сёлах Алексеевского района Белгородской области, ранее входивших в состав Воронежской губернии⁴⁰⁷. Некоторые исследователи полагают, что этот комплекс одежды восходит к костюму половцев XIII в.⁴⁰⁸ Чёрный цвет в орнаментации украинской одежды встречался в отдельных районах западного Полесья. Например, он был характерен для локальных вариантов Волынского комплекса⁴⁰⁹. На территории Беларуси чёрный цвет преобладал в вышивке Домачевского и Буда-Кошелёвского районов, а также в женской нагрудной одежде Неглюбского и Чечерского комплексов Гомельского Поднепровья. Такая цветовая маркировка, сложившаяся в древности, по мнению О. А. Лобачевской, могла быть средством «этнической идентификации» на пограничных территориях⁴¹⁰. В более позднее время под влиянием города чёрный цвет стал активно использоваться у сельского населения в траурной одежде⁴¹¹.

Многообразие орнаментальных форм принято группировать в сюжеты и мотивы. Мотив можно рассматривать как художественную единицу орнамента или раппорт узора, в то время как сюжет, как правило, подразумевает более широкое понятие и может объединять несколько разнородных мотивов⁴¹². Орнаментальные мотивы чаще всего классифицируют по тематическому принципу, в соответствии с которым выделяют базовые орнаментальные формы, включающие геометрический, растительный, животный (зооморфный/

⁴⁰⁷ Чижилова Л.Н. Традиционная женская одежда русских в Белгородской области // Полевые исследования Института этнографии. М., 1977. С. 9.

⁴⁰⁸ Зайцева Л.М. К вопросу о происхождении женского костюма Бирюченского уезда Воронежской губернии // Государственный Русский музей. Народное искусство. Материалы и исследования. Выпуск II. Сборник статей. Спб. С. 156.

⁴⁰⁹ Стельмашук Г.Г. Давне вбрання на Волині: Етнографічно-мистецтвознавче дослідження: монографія. Луцьк, 2006. С. 130-150.

⁴¹⁰ Лобачевская О.А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации. Минск, 2013. С. 159.

⁴¹¹ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984. С. 97.

⁴¹² Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки. М., 1978. С. 57.

орнитоморфный), антропоморфный орнамент⁴¹³. В исследуемых нами образцах текстиля, отражающих украинскую и белорусскую традиции, представлены геометрические, растительно-геометризованные, растительные и орнитоморфные орнаментальные мотивы. На основе мотивов, используемых в оформлении сорочек и фартуков украинских и белорусских переселенцев в Приморье, автором диссертационного исследования были разработаны орнаментальные схемы, сгруппированные по типу построения и месту расположения орнамента на традиционной одежде⁴¹⁴.

Геометрический орнамент является наиболее архаичным. Солярные знаки и символы плодородия, занимающие ведущее место в геометрическом орнаменте, изначально отражали древние культы, связанные с астральными верованиями и магией плодородия. Рассуждая о месте символа в системе культуры, Ю. М. Лотман отмечал, что «элементарные по своему выражению символы, (составляющие «символическое ядро культуры»), обладают большей культурно-смысловой ёмкостью, чем сложные»⁴¹⁵. В мифопоэтическом сознании восточных славян солнце отождествлялось с небесным огнём, несущим свет, тепло и жизнь всему сущему. В орнаментальной графике оно могло изображаться в виде креста и его различных конфигураций (двойного креста, креста в ромбе, свастики, восьмилепестковой розетки и др.). Помимо этого, изображение прямого креста в орнаментальных композициях Могилёвского и Гомельского Поднепровья связывают с ранним периодом христианизации (IX – XIII вв.) и влиянием «иконографических и изобразительно-пластических элементов культуры Византии и Киевской Руси»⁴¹⁶.

Не менее часто использовались в традиционном орнаменте символы плодородия, среди которых особенно выделяется ромб как в чистом виде, так и в различных вариациях (растущие ромбы, ромб с отростками, гребенчатый ромб,

⁴¹³ Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки. М., 1978. С. 57.

⁴¹⁴ Приложение 4.2. Рис. 42-51. С. 45-54.

⁴¹⁵ Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. С. 193.

⁴¹⁶ Лобачевская О.А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации. Минск, 2013. С. 123.

ромб с точками и др.). Его возникновение некоторые исследователи связывают с воспроизведением рисунка дентина ещё в эпоху палеолита⁴¹⁷. Особенно часто ромб встречался в орнаменте земледельческих народов, являясь частью культовых практик и символизируя идею плодородия в самом широком смысле. В частности, как отмечает А. К. Амброз, ромб был символом женского начала в природе⁴¹⁸. Неслучайно ромбический узор был характерен для традиционного костюма невесты, молодой женщины, а также для обрядовых, в частности, свадебных полотенец.

В исследуемый период довольно часто встречается мотив восьмилепестковой звезды-розетки, характерный в первую очередь для вышивки Могилёвского и Гомельского Поднепровья. Некоторые исследователи полагают, что этот элемент имеет относительно позднее появление в белорусской культуре и связан с распространением европейских тканей и изданием узоров в XVI – XVIII вв.⁴¹⁹

В обследованных образцах одежды геометрический орнамент присутствует достаточно широко как обособленно, так и в купе с растительными мотивами. Это крест и его варианты (двойной крест, крест в ромбе, восьмилепестковая розетка), различные ромбы (растущие ромбы, ромб с отростками, гребенчатый ромб), а также треугольники, квадраты и меандры. Геометрический орнамент присущ в основном вышивке переселенцев из северных и северо-западных уездов Черниговской губернии и белорусам Могилёвского и Гомельского Поднепровья⁴²⁰.

В конце XIX – начале XX в. геометрический орнамент постепенно вытесняется растительно-геометризованными и растительными узорами, мода на которые в сельской местности получила широкое распространение, благодаря

⁴¹⁷ Личенко С.И. Народное искусство Калужского края XIX – XX веков: Архитектур. деревян. резьба. Вышивка. Кружево. Игрушки: Очерки / С. И. Личенко. Калуга, 2001. С. 51.

⁴¹⁸ Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // Советская археология. 1965. № 3. С. 18.

⁴¹⁹ Лобачевская О.А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации. Минск, 2013. С. 125.

⁴²⁰ Приложение 4.3. Фото 7, 9. С. 57; Фото 31-33. С. 63; Фото 41, 42, 44. С. 66.

печатным образцам вышивки крестом. В искусствоведческой литературе народная вышивка, основанная на печатных изданиях и рекламной продукции, получила название «брокаровские узоры» по имени владельца известной парфюмерной фабрики, использовавшего печатные образцы вышивки в упаковке дешёвых парфюмерных товаров⁴²¹. Элементы растительного орнамента особенно активно использовали в украинской вышивке. В оформлении одежды часто применялись мотивы, отражающие особенности украинской флоры, которые наделялись поэтическими чертами и символическим смыслом. Живописные композиции из растительных мотивов в конце XIX в. преобладали в вышивках северной Киевщины, на Сумщине, юге Черниговщины, Волыни⁴²². Особенно ярко растительно-геометризованные и растительные орнаменты проявились в полтавской вышивке. В исследуемых образцах одежды среди сорочек, принадлежавших выходцам из Полтавской губернии, были популярны такие мотивы, как земляника, виноград, хмель, дубовые листья, калина, барвинок, розы и другие⁴²³. Несмотря на поздний культурный пласт, использование этих растений в вышивке праздничной, зачастую свадебной одежды, было символично. Так, виноград в украинской культуре является символом семейного счастья, благополучия. Дуб – священное дерево, олицетворяющее силу, мощь. Его в основном изображали в виде мотива «дубове листья». Считалось, что такой орнамент мог служить защитой от дурного глаза⁴²⁴. Калина символизирует девичью красоту, невинность. Барвинок олицетворяет девичью честь и молодость, это также символ любви, верности и брачного торжества. Мак ассоциируется с красотой и молодостью. Характерным элементом в вышивке растительно-геометризованного орнамента было изображение изогнутого ветвистого стебля с листьями и плодами винограда, дуба или хмеля. Такой мотив часто встречается в

⁴²¹ Лобачевская О.А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации. Минск, 2013. С. 361.

⁴²² Нікішенко Ю.І. Символіка рослинних орнаментів української вишивки на одязі початку XX ст. // Наукові записки. Том 19. Теорія та історія культури / Національний університет «Києво-Могилянська академія». 2001. С. 31.

⁴²³ Приложение 4.3. Фото 15, 17. С. 59; Фото 23, 24. С. 61; Фото 29. С. 62.

⁴²⁴ Нікішенко Ю.І. Символіка рослинних орнаментів української вишивки на одязі початку XX ст. // Наукові записки. Том 19. Теорія та історія культури / Національний університет «Києво-Могилянська академія». 2001. С. 32.

вышивке центральных и северных районах Полтавщины под названием «ламане дерево»⁴²⁵. Зачастую цветочные сюжеты в вышивке приобретали обобщённые черты, в которых трудно выделить конкретные растения. Такие стилизованные мотивы были характерным явлением для брокаровских узоров⁴²⁶.

Орнитоморфный орнамент в целом не был свойственен украинской и белорусской вышивке, в отличие от русской северной вышивки, где мотивы с изображением птиц были излюбленным традиционным сюжетом в орнаментации женской одежды. Композиционный мотив с изображением парных птиц, символизирующий брачную тематику, стал пользоваться популярностью у украинцев и белорусов в конце XIX – начале XX в. с распространением печатных образцов вышивки. Одной из излюбленных тем была композиция с петухами, обращёнными друг к другу, и деревцем между ними⁴²⁷.

Следует упомянуть также мотив двуглавого геральдического орла, получивший большое распространение в тканых орнаментах кролевцевских рушников, которые часто использовались в качестве обрядового пояса в костюме украинской невесты⁴²⁸. Как отмечает Г. С. Маслова, распространению этого мотива в крестьянской среде во многом способствовали изделия мануфактур XVIII – начала XIX в.⁴²⁹

Расположение орнамента на поверхности предмета подчинено определённому композиционному строю, который уравнивает изделие, придает ему гармонию и завершенность. Различные по структуре и ритму композиции складывались из таких элементов орнамента, как прямые и ломаные линии, ромбы, кресты, восьмилепестковые розетки, различные растительно-геометризованные мотивы. Наиболее распространёнными видами построения орнаментальной композиции в костюме украинцев и белорусов были бордюр, косая сетка и розетка.

⁴²⁵ Кара-Васильева Т.В. Заволокіна А.О. Українська народна вишивка: Альбом. Київ, 1996. С. 9.

⁴²⁶ Приложение 4.3. Фото 11. С. 58; Фото 22. С. 60; Фото 26, 27. С. 61-62.

⁴²⁷ Там же. Фото 46. С. 67.

⁴²⁸ Там же. Фото 74. С. 76.

⁴²⁹ Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки. М., 1978. С. 68.

Бордюры представляют собой полосу линейного орнамента с повторяющимся раппортом. Такие узорные полосы различной ширины располагались горизонтально на поликах и вверху рукавов, украшали манжеты, подола и воротники сорочек, а также заполняли подола фартуков. Декоративные бордюры фартуков выстраивались таким образом, что их ширина обычно увеличивалась книзу⁴³⁰. Вертикальные орнаментальные бордюры вышивались на манишке, редко – на рукавах⁴³¹. По мнению О. А. Лобачевской, основой бордюра как развитой художественной системы орнамента является полоса, выступающая первоорнаментом, организующим структуру ткани путём введения контрастной нити утка⁴³².

Косая сетка – один из характерных композиционных приёмов построения орнамента. Ромбовидные сетки образовывались с помощью пересечения диагональных линий и заполнялись крестами, ромбами или розетками-звездами. Подобный орнамент был характерен для декорирования одежды отдельных районов Среднего Поднепровья, а также для Гомельщины⁴³³.

Отличительным видом орнаментации украинской и отчасти белорусской одежды являются розетки. Они представляют собой отдельные элементы, состоящие из геометрических (кресты, восьмилепестковые звезды), а чаще – растительно-геометризованных мотивов в виде цветов, букетиков, ягодных кустиков. Розетки заполняли всё поле рукавов украинских сорочек, располагаясь в несколько рядов в шахматном порядке⁴³⁴. Кроме того, розетки встречаются и в оформлении подола и завязок фартуков. Такой декор, в частности, отмечен на фартуках черниговских переселенцев⁴³⁵.

Характерной особенностью бордюрной композиции текстильного орнамента является приём повтора орнаментальных знаков, в основе которого, по

⁴³⁰ Приложение 4.3. Фото 41, 44. С. 66.

⁴³¹ Там же. Фото 1-4. С. 55; Фото 27, 28. С. 62.

⁴³² Лобачевская О.А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации. Минск, 2013. С. 109.

⁴³³ Приложение 4.3. Фото 3. С. 55; Фото 31. С. 63.

⁴³⁴ Там же. Фото 11-18. С. 58-59; Фото 22-24. С. 60-61; Фото 27. С. 62; Фото 34. С. 63.

⁴³⁵ Там же. Фото 43, 45. С. 66-67.

мнению исследователей, лежит семантика преумножения блага, восходящая к символическим категориям продуцирующей магии в архаичной традиции⁴³⁶.

В мужских праздничных сорочках украинцев и белорусов вышивка в виде декоративных бордюров располагалась обычно на вороте, манжетах и манишке, иногда на подоле⁴³⁷. Композиция орнамента женских праздничных сорочек строилась следующим образом: манжеты украшались полосой линейного орнамента, преимущественно в виде волнистого стебля, с двух сторон окаймлённого узкими полосками линейного, зигзагообразного или зубчатого орнамента. Край полика, граничащий с рукавом, декорировался более широким бордюром, который зачастую дублировался в верхней части рукава и также мог окаймляться узким орнаментальным рядом. Поле рукава, как правило, оформлялось розетками, расположенными по всему рукаву в шахматном порядке в два, три или четыре ряда. Подол декорировался нешироким горизонтальным бордюром. Орнамент ворота часто повторял узор манжет, но мог и отличаться. В некоторых случаях он состоял лишь из зигзагообразной или пунктирной линии или вовсе отсутствовал. В белорусских сорочках места соединения полика и верха рукава, полика и задней полки стана дополнительно орнаментировались различными видами декоративных швов и расшивок, подчёркивающих конструктивно значимые линии кроя сорочки. Декор фартука был сосредоточен в нижней части изделия и композиционно выстраивался в виде единичных или множественных бордюров, которые могли чередоваться с кружевными вставками или отдельными композициями, например, в виде парных птиц (петухов). Часто декорировались и завязки фартука.

Орнаментация одежды украинских и белорусских переселенцев отличалась региональным и локальным своеобразием. Для белорусов Могилёвского и Гомельского Поднепровья в вышивке традиционных сорочек и фартуков в исследуемый период было более характерно использование геометрического орнамента, монохромной вышивки красными нитками по белому фону полотна,

⁴³⁶ Лобачевская О.А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации. Минск, 2013. С. 139.

⁴³⁷ Приложение 4.3. Фото 1-4. С. 55.

применение разнообразных декоративно-конструктивных швов для оформления ажурных прошив в местах соединения полика и верха рукава сорочек. Локальным своеобразием отличались обрядовые женские рубашки с характерной вышивкой «белым по белому». Такие сорочки были распространены в районах Гомельского Поднепровья, северной Черниговщины и Брянщины. В частности, в Ветковском районе Гомельской области бытовали женские сорочки, вышитые белыми нитками в технике «строчка-вырезы» в сочетании со счетной гладью, узкими мережками и поддёвочными швами⁴³⁸.

Рубашки переселенцев из северных и северо-западных уездов Черниговской губернии, тяготеющих к белорусской традиции, отличались монохромной вышивкой с преобладанием красного цвета, а также ажурными прошивами, которые располагали в местах соединения полика и верха рукава⁴³⁹.

В оформлении одежды украинских переселенцев чаще применялись растительно-геометризованные и растительные элементы. В украинской вышивке, как правило, использовалась двухцветная (красно-чёрная), а в более позднее время – полихромная цветовая гамма. Наряду с этим, можно отметить и применение традиционных декоративных приёмов. Например, своеобразие полтавской одежды было оформление домотканых сорочек белыми льняными нитками с помощью ажурного шва «вырезывание», при этом использовались характерные орнаментальные мотивы, такие, как ломаные линии, мотив изогнутого стебля («ламане дерево»)⁴⁴⁰.

Композиционный строй орнамента в костюме украинцев и белорусов также имел свои региональные и локальные варианты. Сорочки Киевского Полесья отличались орнаментацией манишки («пазушки с погрудками»), широких воротников и манжет.

Для сорочек Могилёвского комплекса характерны орнаментальные бордюры, расположенные на стыке полика и верха рукава, которые дополнялись

⁴³⁸ Лобачевская О.А., Зимина З.И. Белорусский народный костюм. Минск, 2009. С. 109.

⁴³⁹ Приложение 4.3. Фото 7-9. С. 57.

⁴⁴⁰ Там же. Фото 20. С. 60.

узкими рядами, вышитыми на оборках рукава или манжетах, а также на воротнике.

Композиции гомельских сорочек был присущ сетчато-ромбический орнамент, который заполнял почти всё поле рукавов, включая полики. Кроме того, для сорочек данного региона были характерны вертикальные орнаментальные вставки, расположенные со стороны спинки в местах соединения поликов и стана.

В сорочках Черниговского Полесья орнамент в виде горизонтальных бордюров располагался на поликах и дублировался вверху рукавов. Декор мог дополняться розетками, заполнявшими рукава, в отдельных случаях декорировались манжеты, ворот и подол. Черниговские сорочки имели выраженную линию конструктивно-декоративных швов, расположенных в верхней части рукава.

В полтавских сорочках верх рукавов, как правило, не декорировался, т.к. обычно собирался у поликов в фестончатые сборки. Здесь полосой линейного бордюра орнаментировались полики и подол, а рукава заполнялись отдельными розетками. Поскольку манжеты и ворот полтавских сорочек зачастую представляли собой простую обшивку, они, как правило, не орнаментировались⁴⁴¹.

Региональные различия были отмечены и в оформлении нагрудной одежды. Так, керсетки уроженок Миргородского уезда Полтавской губернии отличались своеобразным декором в виде вертикально расположенной композиции растительного орнамента под названием «левадка», выполненным с помощью аппликации из нашивок чёрного плиса⁴⁴².

В керсетках выходцев из Хорольского уезда Полтавской губернии декорировалась верхняя часть правой полочки в виде цветочной композиции или изящно изогнутого стебля, выполненного с помощью машинной вышивки. Такой

⁴⁴¹ Приложение 4.1. Рис. 13-22. С. 33-36.

⁴⁴² Кара-Васильева Т.В. Полтавська народна вишивка. Київ, 1983. С. 104; Приложение 4.1. Рис. 28. С. 38; Рис. 41. С. 44.

декор обычно окаймлялся двойной или одинарной обшивкой из чёрного плиса и украшался декоративными пуговицами. Зачастую вышитый растительный мотив располагали во всю длину по краю правой полочки⁴⁴³

Керсетки Зеньковского уезда Полтавской губернии украшались характерной аппликацией и обшивками из чёрного плиса, оформлялись декоративной строчкой, стёжкой, оборками⁴⁴⁴.

В оформлении керсеток переселенок из Черниговской губернии зачастую использовалась декоративная, как правило, машинная стёжка. Обязательным элементом был косой карманчик с правой стороны, украшенный аппликацией⁴⁴⁵.

Таким образом, исследование особенностей орнаментации традиционной одежды украинских и белорусских переселенцев в Приморье позволило выявить региональные и локальные отличия, которые были отмечены в художественных приёмах оформления, цветовых и орнаментальных предпочтениях. В декорировании одежды можно наблюдать черты статичности базовых элементов, выраженные в предпочтении традиционных материалов и техник, сбалансированной цветовой гаммы, композиционной и художественной целостности, излюбленных мотивов и сюжетов.

Наряду с этим, в орнаментации традиционной одежды первой трети XX века наблюдаются различные трансформации. На смену архаичным геометрическим узорам приходят растительно-геометризованные орнаменты, заимствованные из печатных образцов вышивки. Вместе с распространением брокаровской вышивки популяризируется и техника вышивки «крест», которая постепенно вытесняет старинные виды швов. Сложные расшивки соединительных швов заменяются более простыми в исполнении «ложными» швами, имитирующими традиционные конструктивно-соединительные швы. Монохромная вышивка постепенно уступает место двухцветной (красно-чёрной), а позже – полихромной, происходит укрупнение узоров. В целом, орнаментация

⁴⁴³ Приложение 4.1. Рис. 29. С. 39.

⁴⁴⁴ Там же. Рис. 30. С. 39.

⁴⁴⁵ Украинское народное искусство. Одежда / Под общ. ред: К.Г. Гуслистого. Киев, 1961. С. 28.

традиционной одежды белорусских переселенцев, по сравнению с таковой у украинцев, отличалась большей устойчивостью, на что указывает преобладание монохромной вышивки, конструктивно-декоративных швов, геометрического орнамента.

ГЛАВА 4. ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА УКРАИНСКИХ И БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И ИХ ПОТОМКОВ В ОБРЯДОВОМ КОМПЛЕКСЕ

4.1. Традиционная одежда украинцев и белорусов в системе семейной обрядности

Наряду с утилитарными свойствами одежды, не менее важными представляются и её обрядовые функции, составляющие неотъемлемую часть мировоззренческой системы восточных славян. Обрядовый характер компонентов традиционного костюма обусловлен семиотическими свойствами, которыми наделялись определенные предметы одежды в традиционной культуре.

Исследование традиционной одежды украинских и белорусских переселенцев и их потомков в Приморье в системе семейной обрядности, включающей цикл семейных обрядов, посвящённых таким знаковым событиям, как родины, крестины, свадьба и похороны, проводилось на основе сравнения традиций материнского фонда и местных инноваций с учётом степени сохранности и трансформаций отдельных элементов одежды в условиях адаптации.

В ряду семейных обрядов центральное место занимает свадьба. В украинской и белорусской традиции свадьба (укр. *весілля*; бел. *вяселле*) представляла собой цикл обрядов, которые обычно относят в три основные группы в зависимости от времени совершения: 1) предсвадебный период; 2) свадьба; 3) послесвадебный период.

Для предсвадебного периода на территории Приморья были характерны такие обряды, как сватовство, «заручины/заручаны», смотрины «розгляды/выгляды», выпечка каравай, девичник. Собственно свадьба включала следующие обряды: «посад», благословение к венцу, венчание, приезд в дом жениха или невесты, продажа косы, «перепой», деление каравай, перемена головного убора («завивание»), выкуп постели/приданого, «комора». В

послесвадебный период устраивали одаривание, «перезовки» (пирование у родственников по очереди), ряжение.

Одежде в свадебных обрядах придавалось особое значение. Как отмечает Н. М. Калашникова, именно в свадебном костюме «маркировочная функция на уровне конструирования и декорирования костюма достигала своего максимума»⁴⁴⁶. Наряду со знаковыми функциями дифференцирующего порядка, свадебная одежда наделялась магическими свойствами продуцирующего и апотропейного характера, основное значение которых состояло в первом случае в обеспечении различных благ молодой семье, а во втором – в защите от злых сил, порчи и сглаза. Отметим отдельные обряды в украинской и белорусской свадьбе, зафиксированные в Приморье, в которых одежда и её атрибуты играли важную роль.

Знаковые свойства одежды проявлялись уже на этапе сватовства или заручин. Если девушка была согласна выйти замуж, она разрезала хлеб, принесённый сватами и повязывала им рушники через плечо («вешала сватачам рушники»), а жениху – платок на правую руку⁴⁴⁷. Вместо рушников будущая невеста могла подносить платки и сватам (старостам). Таким образом, сваты получали отличительные знаки, которые должны были демонстрировать окружающим удачное сватовство, а девушка с этого момента считалась просватанной.

Специальными знаками наделялись и другие чины свадебной процессии. Так, особый статус на свадьбе имел дружка жениха. Он выделялся на фоне окружающих повязанными крест-накрест вышитыми рушниками⁴⁴⁸. По традиции один рушник повязывала мать жениха, когда свадебный поезд отправлялся за невестой, а другой – мать невесты при встрече у себя дома⁴⁴⁹. Отличались и

⁴⁴⁶ Калашникова Н.М. Семиотические функции народного костюма // Музей. Традиции. Этничность. XX – XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского Этнографического музея. СПб.; Кишинев, 2002. С. 224.

⁴⁴⁷ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 23. Л. 75.

⁴⁴⁸ Приложение 4.4. Фото 128. С. 109.

⁴⁴⁹ Традиционная свадьба: Свадебный обряд переселенцев Черниговской губернии в Приморье / Сост.: И.В. Семёнова. Владивосток, 1998. С. 10.

головные уборы представителей свадебных чинов из свиты жениха. Их украшали красными бантами⁴⁵⁰. Кроме этого, по сведениям информантов из с. Дубовское Спасского района, бумажные или восковые цветы – «квитки» обязательно вешали на грудь жениха и невесты, старшей дружки и старшего боярина⁴⁵¹. Квитки из бумаги или лент использовали для украшения венка невесты, а также обрядового деревца («ельца»). Украшали квитками и свадебный каравай⁴⁵².

Квитки обычно делали на девичнике, где собирались подружки невесты. В белорусской свадьбе делали квитки и украшали ельце и в доме жениха. В среднем для свадьбы нужно было изготовить около 50 квиток. В полевых записях Ю. В. Аргудяевой, со слов Марии Ивановны Крикун, 1938 г.р., приводится описание девичника волынского варианта свадьбы в с. Любитовка Дальнереченского района, где переселенцы из этой местности преобладали. Так, упоминается, что недели за две девушки собирались «на венки» (девичник), делали цветы для гостей, которые в день свадьбы неженатым парням и девушкам прикалывали на грудь, а замужним женщинам – на голову⁴⁵³.

Важную роль в обрядах свадебного цикла играл пояс. Пояс выступал как классификатор культурно-этнической границы, и эта его роль наглядно прослеживается во многих обрядах. Так, для всех восточных славян было характерно одаривание поясами невестой жениха и его многочисленных родственников. У белорусов невеста на запоинах в качестве своего согласия опоясывала жениха, свата, также поясом окручивали бутылку или бочонок с вином⁴⁵⁴. После венчания белорусская невеста развешивала пояса в различных местах дома (над печкой, сундуком) или двора (в амбаре, в хлеву, у колодца). В этом обычае просматриваются пережитки жертвоприношений духам дома, где предстояло жить молодой. К тому же, как отмечает А. К. Байбурин, здесь

⁴⁵⁰ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 157.

⁴⁵¹ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 23. Л. 137.

⁴⁵² Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 59. Л. 61.

⁴⁵³ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 23. Л. 20.

⁴⁵⁴ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984. С. 46.

отражается «идея маркирования своего и освоения чужого»⁴⁵⁵. Являясь символической границей человеческого мира, пояс воспринимался как инструмент мощной защиты от негативных воздействий внешних враждебных сил. Так, например, у украинцев красный пояс, подаренный женой мужу, должен был охранять его от наговора, сглаза и чужих жен⁴⁵⁶. Упоминание о поясе нередко встречается в песнях свадебного цикла⁴⁵⁷. Несмотря на то, что в текстах песен зачастую используется поэтический приём идеализации, приукрашивающей действительность, всё же они дают вполне конкретную информацию о видах поясов, а также их месте в культуре украинцев и белорусов. Дуалистическая природа «свой» – «чужой», свойственная поясу, наделяла его и ролью посредника между человеческим и небесным миром, что нашло отражение в свадебных песнях, записанных в Приморском крае⁴⁵⁸.

Особое значение в свадебной обрядности придавалось шубе (кожуху). Меха́вая одежда в свадебных обрядах осуществляла продуцирующую функцию, основанную на магии подобия, и должна была способствовать богатству и деторождению (сколько волос в шубе – столько детей). Так, по традиции на шубу, вывернутую мехом наружу, сажали невесту во время обряда «посад», исполняя при этом соответствующие песни⁴⁵⁹.

Посад заключался в подготовке невесты к венцу и проводился в воскресенье перед приездом жениха. Во время обряда девушку усаживали на табурет или лавку с подушкой, покрытой мехом вверх шубой или рушником и наряжали: одевали вышитую сорочку, юбку, расплетали косу, расчёсывали волосы и надевали венок, украшенный квитками и длинными разноцветными лентами. Необходимо отметить, что венок в традиционной культуре выступал в качестве ритуального предмета, символически связанного с магическим осмыслением

⁴⁵⁵ Байбурин А.К. Пояс (к семиотике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы: [Сборник статей]. СПб., 1992. (Сборник МАЭ; т. 45). С. 8.

⁴⁵⁶ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984. С. 46.

⁴⁵⁷ Приложение 3.1. № 4, 8. С. 24-25.

⁴⁵⁸ Там же. №. 1. С. 24.

⁴⁵⁹ Там же. №. 15. С. 26.

круга и защитных свойств растений⁴⁶⁰. Когда расчёсывали волосы, смазывали их маслом, сопровождая данные действия песнями соответствующего содержания⁴⁶¹. Чаще всего во время посада косу расплетали дружки невесты. Хотя, по свидетельству уроженцев Волынской губернии из с. Любитовка Дальнереченского района, косу невесте мог расплестать младший брат, что нашло отражение в местном фольклоре⁴⁶².

Под венец невеста обычно шла с распущенными волосами. Исследователи отмечают, что у белорусов обряд расплетания косы и причёсывания невесты мог совершаться как до венца, так и после него⁴⁶³. Так, по словам информантов – белорусов из с. Зеленовка Спасского района, уроженцев с. Владимировка Городнянского уезда Черниговской губернии, расплетание косы происходило после венца в доме жениха⁴⁶⁴.

Заслуживает внимания обряд продажи косы, который был характерен для переселенцев в Приморье. По традиции косу продавал младший брат. Обряд мог проводиться во время посада или позже, во время застолья у невесты. Со слов Я. Г. Шевченко, 1903 г.р., из с. Монастырище Черниговского района, уроженца с. Лемешовка Городнянского района Черниговской области, в обряде участвовали старшая сестра невесты и старшая дружка или сваха, боярин (дружко) жениха и младший брат невесты. Женщины укладывали косы невесты на тарелку, которую держал её младший брат, торгуясь с дружкой жениха. Получив выкуп, дружки невесты пели соответствующие песни⁴⁶⁵. После этого одну косу расплетала старшая дружка, а другую – старшая сестра, расчёсывали волосы и одевали венок из восковых цветов – *герлянду*, на который привязывали длинные ленты голубого или розового цвета⁴⁶⁶.

⁴⁶⁰ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 2002. С. 65.

⁴⁶¹ Приложение 3.1. № 2. С. 24.

⁴⁶² Там же. № 3. С. 24.

⁴⁶³ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984. С. 49.

⁴⁶⁴ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 23. Л. 97.

⁴⁶⁵ Приложение 3.1. № 16. С. 26.

⁴⁶⁶ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 23. Л. 124.

Младший брат невесты требовал выкуп и в обряде продажи места возле невесты, торгуясь с женихом или его дружкой за право сидеть рядом с молодой во время застолья. У черниговцев в обряде продажи места могла участвовать и сестра невесты. По обычаю она срывала с головы жениха головной убор, вскакивала на лавку и пела, требуя выкупа⁴⁶⁷. После его получения сестра невесты пришивала на головной убор жениха квитку и отдавала жениху⁴⁶⁸. Отмечая сходство обрядов «продажи косы» с выкупом места возле невесты, Г. С. Маслова называет их «реминисценцией когда-то существовавшей купли невесты»⁴⁶⁹.

Интересны свадебные обряды, прямо или косвенно связанные с венчанием. Так, перед отправкой к венцу, молодых ставили на вывернутую мехом вверх шубу и благословляли иконой. Во время венчания в церкви жених и невеста стояли на рушнике. По материалам, зафиксированным в с. Монастырище Черниговского района Приморского края, поп перевязывал руки молодых длинной полотняной хусткой и водил по часовой стрелке («по солнцу») вокруг амвона. При этом хустка тянулась по полу и если задевала присутствующих там молодых девушек, то считалось, что они быстро выйдут замуж⁴⁷⁰.

Особое значение в свадебном обряде восточных славян имело приданое невесты. Подготовка приданого была важным предсвадебным этапом. В приданое по традиции входили различные тканые и вышитые предметы – холсты, рядна, рушники, подушки, вышитые сорочки, фартуки и пр. Невеста должна была также заготовить свадебные подарки для жениха и его родни. Главным свадебным подарком жениху была венчальная рубашка, изготовленная невестой. По воспоминаниям уроженки Черниговской губернии С. Д. Байдраковой, 1904 г.р., рубашку жениху шили на девичнике дружки невесты⁴⁷¹. Зачастую такая рубаха использовалась в магических обрядах. Так, накануне свадьбы молодая могла

⁴⁶⁷ Приложение 3.1. № 17, 18. С. 26.

⁴⁶⁸ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 158.

⁴⁶⁹ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984. С. 49.

⁴⁷⁰ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 23. Л. 121.

⁴⁷¹ Там же. Л. 80.

вытираться сорочкой, приготовленной для жениха, что должно было обеспечить ей любовь мужа в будущей семейной жизни⁴⁷².

Приданое традиционно складывали в деревянную бочку с крышкой – кубел (у белорусов) или сундук – скрыню (у украинцев). Сюда собирали одежду, рядна, вышитые рушники, а в день свадьбы устраивали «перевоз», когда украшенную лентами и бумажными цветами скрыню торжественно везли в дом жениха⁴⁷³. По местным меркам невеста считалась богатой, если ряден много и есть четыре подушки⁴⁷⁴. Жених или дружок по традиции должен был заплатить выкуп за приданое невесты, а также за её постель. Так, согласно полевым материалам Ю. В. Аргудяевой, на подушках сидела младшая сестра невесты, а её родственники при этом требовали выкуп. Расплачивались обычно деньгами⁴⁷⁵. После привоза приданого свашки в доме жениха развешивали рушники из приданого невесты, демонстрируя её мастерство.

«Дарование» (дары со стороны жениха, невесты, других участников свадьбы), наряду с приданым, играло важную роль в свадебном обряде. Обмен подарками имел связующее значение, символизирующее единение родов. Так, по традиции невеста должна была одарить жениха и его родителей. Обычно в число подарков в 20-е годы XX в. входила вышитая сорочка и хустка для жениха, отрез ткани на платье или платок для свекрови и штаны для свёкра. В северных районах Черниговщины, а также на территории брянско-гомельского пограничья невеста дарила свекрови намитку и вышитую «белявую» рубашку, что служило символическим знаком её перехода в новый возрастной статус⁴⁷⁶. Жених покупал свадебную одежду для невесты, которая в начале XX в. обычно состояла из юбки и кофты или нарядного платья, воскового венка и обуви (ботинок или сапог). Как отмечает Г. С. Маслова, обувь в качестве подарка имела не только престижное

⁴⁷² Лобачевская О.А., Зимина З.И. Белорусский народный костюм. Минск, 2009. С. 51.

⁴⁷³ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 23. Л. 118.

⁴⁷⁴ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 162.

⁴⁷⁵ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 23. Л. 127.

⁴⁷⁶ Лобачевская О.А., Зимина З.И. Белорусский народный костюм. Минск, 2009. С. 57.

значение, но символизировала привязанность будущей жены к дому⁴⁷⁷. Тёще в день свадьбы по обычаю жених обязательно должен был купить сапоги – *чоботы*, что нашло отражение в фольклоре старожилов Приморья⁴⁷⁸.

Дарование молодых могло происходить как в доме невесты, так и в доме жениха. По традиции раздача даров осуществлялась во время раздела каравая. Руководил этим обрядом обычно дружка жениха, вызывая по очереди гостей и подавая каждому стопку с водкой и кусок каравая. При этом, как отмечает И. В. Семёнова, со слов информантов-черниговцев, «каравай никогда не брали пустыми руками, а только белым платочком»⁴⁷⁹. Дарование всегда начиналось с родителей. Дары родителей невесты (одежда, постель), как правило, входили в приданое. Свекровь дарила обычно ткань на платье или платок. После дарования свёкр со свекровью обнимались и говорили: «Мы живем хорошо, што б и вы так жили»⁴⁸⁰. В число подарков, помимо одежды, могли входить скотина, домашняя птица, деньги. По обычаю дарование сопровождалось приговорками с пожеланиями благополучия⁴⁸¹.

Одним из наиболее ярких моментов свадьбы был обряд «покрывания» или «завивания», который заключался в перемене прически и головного убора невесты и олицетворял её переход от девушки к женщине, символизируя замужество⁴⁸². Покрывание могли проводить как в доме невесты, так и у жениха. Во время обряда молодые сидели в переднем углу (на куте) на лавке, застеленной шубой. При этом две свахи (одна – со стороны жениха, другая – со стороны невесты) становились на лавку около невесты, снимали с неё венок, и под пение специальных песен трижды покрывали невесту платком, который невеста повязывала на руку жениху во время сватовства. После этого волосы невесты

⁴⁷⁷ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984. С. 27.

⁴⁷⁸ Приложение 3.1. № 14. С. 25.

⁴⁷⁹ Традиционная свадьба: Свадебный обряд переселенцев Черниговской губернии в Приморье / Сост.: И. В. Семёнова. Владивосток, 1998. С. 11.

⁴⁸⁰ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 82.

⁴⁸¹ Приложение 3.1. № 24, 25. С. 27.

⁴⁸² Гаген-Торн Н.И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // Советская этнография. 1933. № 5-6. С. 88.

закручивали в жгут на голове и повязывали сначала один платок (ситцевый), концы которого завязывали на лбу. Поверх него одевали другой платок (шерстяной), который завязывали под подбородком. Отметим, что обряд покрывания изначально был связан с ритуальной функцией старинного полотенчатого женского головного убора – намитки и был призван защитить невесту от злых сил⁴⁸³.

Традиционно во время обрядовой смены головного убора вместо венка одевали чепец-очипок, который позже заменил платок. Так, по сообщению уроженки Полтавской губернии Н. Г. Теренченко, 1905 г.р., из с. Вишнёвка Спасского района Приморского края, когда расплетали косу невесте, несли чепец. Его клали на «веко» (крышку бочки), которое ставили на «дежу» (род деревянной посуды для замешивания теста)⁴⁸⁴. Действия сопровождали специальными песнями⁴⁸⁵. Уроженка Киевской губернии Е. В. Бойченко, 1892 г.р., из с. Степановка Кировского района, рассказывала, что невесте одевали на голову очипок или платок⁴⁸⁶. Таким образом, можно проследить, как на архаичную основу постепенно наслаивались более поздние варианты обряда.

Обряды послесвадебного периода были связаны прежде всего с проверкой «честности» невесты. После брачной ночи смотрели её сорочку – «узнавали честь». Если девушка «честная», ей привязывали на руку красную ленту. Такие же ленты повязывали на руки свашек и родителей молодой⁴⁸⁷. Этот обычай в начале XX в. сохранялся у черниговцев в сёлах Новомихайловка и Верхняя Бреевка Чугуевского района. Если невеста была «нечестной», её родителям вешали хомут. Как говорили жители с. Суражевка Шкотовского района, *«як хорошая молодая, по лавках скачуть, як плохая, – на матку хомут надевають, бумагу пальцами протыкають...»*⁴⁸⁸. Старожилы с. Славинка Спасского района Приморского края рассказывали, что у выходцев из Волынской губернии, в

⁴⁸³ Украинцы / Ред.: Н.С. Полещук, А.П. Пономарев. М., 2000. С. 236.

⁴⁸⁴ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 23. Л. 139.

⁴⁸⁵ Приложение 3.1. № 30. С. 28.

⁴⁸⁶ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 23. Л. 80.

⁴⁸⁷ Там же. Л. 166.

⁴⁸⁸ Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002. С. 69.

отличие от киевских, полтавских, черниговских, не было принято демонстрировать рубаху молодой, из-за чего волынцы старались отдавать дочерей замуж за своих земляков⁴⁸⁹. Со слов уроженцев Волынской губернии из с. Татьяновка Спасского района, рубаху молодой не показывали, но при «честности» невесты вывешивали красный флаг⁴⁹⁰. Про существование обычая вывешивать красный флаг в случае «честности» невесты упоминали и белорусы из с. Ново-Владимировка Спасского района⁴⁹¹. Следует отметить, что брачная символика знамени широко известна в славянской традиции. При этом одной из наиболее выраженной функций знамени в свадебном обряде является оповестительная⁴⁹².

Распространённым явлением на второй день свадьбы было «обрядовое ряжение с элементами травестизма»⁴⁹³. Пока молодые спали, за стол усаживались ряженные «жених» и «невеста». При этом «женихом» наряжалась женщина, а «невестой» – мужчина. Старались рядиться посмешнее. Так, К. П. Одинец, 1929 г.р., из с. Новомихайловка вспоминает, что («жениху»)... *«шитаны какие-нибудь рваные (одевали), две свеклыны, да кукурузину... (делали), а «невеста» тоже размулёвана, там веночек чёрте с чего»*⁴⁹⁴. Помимо «молодых», наряжали и дружка (женщину). *«Нарядят «дружка» этага – один катанок, один сапог, шляпу... вызывая: «На каравай приходите!»*⁴⁹⁵. Гости рядились «цыганами», нищими, мазали лицо сажей, вставляли «зубы» из картошки⁴⁹⁶. Ряженные занимались «цыганщиной», т.е. ходили по селу, выпрашивали или воровали кур, которых затем приносили в дом молодого и использовали для совместной трапезы⁴⁹⁷.

⁴⁸⁹ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 23. Л. 87.

⁴⁹⁰ Там же. Л. 102.

⁴⁹¹ Там же. Л. 103.

⁴⁹² Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2011. С. 277.

⁴⁹³ Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002. С. 69.

⁴⁹⁴ Традиционная свадьба: Свадебный обряд переселенцев Черниговской губернии в Приморье / Сост.: И. В. Семёнова. Владивосток, 1998. С. 12.

⁴⁹⁵ Там же.

⁴⁹⁶ Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002. С. 69.

⁴⁹⁷ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 166.

В советский период в свадебной обрядности украинцев и белорусов Приморья происходили различного рода трансформации, общим вектором которых, как и в других регионах, стала «постепенная утрата обрядом сакрального содержания и усиление развлекательно-игрового компонента»⁴⁹⁸. При этом отдельные предметы свадебной одежды долгое время сохраняли свой знаковый характер. Так, в качестве головного убора невесты в приморских сёлах в первой половине XX в. носили венки из восковых или полевых цветов, гофрированной бумаги, позже – из разноцветных атласных лент. Судя по фотографиям из музейных и семейных архивов, венки надевали на свадьбу вплоть до 1980-х гг.⁴⁹⁹ Элементы традиционной свадебной одежды (венки, вышитая мужская сорочка, нагрудные букетики (квитки)) присутствовали в костюмах «молодых» и во время празднования юбилеев свадьбы⁵⁰⁰. Достаточно долго употреблялись и некоторые отличительные атрибуты в костюмах основных участников свадьбы: рушники – в одежде сватов и дружек; квитки из живых, искусственных цветов или лент – в костюме жениха и невесты, а также их свидетелей⁵⁰¹.

На современном этапе в свадебном обряде, наряду с развлекательно-игровой составляющей, важное значение приобретает и эстетическая функция. При этом некоторые традиционные черты могут сохраняться за счет стилизации (свадьба в народном стиле) с приглашением фольклорных коллективов или введения в процесс свадьбы отдельных знаковых элементов (рушник, платок и т.п.) и действий (обсыпание молодых, раздел каравая и т.д.). Однако в настоящее время сохранение традиционных мотивов и сюжетов в современной свадьбе происходит на уровне личной инициативы и не имеет системного характера.

⁴⁹⁸ Логика трансформаций: региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов / Морозов И.А., Слепцова И.С., Самоделова Е.А., Куприянов П.С., Чеснокова Е.Г.; отв. ред. И.А. Морозов, И.С. Слепцова. М., 2019. С. 376.

⁴⁹⁹ Приложение 4.4. Фото 126, 129. С. 108-109.

⁵⁰⁰ Там же. Фото 127. С. 108.

⁵⁰¹ Там же. Фото 128. С. 109.

Таким образом, «традиционность переходит на индивидуальный уровень, и в этом смысле она неаутентична и «вторична»⁵⁰².

Информация об использовании одежды в родильных обрядах у украинских и белорусских переселенцев в Приморье крайне малочисленна. В связи с этим мы ограничимся наиболее общими сведениями, которые касаются данной темы. В родильной обрядности восточных славян традиционно выделяют несколько этапов, наиболее значимые из которых – родины и крестины. Анализ полевых материалов дальневосточных исследователей дает основание полагать, что в конце XIX – начале XX в. (вплоть до 1930-х гг.) среди украинских и белорусских переселенцев еще бытовали основные родильные обряды, распространенные в местах выхода. Однако многие из них достаточно быстро вышли из употребления.

Общераспространённым обычаем, принятым у всех восточных славян, для благополучного разрешения от бремени было развязывание узлов на одежде и расплетание волос у роженицы. С этой же целью женщина должна была разуться, распоясаться, снять с себя кольца и сережки⁵⁰³. Считалось, что благодаря этим действиям, сохранившим отголоски магии подобия, роды пройдут быстрее и легче.

Важное значение в родильной обрядности имела одежда мужа, наделявшаяся сакральными свойствами. Так, в украинской традиции роженице полагалось трижды переступить через штаны мужа, что должно было придать сил и способствовать лёгким родам⁵⁰⁴. Родившегося ребёнка заворачивали в рубашку отца, чтобы отец любил и жалел его⁵⁰⁵.

Особая роль в родильных обрядах отводилась бабке-повитухе, которая была в каждом селе. По традиции повитуха не только принимала роды, но и ухаживала за роженицей и ребёнком после их завершения, используя в своей практике

⁵⁰² Логика трансформаций: региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов / Морозов И.А., Слепцова И.С., Самоделова Е.А., Куприянов П.С., Чеснокова Е.Г.; отв. ред. И.А. Морозов, И.С. Слепцова. М., 2019. С. 230.

⁵⁰³ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984. С. 101.

⁵⁰⁴ Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.). М., 1997. С. 167.

⁵⁰⁵ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984. С. 103.

магические действия и заговоры. В отсутствии квалифицированной акушерской помощи на селе повитуха пользовалась особым статусом и уважением. В Приморье, как и в других регионах, было принято одаривать повитух. Причём здесь можно выделить локальные различия. Так, со слов уроженца Роменского уезда Полтавской губернии В. Я. Момот, из с. Алтыновка Черниговского района, роженица дарила бабке отрез на кофту и юбку⁵⁰⁶. Уроженцы Киевской губернии одаривали принимавшую роду женщину деньгами и хлебом, черниговцы дарили что-нибудь из одежды (отрез ткани на юбку, кофту, платок), а волынцы – одежду или деньги⁵⁰⁷. Повитуха, в свою очередь, могла принести пелёнки для ребёнка, продукты, помочь по хозяйству первые дни после родов.

Важным этапом в родильной обрядности было крещение, которое по традиции проводилось примерно через неделю после родов. В приморских сёлах сроки этого обряда могли значительно отодвигаться (зачастую на несколько месяцев или даже лет) в первую очередь из-за удаленности от церкви. Церковное крещение тесным образом связывалось с народным обрядом крестин. У украинцев и белорусов в крестинах младенца особая роль отводилась восприемникам – кумовьям. До крещения ребёнка обычно не клали в колыбель, не одевали рубашку. Первую одежду готовили к крестинам. Перед крещением в украинской традиции бабка-повитуха, выкупав ребёнка, надевала на мальчика рубашку отца, а на девочку – сорочку матери. Затем младенца укладывали на разостланную вверх шубу в переднем углу – на покути. После этого ребёнка передавали кумовьям со словами: *«Нате вам дитё нарожене, принесіть хрещене»*⁵⁰⁸. У белорусов сразу после крещения ребёнка священником кума надевала на него заготовленную ею рубашечку и пояс, заворачивала в пелёнки и большой (в несколько аршин) отрез холста.

По возвращению домой после крещения ребёнка вновь укладывали на шубу, лежащую уже на земле (полу). При этом кум и кума, взявшись за концы

⁵⁰⁶ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 23. Л. 118.

⁵⁰⁷ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 135.

⁵⁰⁸ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.). М., 1997. С. 173.

шубы, поднимали ребёнка и передавали его бабушке, поздравляя с внуком или внучкой. На крестинах, известных также как «бабина каша», устраивали застолье с центральным обрядовым блюдом – кашей, сваренной из определенных злаков, и обменивались подарками. Кумовья, как правило, приносили так называемую «крыжму» – ткань на пелёнки и одежду ребёнку, а их в свою очередь одаривали пирогом, завернутым в большой кусок нового полотна и завязанным поясом. Одаривали и бабу-повитуху – родители ребёнка обычно дарили ей ткань на кофту, юбку или платок. В некоторых семьях платки в качестве подарка раздавали всем присутствующим женщинам⁵⁰⁹.

Как упоминалось выше, ребёнку впервые одевали пояс после крещения, поскольку, согласно архаичному мировоззрению, пояс исполнял функцию своеобразной маркировки человека, определял принадлежность его миру людей. Такие представления были обусловлены особыми свойствами апотропейного характера, которыми наделялся этот предмет одежды. В завязанном виде он являлся символом замкнутого круга, который по традиционным представлениям выступал сильнейшим оберегом, защищая от дурного глаза и болезней. Таким образом, с момента крещения, пояс, наряду с крестом, сопровождал человека до конца жизни, что являлось этической нормой.

В родильной обрядности украинских и белорусских переселенцев в Приморье отмечены некоторые обряды, связанные с волосами. Так, через год после рождения обычно устраивали первое постригание волос, в котором можно проследить отголоски инициаций, связанных с переходом ребёнка в иную возрастную категорию. Обряд традиционно проводился следующим образом: на полу расстилали тулуп, вывернутый наизнанку, на него усаживали ребёнка (как правило, мальчика), а приглашённые для этого события кум или бабушка выстригали

⁵⁰⁹ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.). М, 1997. С. 174-175.

крестообразно немного волос у него на голове⁵¹⁰. У белорусов мальчиков при постригании традиционно ставили на дежу, а девочек не стригли⁵¹¹.

Трансформации в родильно-крестильной обрядности происходили с разной динамикой и были обусловлены изменениями в социально-политической, экономической и общественно-культурной сферах. Как было отмечено выше, после 1930-х гг. традиции, связанные с родильно-крестильными обрядами крестьян-переселенцев, постепенно выходили из употребления. Этому способствовало строительство в сельской местности акушерских пунктов и роддомов, а также распространение государственной политики атеизма, повлёкшей ограничение церковной деятельности. В 1990-е гг., благодаря возрождению православия на государственном уровне, в Приморском крае, как и в других регионах России, стал пользоваться популярностью обряд крещения. При этом, как отмечают исследователи, особенностью проведения этого обряда на современном этапе является следование исключительно церковным канонам без традиционных обрядовых сопровождений, присущих народной культуре⁵¹².

В похоронно-поминальной обрядности обычно выделяют следующие этапы: подготовка умершего к погребению, погребение и поминки. Приготовление к погребению в первую очередь включало обмывание покойного. Традиционно эту процедуру проводили дома: *«Воды наливаемо и мыемо всё с мылом тряпкамы, полотенцем вытираемо, а тады на другу простынь перекладаемо, на сухую, тады одеваемо»*⁵¹³. В соответствии с народными представлениями, все предметы, связанные с усопшим, воспринимались «нечистыми», вредоносными и подлежали уничтожению⁵¹⁴. В частности, с осторожностью подходили к утилизации тряпок, а также воды, которой мыли покойного. Как рассказывала Ф. К. Михайлова (из

⁵¹⁰ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 139.

⁵¹¹ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984. С. 106.

⁵¹² Фёдоров Р.Ю. Особенности традиционной культуры и динамика этнокультурных процессов у белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XXI в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. Тюмень, 2020. С. 186.

⁵¹³ Зап. от Анны Павловны Ластовецкой, 1917 г.р., с. Тилянга Анучинского района Приморского края (ЛА, 1993, № 38).

⁵¹⁴ Листова Т.А. Отражение представлений о загробном мире в похоронной одежде (российско-украинско-белорусское пограничье) // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2017. № 7. С. 116.

белорусских старообрядцев), *«воду, которой моют (покойника), у нас в яму выливают, чтобы никто не ходил по ней..., говорили, что эта вода очень вредная, если человек наступит (на эту воду) – будет всё время болеть»*⁵¹⁵.

Погребальная одежда восточных славян имела общие типологические черты: цвет, покрой, способ изготовления, социально-возрастные особенности. Смертную одежду готовили заранее. В качестве материала долгое время использовали холст, позднее – покупную материю. При изготовлении смертной одежды шили на руках «вперёд иголкой». Погребальная одежда отличалась старинным покроем. Так, в старообрядческих рубахах, приготовленных «на смерть», использовался архаичный туникообразный крой. Женские рубахи, как правило, шили цельные. По старинному обычаю вместо пуговиц использовали завязки на рукавах и воротах. В похоронных обрядах также присутствовал пояс. Мужчин и женщин традиционно хоронили подпоясанными, поскольку верили, что в загробной жизни они будут вести тот же образ жизни, что и на земле. По описанию информантов, покойного одевали следующим образом: *«Мужикам трусы не одевали, (только) нижнее бельё – кальсоны и рубашку, рубашку подвязывали вот так (поверх кальсон), только белую рубашку. И тут, чтоб не было застёжек никаких, ни пуговиц, ничего не было у мужиков. Белым поясом подпоясывали»*⁵¹⁶.

Широко была распространена традиция хоронить в венчальной одежде. Так, по воспоминаниям А. А. Дьяконовой, 1909 г.р., из с. Савиновка Дальнереченского района, (родители из Каменец-Подольской губернии), раньше было принято беречь свадебную сорочку «на смерть»⁵¹⁷. *«Раньше колы стары, дэргали тэ еце (одежду), в которой вэнчались, еи тэ дэргат як помрэ. Як я*

⁵¹⁵ Зап. от Фёклы Калиновны Михайловой, 1928 г.р., с. Богуславец Красноармейского района Приморского края (ЛА, 1993, № 25).

⁵¹⁶ Зап. от Фёклы Калиновны Михайловой, 1928 г.р., с. Богуславец Красноармейский района Приморского края (ЛА, 1993, № 25).

⁵¹⁷ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 21. Л. 19.

замиж шла, я вэнчалася, раньше ж вэнчалыся ж, вот цэ, в которой одэжду повэнчалыся, ту одэжду дэржат, як я помру еи мэни надэвать, ту одэжду...»⁵¹⁸.

У украинцев существовал обычай хоронить молодых, не успевших вступить в брак людей, используя элементы свадебной атрибутики. При этом холостым парням к шапке или к груди прикалывали цветок, а незамужних девушек хоронили в венках с лентами. Это было связано с архаическими представлениями о том, что в загробном мире у них обязательно должна быть пара. Примечательно, что отголоски этого обычая сохранились среди потомков переселенцев в Приморье и были отмечены нашими информантами ещё в конце прошлого века. Так, уроженка с. Орехово Дальнереченского района, А. В. Апанасенко вспоминала, что в 1980-е гг. в её родном селе хоронили девочку лет семи, на голове у которой был веночек с чёрными и красными цветами и лентами⁵¹⁹. Следует отметить, что использование красного цвета не было распространённым явлением, но допускалось в отдельных элементах погребальной одежды девушек и молодых женщин⁵²⁰. В погребальной одежде восточных славян традиционно преобладал белый цвет. Траурной одеждой в конце XIX в. служила обычная одежда без украшений. В начале XX в. в траурной и в «смертной» одежде зачастую использовался синий цвет. Как отмечает Г. С. Маслова, у белорусов на покойника одевали синий пояс. В случае смерти близких родственников девушки в знак печали распускали косы, снимали серьги, а девушка-сирота надевала венок из голубых и зелёных лент⁵²¹.

Большое значение в похоронной и поминальной обрядности играли такие предметы из текстиля, как рушник, платок, скатерть, отрез холста или фабричной ткани. Длинное узкое полотно, наряду с поясом, олицетворяло путь, дорогу и в похоронной обрядности служило посредником между человеческим и потусторонним или небесным миром. Украинцы и белорусы традиционно

⁵¹⁸ Зап. от Анны Павловны Ластовецкой, 1917 г.р., с. Тилянга Анушинский района Приморского края (ЛА, 1993, № 38).

⁵¹⁹ Зап. от Аллы Владимировны Апанасенко, 1963 г.р., г. Владивосток (ПМА, 2019).

⁵²⁰ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984. С. 97.

⁵²¹ Там же.

использовали для переноса покойника на кладбище специальные носилки – «нары», представлявшие собой две жерди, соединённые перекладинами. Так, со слов М. С. Кузюковой, 1894 г.р., из с. Харитоновка Шкотовского района, на кладбище гроб несли на нарах. Опускали в могилу на рушниках, реже – на верёвках. На крест вешали рушники или куски коленкора⁵²². Украшать кресты и надгробные памятники рушниками было принято не только во время похорон, но и в дни общественных поминовений умерших (в родительские субботы, на Радуницу, Троицу и т.п.)⁵²³. Эта традиция была повсеместно распространена на основной части российско-украинско-белорусского пограничья. Рушники на могильных крестах традиционно вывешивали «для отдыха невидимых душ умерших; кроме того рушниками они могли утирать слезы, вызванные встречей с родными и даже вытереть руки после соучастия в праздничной трапезе»⁵²⁴. Как отмечает О. А. Лобачевская, такая «текстильная жертва» была частью «института оброка» в традиционной культуре⁵²⁵.

Традиции похоронной обрядности сохранялись среди сельчан старшего поколения в Приморье и в советский период. Приведём отрывок из воспоминаний Розалии Михайловны Ткачук, 1935 г.р., уроженки с. Монастырище Черниговского района Приморского края: *«Свекровь (Анастасия Евдокимовна Ткачук, 1908 г.р., украинка, уроженка с. Снегуровка Черниговского р-на Приморского края) начала готовиться к смерти (умерла в 1968 г.) за много лет до неё, как и многие женщины у них в селе. Она приготовила тюль и платки для тех, кто будет сидеть около неё, мертвой, ночью и тех, кто будет сопровождать её на кладбище. Причем тюль и платки она меняла несколько раз – увидит лучшие в продаже, покупает и меняет. То же она делала и со смертным платьем (темно-синее, одного тона, обязательно с длинным рукавом), - она его кроила, наживляла и оставляла так. Но потом, если увидит лучшую ткань, купит. А смертное*

⁵²² Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 54.

⁵²³ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 21. Л. 38.

⁵²⁴ Листова Г.А. Праздник встречи живых и умерших в пространстве кладбища. Современные календарные поминания на российско-украинско-белорусском пограничье // *Memento Mori: Похоронные традиции в современной культуре* / Сост. А. Д. Соколова, А. Б. Юдкина; Отв. ред. Д. В. Громов. М., 2015. С. 63.

⁵²⁵ Лобачевская О.А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации. Минск, 2013. С. 71.

платье прострочит и носит, а из новой ткани вновь скроит и наживит. Бельё на мертвой должно быть новое, тапочки покупали чёрные, кожаные. При жизни свекровь наказывала невестке кого пригласить на обед и кому из этих женщин что купить на платье... У них в селе существует обычай перевязывать платками руки тех, кто нёс венки (платки простые), а тем, кто стоял у памятника на машине (когда везут хоронить) перевязывают руки светлыми (с цветами) капроновыми платками. У всех, кому дали платки, они остались как память об умершей. На памятнике остаётся полотенце льняное, но не рушник. Заранее готовят и полотенца для тех, которые будут опускать гроб в могилу (опускают на верёвках)»⁵²⁶.

Использование полотенец (рушников) в ритуальных целях (навязывание на могильный крест на Радунцу) фиксировалось исследователями в Приморье ещё в последнее десятилетие XX в. – начале XXI в. у выходцев из северо-западных уездов Черниговской губернии в сёлах Суражевка, Васильевка и Многоудобное⁵²⁷. По свидетельству А. Н. Багашева и Р. Ю. Фёдорова, проводивших в 2013 г. полевые исследования в с. Ивановка Михайловского района Приморского края, местные жители называли традицию обвязывать могильные кресты рушниками характерной как для белорусов, так и для украинцев. Угасание этой традиции местное население объясняет тем, что современные мраморные надгробия стало неудобно обвязывать рушниками. В качестве примеров модернизации обряда были отмечены красные ленты или фабричные полотенца, повязанные на могильных памятниках⁵²⁸. В ходе экспедиции в с. Николаевка Михайловского района в 2022 г. были также зафиксированы белые полотенца, повязанные на могильной оградке. По

⁵²⁶ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 59. Л. 130-131.

⁵²⁷ Семёнова И.В. Восточнославянское традиционное декоративно-прикладное искусство. Дальневосточная специфика [Электронный ресурс] / И.В. Семенова // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. – Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=14935> (дата обращения: 10.11.2019).

⁵²⁸ Багашев А.Н. Фёдоров Р.Ю. Историко-этнографические аспекты жизни белорусских крестьян-переселенцев на Дальнем Востоке // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2. С. 102.

свидетельству Н. П. Семенцовой, она по традиции каждый год на Радуницу таким способом повязывает полотенце на могилке своей матери⁵²⁹.

Таким образом, на протяжении советского периода основные сюжеты похоронно-поминальной обрядности сочетали в себе традиционные элементы и новации, обусловленные изменениями в социально-экономической и общественно-культурной сферах. Состав погребальной одежды на разных этапах был неодинаковым и определялся трансформациями традиционного костюма в целом. Если в начале колонизации крестьяне-переселенцы использовали домотканую одежду для погребения, хоронили в венчальной одежде, то в дальнейшем было принято использовать новую одежду из материалов фабричного производства, которую впоследствии заменили городским костюмом. На современном этапе отдельные архаичные традиции, связанные с похоронно-поминальной обрядностью украинских и белорусских переселенцев, претерпев определенные изменения, всё ещё сохраняются среди представителей старшего поколения сельской местности.

Проанализировав использование одежды в обрядовом комплексе украинцев и белорусов, можно заключить, что в Приморье достаточно долгое время традиционный костюм был неотъемлемой частью отправления семейных обрядов. Особое символическое значение придавалось таким видам одежды, как сорочка, пояс, кожух, обувь, головной убор и причёска. Обрядовыми свойствами наделялись рушники, платки, ленты, венки. Наиболее ярко обрядовая функция одежды представлена в свадебном контексте. Хорошая сохранность народно-бытовой культуры в сюжетах обрядового цикла была отмечена у переселенцев-белорусов из районов брянско-гомельско-черниговского пограничья. В частности, на протяжении всего советского периода в местах проживания выходцев из этих регионов и их потомков традиционную стабильность сохранял поминальный обряд, связанный с украшением могильного креста/памятника рушником. У украинцев Приморья, особенно в отдаленных селениях, дольше, чем на Украине

⁵²⁹ Зап. от Нины Павловны Семенцовой, 1960 г.р., с. Николаевка Михайловского района Приморского края (ПМА, 2022).

сохранялся ряд архаических свадебных обрядов, таких как «покрывание» невесты и «посад»⁵³⁰. Наряду с этим, некоторые обряды, в частности, унижительный обряд, связанный с демонстрацией рубахи молодой, быстро вышли из употребления. Трансформации в сфере семейной обрядности, происходившие на протяжении советского и постсоветского периодов, стали причиной постепенной утраты смыслового содержания большинства обрядов и связанной с ними традиционной одежды. При этом наибольшую устойчивость сохранили традиции похоронно-поминальной обрядности.

4.2. Традиционная одежда украинцев и белорусов в календарно-обрядовом цикле

Обрядовые свойства одежды нашли отражение не только в семейной обрядности, но и в системе земледельческого календаря. В восточнославянском аграрном календаре, насыщенном разнообразными обрядовыми действиями, можно выделить три основных цикла: зимний, весенне-летний и летне-осенний. Обряды, приуроченные к конкретным датам или периодам земледельческого календаря, были непосредственным образом связаны с определённой одеждой, которая в зависимости от времени и условий использования выполняла различные функции.

Характерным обрядовым действием, сопровождавшим некоторые периоды земледельческого календаря восточных славян и связанным с ритуальным переодеванием, было ряжение. Основные функции ряжения традиционно базировались на принципах продуцирующей и апотропейной магии. На это указывает характерная одежда ряженных из вывернутых мехом наружу шуб и растительных материалов (солома, пакля, рогожа, дерево и т.п.), обычай надевать одежду другого пола. Образы ряженных, распространённые в Приморье, в целом совпадали с основными персонажами, бытовавшими у украинцев и белорусов в

⁵³⁰ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993. С. 167.

местах выхода. Тематически их можно подразделить на 4 группы: 1) анималистические образы; 2) социальные и национальные типажи; 3) представители нечистой силы; 4) персонажи из мира мертвых. Как отмечает А. К. Байбурин, наиболее архаичным считается ряжение в зверей и покойников, восходящее к тотемистическим представлениям и культу предков⁵³¹. Ряженные в традиционном мировоззрении воспринимались как представители «антимира», которых необходимо было символически задобрить для того, чтобы они не могли навредить в реальной жизни⁵³².

Широко известно ряжение во время Святков. Повсеместно в приморских сёлах во время святочных ряжений водили «козу». Обычно в «козу» обряжали холостого парня. Например, в с. Харитоновка Шкотовского района рядились в старую шубу, вывернутую наизнанку, ноги одевали в рукава, рога делали из соломы или из лозы, на голову цепляли крашеное перо, из льна делали бороду и вешали звонок. В Партизанском и Шкотовском районах, помимо козы, наряжались в маску «медведя»: «парень одевал кожух мехом наружу, шапку навыворот – одно ухо кверху, другое книзу, подпоясывался и, приходя в дом, кланялся хозяину, пугал женщин»⁵³³.

Под Новый год было принято щедровать. У украинцев во время новогоднего щедрования по традиции рядились Меланкой. Вот как об этом рассказывала уроженка Полтавской губернии из с. Хороль Хорольского района, М. Н. Шимко: *«Невеста у вянку (Меланка это называется). Это парень был, он наряжался у гарсэт, рубашку вышитую, венок одевает, ленты, юбку, а девка наряжается у военное усё, у солдата: хвужа, рубашка-гимнастёрка, галихвэ, сапоги и ружо через плечо»*⁵³⁴. Так ходили по дворам с компанией, щедровали

⁵³¹ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 132.

⁵³² Юдин А.В. Русская народная духовная культура: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 1999. С. 159.

⁵³³ Семёнова И.В., Семёнов О.В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. С. 8-9.

⁵³⁴ Зап. от Марии Николаевны Шимко, 1917 г.р., с. Хороль Хорольского района Приморского края (ЛА, 1995, № 56).

(пели специальные песни хозяину дома с благопожелательным содержанием – «щедровки»).

Излюбленным персонажем в новогодних обходах ряженных была «цыганка». Одевали широкие яркие юбки, нарядные кофты, фартук, гарусовые платки вязали чалмой на голове, а чтобы не узнавали, мазали сажей лицо⁵³⁵. «Цыганки» вместе с другими ряженными ходили по домам, гадали на судьбу, выпрашивая за это вознаграждение. Поскольку в приморских сёлах по соседству с восточнославянским населением зачастую жили китайцы и корейцы, могли также наряжаться «у корэйску..., китайскую адёжу»⁵³⁶. Некоторые информанты отмечали, что на Новый год рядились в «ричёнов», что, по всей видимости, являлось искажённым названием коренного народа Дальнего Востока – орочи, которых русские называли орочёнами. Так, М. Ю. Моисеева вспоминала, как на Новый год наряжались в «ричёнов»: *«ричёнская маска такая, оденешь эту маску, да такая смешная маска была, что ухохочешься только на ту маску смотреть... нарядились мы с одной: она в ричёна мужчину, я – в женщину; надели на себя, что попало... как они ходят... нас сразу пропустили (в клуб) к ёлке»*⁵³⁷.

Обрядовые традиции Масленицы, были своеобразным продолжением святочных гуляний. В это время тоже ходили ряженные. Но, в отличие от святочных ряженных, упоминания о конкретных персонажах на Масленицу в Приморье встречаются нечасто. По словам информантов, «наряжаютца... хто як надумаецца». Так, к примеру, встречаются упоминания о переодевании цыганами, врачом (надевают белый халат, в шутку лечат «больного»)⁵³⁸.

Масленичные обряды в целом были связаны с брачной и аграрной тематикой. В частности, на Масленицу было принято чествовать молодожёнов, кататься на санях по деревне с песнями, музыкой, ездить в гости. При этом

⁵³⁵ Семёнова И.В., Семёнов О.В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. С. 9.

⁵³⁶ Семёнова И.В., Семёнов О.В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. С. 9.

⁵³⁷ Зап. от Марии Юрьевны Моисеевой, 1912 г.р., с. Рошино Красноармейского района Приморского края (ЛА, 1993, № 25).

⁵³⁸ Семёнова И.В., Семёнов О.В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. С. 12.

обычно наряжались в праздничную одежду. Украшали и сани (в воз впрягали трёх коней, дуги обматывали вышитыми рушниками, поддужными колокольчиками). Н. В. Есипенко, 1911 г.р., сохранила воспоминания о том, как гуляли на Масленицу в её родном селе: *«убирали лошади, сюды в гривы им вплетали ленты красныи, сами люди наряжались в цыганы..., делают такие-то косища, як-то привязывают их, вывертали шубы, вот, понамазывают щёки сажеею понадкрашивают по соби, позакручивают головы, сидают на сани, одна пара, друга пара – и по сёлам мотаються по дэрэвни»*⁵³⁹.

Помимо вышеперечисленных обычаев, имеющих отношение к одежде, на Масленицу была распространена также традиция, связанная с повязыванием «колодки». Этот обычай был направлен на порицание холостой жизни молодого парня, для чего ему привязывали колодку (кусок бревна). Вместо деревянной колодки нередко использовали полотенце, рубашку, платок или просто кусок ткани, которыми перевязывали руку. В отдельных случаях могли перевязывать руку матери не успевшего жениться парня. Чтобы откупиться от колодки, требовалось заплатить выкуп⁵⁴⁰. Описывая данный обычай у белорусов Стародубского, Мглинского и Суражского уездов Черниговской губернии, М. Н. Косич отмечает, что колодку могли вязать не только парню, но и девушке, не успевшей выйти замуж⁵⁴¹.

Во время Великого поста не было принято веселиться. Исключение составляли такие весенние праздники, как Сороки и Благовещение. В с. Многоудобное Шкотовского района, по свидетельству информантов, на Сороки устанавливали качели на улице, собирались всей деревней, надевали нарядную одежду (*«...и розовые гарусовки, и юбки всякие... вот было красиво, деревня аж цветёт»*)⁵⁴². С этого дня девушки начинали петь весенние заклички. Как отмечают информанты из с. Новомихайловка Чугуевского района, в этот период

⁵³⁹ Зап. от Надежды Васильевны Есипенко, 1911 г.р., с. Лукьяновка Красноармейского района Приморского края (ЛА, 1993, № 25).

⁵⁴⁰ Семёнова И.В., Семёнов О.В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. С. 12.

⁵⁴¹ Косич М.Н. Литвины-белорусы Черниговской губернии: их быт и песни. Спб., 1902. С. 35.

⁵⁴² Семёнова И.В., Семёнов О.В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. С. 29.

было принято отбеливать полотно, раскладывая сотканые за зиму холсты у речки выгорать на солнце⁵⁴³.

Немногочисленные сведения, касающиеся проведения весенних посевных работ, во многом совпадают с обычаями, которые бытовали на родине переселенцев. В частности, отмечается, что перед любым севом было принято молиться. Существовали запретные для сеяния дни: чистый четверг, понедельник и суббота. По воспоминаниям жителей с. Сергеевка Партизанского района, когда ехали сеять лён, обязательно брали с собой варёные яйца⁵⁴⁴. В этом обычае можно проследить отголоски симпатической магии (яйца должны были передать льну свои свойства – крепость и белый цвет)⁵⁴⁵. Кроме того, согласно восточнославянской традиции, яйца подкидывали вверх на поле, что должно было способствовать хорошему урожаю⁵⁴⁶.

В период от Пасхи до Вознесения по вечерам обычно устраивали народные гуляния с песнями, танцами, музыкой, водили хороводы («карагоды»). На территории Приморья были зафиксированы разнообразные виды хороводов, в том числе с элементами народного театра. Одним из ярких примеров такого игрового хоровода, распространенным у белорусских переселенцев, является «Старец». По словам А. И. Самусенко, из с. Ястребовка Партизанского района, этот хоровод игрался с ряжеными «стариком» и «барыней» («кумой»). При этом для роли старца обычно выбирали парня, наряжали его: *«делают яму вусики, шапку дырявую, жакетку надеють дыряваю, и горб от такой... лапти абують... И штоб нихто ни угадав, што та за старэц»*⁵⁴⁷.

Среди переселенцев-черниговцев в Приморье был отмечен архаичный линейный хоровод «Стрела», приуроченный к Вознесению и завершавший череду

⁵⁴³ Там же.

⁵⁴⁴ Семёнова И.В., Семёнов О.В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. С. 32.

⁵⁴⁵ Лобачевская О.А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации. Минск, 2013. С. 73.

⁵⁴⁶ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984. С. 116.

⁵⁴⁷ Семёнова И.В., Семёнов О.В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. С. 32.

весенних хороводов. Этот хоровод широко известен на территории брянско-гомельского пограничья. Как отмечает О. А. Лобачевская, «на Гомельском Поднепровье водили «стрелу», чтобы рос хороший лён»⁵⁴⁸. В хороводе традиционно принимали участие девушки и молодые женщины, двигаясь в конец деревни шеренгами, взявшись под руки, и исполняя соответствующую песню. В конце шествия было принято «закапывать стрелу», что обычно осуществлялось символическим подкидыванием земли. Иногда могли закапывать мелкие предметы. Так, со слов Е. Е. Талвинской, из с. Многоудобное Шкотовского района, для того, чтобы быстрее выйти замуж, девушки выплетали ленту из косы и закапывали её в землю⁵⁴⁹. По воспоминаниям М. Д. Фоминой, ещё в конце 1950-х гг. пожилые женщины в с. Николаевка Михайловского района, основанном переселенцами-белорусами, вечером на Вознесение по традиции водили «стрелу», переодевшись в праздничную одежду после работы в колхозе⁵⁵⁰.

Весенне-летняя обрядность восточных славян была пронизана культом растительности, наделявшего растения магическими свойствами продуцирующего и апотропейного характера. На Троицу активно использовали разнообразную зелень (свежескошенная трава, полевые цветы, кленовые и берёзовые ветки) для украшения домов. Особое предпочтение отдавали аиру, который местные жители называли «ярий». Это пахучее болотное растение после Троицы не выбрасывали, а использовали в качестве целебных отваров, а также в случае смерти кого-нибудь из родственников набивали им подушку для покойного⁵⁵¹. Кроме этого, в некоторых сёлах, например, в с. Суражевка Шкотовского района, в этот день происходил обряд кумления. Обычно кумились девушки: «завивали берёзки» (сплетали ветви берёзы в виде венка), готовили

⁵⁴⁸ Лобачевская О.А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации. Минск, 2013. С. 74.

⁵⁴⁹ Семёнова И.В., Семёнов О.В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. С. 33.

⁵⁵⁰ Зап. от Марии Дмитриевны Фоминой, 1937 г.р., с. Николаевка Михайловского района Приморского края (ПМА, 2022).

⁵⁵¹ Зап. от Веры Дмитриевны Бахур, 1937 г.р. и Нины Павловны Семенцовой, 1960 г.р., с. Отрадное Михайловского района Приморского края (ПМА, 2022).

яичницу. *«На Троицу покумятся, и считается кума до Петрова дня»*⁵⁵². Даты совершения этого обряда могли разниться. Так, в с. Харитоновка Шкотовского района кумление приходилось на Вознесение: *«Девки кумятся, яйца жарят в кустах и поют»*⁵⁵³.

В обрядовом отношении примечательна и следующая после Троицы неделя, получившая название русальной или грядной. Это время по народным представлениям было связано с разгулом нечистой силы, в том числе русалок. По поверьям, которые сохранили в памяти жители приморских сёл, русалками становились безвременно умершие дети и девушки. Не случайно русальные обряды украинцев, как утверждает С. А. Токарев, зачастую принимали форму поминальных, совершавшихся в память о некрещённых и мертворождённых детях, а также утопленницах⁵⁵⁴. Русалки, в представлении крестьян – девы в белых одеждах с длинными распущенными волосами, сидели на деревьях над рекой и пели, завлекая заблудившихся в лесу людей. Примечательно, что белый цвет одежды, характерный для русалок, в традиционных воззрениях ассоциировался с представителями потустороннего мира⁵⁵⁵. Как отмечает С. Н. Стародубец, образ русалки для жителей Восточного Полесья имел амбивалентный характер: с одной стороны, их боялись, с другой – с ними связывали надежды на хороший урожай зерновых⁵⁵⁶.

На русальной неделе исполнялись особые ритуальные песни, в которых русалки просят у девушек рубашки или белые сорочки, намитки и гребёнки. Варианты русальных песен были записаны в с. Многоудобное Шкотовского района и с. Васильевка Партизанского района⁵⁵⁷. Аналогичные тексты отмечены в песнях, сопровождающих обряд «Проводы русалки», который и в наше время продолжает функционировать на территории брянско-гомельского пограничья в

⁵⁵² Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002. С. 101.

⁵⁵³ Там же.

⁵⁵⁴ Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX в. М., 2012. С. 90.

⁵⁵⁵ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984. С. 118.

⁵⁵⁶ Стародубец С.Н., Белугина О.В. Особенности функционирования обряда «проводы русалки» на территории брянско-гомельского пограничья // Вестник славянских культур. 2016. Т. 42. С. 93.

⁵⁵⁷ Приложение 3.2. № 40. С. 29.

сёлах Злынковского района Брянской области и Добрушского района Гомельской области. В структуре обряда исследователи выделяют такие составляющие, как ряжение в русалку, обход с русалкой подворий и проводы её в жито⁵⁵⁸. К сожалению, в Приморье не удалось зафиксировать данный обряд, однако, судя по сохранившимся в памяти старожилов текстам русальных песен, можно предположить, что изначально переселенцы из брянско-гомельского пограничья использовали их в контексте обрядовых действий. В отдельных сёлах Приморья в этот период было принято «вить венки». Так, по рассказам информантов из с. Новолитовск Партизанского района, на грязной неделе девушки плели венки из полевых цветов и пускали их по воде, гадая о предстоящем замужестве⁵⁵⁹.

Обрядовые действия, связанные с венками, были характерны и для праздника Ивана Купалы, отмечавшегося в дни летнего солнцестояния. Вот как описывает гадания на венках жительница с. Лукьяновка, Н. В. Есипенко: *«Прийдэм до озера, купаємось, дивчата поринають, венки на головах на их, вот так присидае, виночок и всплыве, смотряць, ворожатъ, в яку сторону вин поплыве, виночок той. Если в ту – вон туда Танька пийдэ замиж, туда в Саровку пойдётъ, если пойдётъ сюда – пийдэшь у Захаровку замиж, на ту сторону, если вин так покрутивсь, покрутивсь, до берега причалить... а ты будэшь сыдить, кажуть, на месте. Вот так ворóжили»*⁵⁶⁰.

Помимо повсеместно распространённого гадания о замужестве, венки могли использовать для украшения «купайлицы» (ритуального дерева, специально вырубаемого для праздника). Кроме этого, по свидетельству информантов из с. Сергеевка Партизанского района, купальские венки после гуляния складывали на капусту, чтобы капуста вязалась, *«как венок – шоб вилок*

⁵⁵⁸ Стародубец С.Н., Белугина О.В. Особенности функционирования обряда «проводы русалки» на территории брянско-гомельского пограничья // Вестник славянских культур. 2016. Т. 42. С. 94.

⁵⁵⁹ Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002. С. 100.

⁵⁶⁰ Зап. от Надежды Васильевны Есипенко, 1911 г.р., с. Лукьяновка Красноармейского района Приморского края (ЛА, 1993, № 25).

такой был»⁵⁶¹. В последнем обычае можно наблюдать отголоски аграрной магии, направленной на обеспечение богатого урожая.

В летне-осеннем цикле наиболее ярко обозначен жнивный период, знаменующий заключительный этап полевых работ. Традиционно было принято отмечать начало («зажинки») и окончание («обжинки») сбора урожая. Особый интерес представляют обряды с первым и последним снопом, а также с дожинными венками, которые бытовали в приморских сёлах среди белорусских переселенцев и были направлены на обеспечение будущего урожая. Большое значение в жатвенных обрядах придавалось «зажинщице» – женщине, открывавшей процесс жатвы. Как отмечает О. А. Пашина, зажинщица (здоровая, ритуально «чистая» женщина с «лёгкой рукой») «должна была выходить в поле только после совершения ритуального омовения и, надев чистую, белую одежду»⁵⁶². Приведём отрывок из рассказа жительницы с. Многоудобное, Л. А. Ковяховой о начале жатвы: *«Я молодая вдова была и всегда начинала жать. Приедем на поле, начинаем жать в колхозе. Так вот пшаница, пучок вот так вот сделаешь несколько колосов, а тут и свяжешь эти колосы. А там траву всю порвёшь, чтоб травы ни было, и кладёшь кусочек хлеба помережку этих колосков. А потом нажсинается первый сноп, станóвлю, говорю: «Стой сноп на сто коп, хоть один сноп на год хлеба, хоть сто коп на год хлеба»*⁵⁶³. Во время обжинок по традиции на поле оставляли последний несжатый пучок снопа, колоски из которого особым образом скручивали – «завивали бороду» Илье⁵⁶⁴. В этих архаических обрядах прослеживаются отголоски жертвенного акта для подателя урожая, которым мог выступать Бог, святой, полевой и т.д.⁵⁶⁵ Из сжатых колосьев последнего снопа, обладающих продуцирующей силой, вязали дожинный сноп, который хранили в амбаре или в переднем углу дома, сохраняя семена на

⁵⁶¹ Семёнова И.В., Семёнов О.В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. С. 93.

⁵⁶² Пашина О.А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. Санкт-Петербург, 2006. С. 140-141.

⁵⁶³ Зап. от Лидии Алексеевны Ковяховой, 1913 г.р., с. Многоудобное Шкотовского района Приморского края (ЛА, 1993, № 22).

⁵⁶⁴ Семёнова И.В., Семёнов О.В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. С. 94.

⁵⁶⁵ Пашина О.А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. Санкт-Петербург, 2006. С. 145.

будущий посев. Было принято также «вить венки» из колосьев пшеницы. Как отмечает Г. С. Маслова, житные венки были отличительной особенностью дожинных обрядов у украинцев и белорусов⁵⁶⁶. Такие венки традиционно вручали хозяину пашни, а в советский период в торжественной обстановке надевали на голову председателю колхоза.

Во второй половине XX в. традиции календарной обрядности украинских и белорусских крестьян-переселенцев в Приморье были подвергнуты значительным трансформациям, связанным с масштабными изменениями в хозяйственно-бытовом укладе и мировоззренческих установках, что привело к упразднению и в конечном счете к распаду обрядовой системы земледельческого календаря. На современном этапе отдельные элементы народных календарных обрядов фрагментарно сохраняются в контексте городских или сельских праздничных мероприятий, поддерживаемых местной администрацией или организуемых благодаря личной инициативе заинтересованных лиц. Так, в качестве примера современного использования традиционной календарно-обрядовой формы можно привести праздничные гуляния на Новый год, Масленицу, Ивана Купала, которые на сегодняшний день приобрели развлекательно-игровой характер. При этом в большинстве случаев в реализации празднично-обрядовых практик на современном этапе организаторы опираются не на местную традицию, а на заимствованные из средств массовой информации, в том числе из интернета, источники, которые могут значительно отличаться от аутентичных образцов.

На основе вышеизложенного материала можно сделать вывод о том, что обрядовые функции одежды, отмеченные в комплексе земледельческого календаря украинских и белорусских переселенцев и их потомков в Приморье, в разной степени были присущи каждому календарному циклу. Наиболее полно они проявились в зимний период и были связаны с традицией ряжения. Помимо общеизвестных восточнославянских персонажей (коза, медведь, цыганка), в приморских деревнях в образах ряженных также выступали типажи

⁵⁶⁶ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984. С. 122.

представителей нового этнокультурного окружения (китайцы, корейцы, коренные народы Приморья). Несмотря на то, что в начале XX в. магический смысл ряжения в основном был утрачен и воспринимался преимущественно как развлечение, сохранение традиционных персонажей и принципов ряжения в течение длительного времени было показателем устойчивости архаичных традиций. В весенне-летнем и летне-осеннем земледельческом цикле украинских и белорусских переселенцев в Приморье большое распространение имели обряды, связанные с использованием венков на Троицу, Ивана Купала, а также в период окончания жатвы в качестве инструмента продуцирующей, карпогонической магии, оберега, лекарства, и на позднем этапе – средства для гадания⁵⁶⁷.

Исследование обрядовых функций традиционного костюма украинских и белорусских крестьян-переселенцев и их потомков в Приморье показало сравнительно высокий семиотический статус отдельных предметов одежды, сохранявших свое символическое значение на протяжении достаточно длительного времени. На первоначальном этапе в процессе адаптации к новой природно-климатической и этнокультурной среде следование традиционным обрядам было обусловлено необходимостью сохранения этнической самоидентификации переселенцев в условиях новых мест. В последующее время изменения в социально-экономической, политической и общественно-культурной сферах стали причиной того, что большинство обрядов постепенно утратило свои особенности. При этом наибольшей стабильностью отличались обрядовые функции предметов одежды и аксессуаров, сопровождавших свадебные и похоронно-поминальные обряды (венки, квилки, рушники). На современном этапе трансформации в обрядовой системе связаны с преобладанием заимствованных неаутентичных традиций, усилением игровых и эстетических тенденций с утратой сакрального смыслового содержания обрядов.

⁵⁶⁷ Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начало XX в. М., 1979. С. 236.

ГЛАВА 5. СОХРАНЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В КОСТЮМЕ УКРАИНЦЕВ И БЕЛОРУСОВ В ПРИМОРЬЕ

5.1. Трансформации костюма украинцев и белорусов в процессе адаптации в Приморье в конце XIX – начале XXI в.

В этнокультурных традициях, в том числе костюме, украинских и белорусских переселенцев, расселившихся в Приморье, и их потомков на разных исторических этапах происходили трансформации, обусловленные влиянием различных факторов, среди которых: конкретная историческая обстановка, уровень социально-экономического и общественно-культурного развития, а также природная и этнокультурная среда. В связи с этим можно условно выделить три основных периода. На первом этапе (конец XIX – начало XX в.) трансформации традиционного костюма переселенцев прежде всего были связаны с адаптацией к новой природно-климатической и этнокультурной среде. Второй период (1920-е – 1980-е гг.) соотносится с масштабными трансформациями в одежде переселенцев и их потомков, вызванными в первую очередь социально-экономическими и политическими преобразованиями, повлиявшими на модернизацию всего жизненного уклада населения и смену культурной парадигмы. Для третьего этапа (1990-е гг. – наши дни) характерны трансформации, связанные с переосмыслением значения традиционного костюма в современном обществе в условиях процессов глобализации. Указанные временные рамки в целом соотносятся с периодизацией Р. Ю. Фёдорова и других исследователей, занимающихся проблемами трансформации этнокультурных традиций⁵⁶⁸.

Трансформации традиционного костюма на первом этапе происходили на фоне адаптационных процессов в условиях новых мест. Одним из необходимых показателей успешной адаптации мигрантов является приспособление к местным

⁵⁶⁸ Фёдоров Р.Ю. Особенности традиционной культуры и динамика этнокультурных процессов у белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XXI в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. Тюмень, 2020. с. 286.

природно-климатическим условиям. Заселяя юг Дальнего Востока, переселенцы столкнулись с новыми для них природными условиями, иным ландшафтом, климатом. Всё это не могло не сказаться на привычных способах хозяйствования, которые со временем пришлось приспособлять к местной природной среде. Изменения коснулись не только хозяйственной деятельности, но и многих сфер народно-бытовой культуры, в том числе традиционной одежды.

В начале освоения дальневосточных земель традиционная одежда, привнесённая из мест выхода переселенцев, была неотъемлемой частью народно-бытовой культуры украинцев и белорусов, которую они по возможности старались воссоздать на новом месте. Как упоминалось выше, украинцы и белорусы в Приморье вплоть до 1930-х гг., носили одежду из домотканого полотна, изготовленного из льна, конопли и овечьей шерсти. При этом украинцы чаще использовали коноплю, нежели лён, что отчасти было обусловлено местными особенностями климата. Так, в архивных документах ДВО РАН приводится информация о том, что в с. Марьяновка Кировского района, расположенного в верховьях р. Уссури, материалом для изготовления повседневной одежды крестьян служило преимущественно конопляное, реже льняное полотно домашнего изготовления, поскольку лён давал в этой местности плохие урожаи⁵⁶⁹. Кроме того, согласно наблюдениям Е.Ф. Фурсовой, описывавшей одежду украинских переселенцев в Сибири, на Полтавщине и Черниговщине традиционно больше сеяли коноплю, что нашло отражение в предпочтении одежды из конопляных полотен выходцев из этих районов⁵⁷⁰. Природные факторы (отсутствие удобных пастбищ, различные болезни и эпизоотии, приводившие к массовой гибели скота) во многом стали причиной слабого развития овцеводства, что повлекло за собой отказ от привычной верхней одежды, сваленной из овечьей шерсти (свиток). Приспосабливаясь к новым природным условиям, переселенцы зачастую использовали местные растения для производства и окрашивания одежды, изготовления обуви. Так, для получения

⁵⁶⁹ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 138

⁵⁷⁰ Фурсова Е.Ф., Васеха Л.И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX — первой трети XX века (по материалам Новосибирской области). Новосибирск, 2004. Ч. 1. С. 15.

чёрного цвета полотна его кипятили в настое с волчьей ягодой. При окрашивании тканей в жёлтый цвет использовали ольху, а темно-синий оттенок получался на основе плодов сорного растения под названием «берёзка»⁵⁷¹. Кора лиственницы и дуба использовалась для дубления кож, последнюю также применяли для окрашивания ткани в коричневый цвет. Для плетения лаптей, помимо привычного лыка липы и ивы, широко применяли кору маньчжурского ореха. Зачастую крестьянские промыслы наносили ощутимый ущерб тайге. О расточительном использовании леса переселенцами писали дальневосточные газеты в начале XX: «... громадную лиственницу валят ради куска коры для дубления кож...»; «с маньчжурского ореха сдирают две-три ленты коры для копеечных лаптей, после чего дерево засыхает»⁵⁷².

Особенности социокультурной адаптации украинских и белорусских крестьян в Приморье были в первую очередь связаны с явлением «культурного полиморфизма», характерного для регионов поздней колонизации, что обусловило своеобразие этнических процессов в традиционно-бытовой культуре, в том числе в одежде⁵⁷³. Рассматривая проблему культурного полиморфизма, С. А. Арутюнов подчёркивает адаптивное значение не только межэтнического, но и «внутреннего полиморфизма локальных культур»⁵⁷⁴.

Как уже отмечалось ранее, переселенцы, как правило, селились компактными группами, отличавшимися по национальному, региональному признаку и времени прибытия. Зачастую в пределах одного селения специфические культурные черты наблюдались не только среди представителей разных этнических групп, но и на уровне региональных и локальных групп, у выходцев различных губерний, уездов и даже сёл. В этом отношении особенно показательна неоднородность культурных традиций уроженцев Черниговской

⁵⁷¹ Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002. С. 40.

⁵⁷² Цит. по: Россия и народы Дальнего Востока: исторический опыт межэтнического взаимодействия (XVII-XIX вв.) / Отв. Ред. В.А. Тураев. Владивосток, 2017. С. 233.

⁵⁷³ Фетисова Л.Е., Ермак Г.Г., Сердюк М.Б. Традиционный восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.): адаптационный аспект. Владивосток, 2004. С. 4.

⁵⁷⁴ Арутюнов С.А. Адаптивное значение культурного полиморфизма // Этнографическое обозрение. 1993. № 4. С. 46.

губернии. С одной стороны, компактность проживания переселенцев, особенно на первоначальном этапе освоения новых мест, явилась важным фактором аккумуляции традиционной культуры, в том числе этнического костюма. С другой стороны, смешанный состав населения, иное этническое и этноконфессиональное окружение, способствовали стиранию этнокультурных различий и постепенной ассимиляции. Все эти процессы в той или иной мере накладывали свой отпечаток на развитие традиционной одежды переселенцев.

В процессе адаптации к местным климатическим условиям, а также к иноэтнической среде, переселенцы в Южно-Уссурийском крае перенимали отдельные компоненты традиционного костюма коренного населения, что нашло отражение в промысловой одежде и обуви. Такие заимствования были характерны в первую очередь для русских старообрядцев, от которых в дальнейшем их восприняли и другие этнические группы восточнославянских переселенцев. Так, от удэгейцев русские перенимали охотничью одежду из шкур лося, обувь из рыбьей кожи и др.⁵⁷⁵ Переселенцы-белорусы позаимствовали от удэгейцев сапоги из шкур изюбра, в которых ходили на охоту и покосы. Сапоги могли быть летними и зимними. В первом случае их шили из кожи, в то время как в зимних сапогах внутри оставляли мех⁵⁷⁶.

Анализируя механизмы трансформации в традиционном костюме украинцев и белорусов в Приморье в контексте социокультурной адаптации, стоит отметить, что в первую очередь они коснулись тех переселенцев, чьи поселения располагались в Майхинской и Сучанской долинах в непосредственной близости от промышленных и торговых центров, таких как Сучанский каменноугольный рудник, с. Спасское, с. Черниговка, г. Никольск-Уссурийский, г. Владивосток, где влияние более развитой социально-экономической сферы было особенно явным. По свидетельству Ф. Ф. Буссе, «старожилы вовсе не занимаются пряжей, одеваясь в покупные ткани, несмотря на их дороговизну и

⁵⁷⁵ Липинская В.А. Историко-экологические особенности традиционной культуры русского населения Сибири и Дальнего Востока // Россия и АТР. 2003. № 4. С. 96.

⁵⁷⁶ Фёдоров Р.Ю., Богордаева А.А. Историко-этнографические аспекты жизни белорусских крестьян-переселенцев в Приамурье в устных историях // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4. С. 56.

непрочность. На вопрос о причине такой поправки бабам, мужчины отвечают, что при обширном хозяйстве женщинам и без того много работы, что же касается приготовления холста, то эта работа не стоит труда, потому что вся стоимость годового производства покрывается урожаем одной лишней десятины овса»⁵⁷⁷. При этом исследователь отмечает, что «пример старожилов увлекает новосёлов, как только они достигают известной степени достатка и теперь в деревнях по линии ж/д, которая дала крестьянам хороший заработок, начинается уже уменьшение пряжи, а некоторые женщины и вовсе оставили прядильный станок»⁵⁷⁸.

В конце XIX – начале XX в. крупные торговые компании открывали свои магазины не только в городах (Владивосток, Никольск-Уссурийский), но и в отдельных сёлах. Так, например, в с. Черниговка Черниговской волости имелись крупные универсальные магазины известных на Дальнем Востоке торговых фирм «Кунст и Альберс», «Чурин и К», Скидельского, в которых был достаточно широкий ассортимент мануфактурных, бакалейных, пушных, кожевенных и прочих товаров⁵⁷⁹. В частности, магазины предлагали достаточно большой выбор ткани, в том числе иностранного производства, например: бриллиантин – 25 коп. за аршин, бязь белая – 30 коп., даба (китайская) 1 кусок – за 3 рубля 60 коп., миткаль – 15 коп., малестин – 80 коп., нанка – 35 коп., русанет – 25 коп., сукно крестьянское – 35 коп., сарпинка – 25 коп., ситец – 18 коп.⁵⁸⁰ Помимо крупных универсальных магазинов, было много китайских торговых лавок, где также можно было приобрести фабричную ткань, фурнитуру и т.п. Несмотря на разнообразие товаров, денег на их покупку у сельчан зачастую не хватало: *«Китайцев было много, магазинов китайских, денег не было. – Барышня, заходите. – Ой, да денег нету. – Ну, пишите. – Запишут, что там возьмёшь (12*

⁵⁷⁷ Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. СПб., 1896. С. 161.

⁵⁷⁸ Там же. С. 162.

⁵⁷⁹ Шелудько В.О. История Черниговского района (1886-1917 гг.). Владивосток, 1998. С. 58.

⁵⁸⁰ Кобко В.В. Традиционная одежда старообрядцев Приморья // Русская народная одежда: ист.-этногр. очерки. М., 2011. С. 608.

коп. *аршин (ткани) стоил*)»⁵⁸¹. До 1930-х гг. процветала и меновая торговля между переселенцами и китайцами, когда пушнину меняли на изделия из шёлка, бусы и другие мануфактурные товары⁵⁸².

Городская мода проникала в сельский быт и вследствие активного отходничества, особенно распространённого среди крестьян-новосёлов, которые в первые годы после переселения отправлялись на заработки на рудники, заводы, обслуживание железной дороги и пароходов, а также, нанимаясь в кучера, дворники, прислуги⁵⁸³.

Необходимо отметить, что масштабные культурные трансформации в начале XX в. в Приморье проходили в условиях крайне нестабильной политической и социально-экономической обстановки, вызванной целым рядом различных факторов, таких как Русско-японская и Гражданская война, столыпинская реформа, события Февральской и Октябрьской революций, Первая мировая война и иностранная военная интервенция.

В мужской одежде, по сравнению с женской, трансформации проявились гораздо раньше. Это в первую очередь было связано с большей мобильностью мужского населения и более тесным взаимодействием с городом. Трансформации, происходившие в мужском костюме, повлекли за собой изменения в материале, крое, технологии пошива, способах ношения одежды. Так, в начале XX в. домотканые штаны уступают место брюкам из фабричной ткани. При этом порты продолжают носить, но уже в качестве нижней одежды (кальсон). Рубахи традиционного кроя из домотканого полотна переходят в разряд рабочей одежды, а вышитые сорочки из перкаля или коленкора достаточно долгое время используют в качестве праздничных⁵⁸⁴. Тканый шерстяной пояс в мужском костюме сменяется кожаным ремнем, который носили поверх рубашки, в том

⁵⁸¹ Зап. от Федоры Ивановны Бахтиной, 1905 г.р., с. Владимиро-Александровское Партизанского района (ЛА, 1992, № 8).

⁵⁸² Фёдоров Р.Ю., Богордаева А.А. Историко-этнографические аспекты жизни белорусских крестьян-переселенцев в Приамурье в устных историях // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4. С. 57.

⁵⁸³ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.). М, 1997. С. 81.

⁵⁸⁴ Приложение 4.4. Фото 112. С. 96.

числе праздничной, вышитой. Большое распространение получают пиджаки на подкладке, сшитые по городской моде. Их заказывали у местных портных или покупали готовые в магазинах. Пиджаки могли простёгивать на вате и носить в холодное время года. В условиях всеобщей милитаризации общества, вызванной событиями Русско-японской и Первой мировой войны и создавшей предпосылки для появления новой тенденции в моде, среди сельского населения в это время получают распространение элементы мужской форменной одежды — гимнастёрки, галифе, шинели, ватники и т.п.⁵⁸⁵

Таким образом, активное взаимодействие с городом, оживлённая торговля, регулярные ярмарки в крупных сёлах и городах способствовали постепенному внедрению в быт крестьян фабричных тканей (так называемой «мануфактуры»), распространению новых фасонов и разновидностей одежды, таких как кофта и юбка в женском костюме, пиджак и брюки — в мужском, а впоследствии — полной замене крестьянского костюма одеждой городского типа. По мнению О. Н. Шелегиной, новации, связанные модой, могли вступать в противоречие с традиционными явлениями культуры, но также могли способствовать созданию новых образцов, в том числе в виде паллиативных форм⁵⁸⁶.

Использование фабричного материала (коленкора, перкаля и т.п.) с гораздо большей шириной, по сравнению с домотканым полотном, повлекло за собой изменения в крое традиционных рубашек, связанные с уменьшением количества швов и увеличением ширины рукавов. Всё большее распространение получают сорочки на кокетке. Под влиянием городской моды уменьшается длина сорочек и рукавов, исчезают ластовицы, распространяются так называемые «галаплечки» — рубашки с открытой шеей, а также «малароски», или «залокотницы» — сорочки с укороченными (чуть ниже локтя) рукавами на кулиске с колоколообразной оборкой⁵⁸⁷. Со временем традиционные сорочки заменяют кофты (блузы) из

⁵⁸⁵ Князева М.Б. Заимствование элементов военной формы гражданской модой после первой мировой войны / М.Б. Князева // Культурное наследие России. 2014. № 2. С. 57.

⁵⁸⁶ Шелегина О.Н. Результаты и перспективы изучения адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – начало XX века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26). С. 122.

⁵⁸⁷ Приложение 4.3. Фото 25, 26. С. 61; Фото 29. С. 62.

фабричного материала, прямого или полуприлегающего силуэта, длиной до бёдер, с втачными узкими рукавами. Их «подгоняли» по фигуре с помощью защипов и вытачек, иногда дополняли баской, украшали декоративными швами, складочками, оборками, тесьмой⁵⁸⁸. Пуговицы могли располагаться как спереди, так и сзади. Кофты под названием «казачок», первоначально получившие распространение в мещанской среде, были составной частью женского казачьего костюма – «парочки», а позднее вошли и в крестьянский гардероб: *«Раньше казачки шили длинны таки платья, рукав грибом сделан, а дальше в обтяжку, вот их и называли казачками»*⁵⁸⁹. Зажиточные селянки шили нарядные блузки из прозрачного батиста, под низ которых надевали вышитые сорочки⁵⁹⁰.

С распространением блуз прилегающих фасонов рубашки традиционного кроя постепенно переходят в разряд нижнего белья. Помимо этого, под влиянием городской моды у жительниц села в начале XX в. появился корсетный лиф. Он представлял собой облегающее изделие до бёдер с вытачками-защипами, которое надевали на голое тело или на сорочку, плотно утягивая живот и поддерживая грудь. Кроили такую одежду по готовым изделиям⁵⁹¹. Исследователи отмечают, что украинские переселенки в Сибири, в отличие от большей части сибирячек, уже в конце XIX – начале XX в. также имели нижнее бельё в виде лифчиков, или «чебреков»⁵⁹². Нижняя поясная одежда (пantalоны) вошла в крестьянский гардероб достаточно поздно, примерно во втором десятилетии XX в. Первоначально этот вид нижнего белья шили из домотканого полотна, позднее – из покупных тканей (ситца, колленкора)⁵⁹³.

Орнаментация одежды также была подвергнута процессам трансформации. В начале XX в., в связи с расширением книгопечатания и печатной рекламы, возрастает количество изданий по вышивке и рукоделию, в которых приводятся

⁵⁸⁸ Приложение 4.3. Фото 28. С. 62.

⁵⁸⁹ Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983. С. 111.

⁵⁹⁰ Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002. С. 41.

⁵⁹¹ Там же.

⁵⁹² Фурсова Е.Ф., Васеха Л.И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX – первой трети XX века (по материалам Новосибирской области). Ч 1. Новосибирск, 2004. С. 16-17.

⁵⁹³ Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002. С. 41.

узорники с орнаментальными мотивами, представляющими поздний эклектический пласт изобразительного искусства, вобравший в себя различные культурные традиции, переработанные профессиональными художниками. В результате распространения подобной продукции в сельской местности создаются «предпосылки для кардинальной смены художественных вкусов крестьянства и формирования новой эстетики народного орнамента»⁵⁹⁴. Анализ орнаментальных узоров, применявшихся в декорировании традиционного костюма украинцев и белорусов, свидетельствует об адаптации и художественной трансформации брокаровской вышивки в контексте народной традиции. Вместе с распространением брокаровских узоров популяризируется и техника вышивки «крест», которая постепенно вытесняет старинные виды швов. Широкое использование вышивки крестом с характерными узорами, с одной стороны, вело к унификации этнической самобытности, размыванию региональных и локальных различий. Символический характер старинных орнаментальных мотивов уступал место изобразительному способу передачи информации об окружающем мире. С другой стороны, в процессе адаптации заимствованные узоры располагались в соответствии с устоявшимися региональными композиционными канонами и зачастую соседствовали с традиционными способами декорирования одежды.

Применение новых техник вышивки (прямой и болгарский, или двойной крест, тамбур) повлекло за собой укрупнение швов и изменения в орнаментально-композиционной схеме, которая также укрупняется и приобретает более свободные формы. С распространением разноцветных ниток для вышивания монохромная вышивка вытесняется полихромной. К излюбленным цветам (красному, белому и чёрному) все чаще добавляются зелёный, жёлтый, синий, коричневый. Наряду с распространением вышивки крестом, происходит упрощение различных технологических приёмов в оформлении одежды. Так, сложные расшивки соединительных швов заменяются более простыми в

⁵⁹⁴ Лобачевская О.А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации. Минск, 2013. С. 363.

исполнении «ложными» швами, имитирующими традиционные конструктивно-соединительные швы.

Упрощается и техника изготовления одежды. Ручной труд всё чаще уступает место механизированному, что позволяет применять машинную строчку как для конструктивных (стачивание деталей одежды), так и для декоративных целей. В последнем случае с помощью швейной машинки застрачиваются декоративные складки на юбках, фартуках и кофтах-блузах, простёгивается верхняя одежда, особенно с ватной прокладкой, а также применяется декоративная машинная строчка, имитирующая машинную вышивку в оформлении керсеток и юпок. Следует отметить, что долгое время швейная машинка была недоступной роскошью в крестьянском быту, и далеко не всегда применение швейных машин в изготовлении крестьянской одежды лучшим образом отражалось на её качестве. Зачастую сшитая вручную одежда выглядела намного аккуратнее обработанной на машинке.

На следующем историческом этапе (начиная с 1920-х гг.) трансформации традиционного костюма переселенцев были обусловлены новыми идеологическими установками с приоритетными аспектами классовой сущности культуры перед национальной. Социально-экономическое развитие региона в 1920-30-е гг., проходящее в рамках таких программ, как индустриализация, коллективизация, культурная революция и т.п., способствовало растворению этнического компонента в обобщённой категории «советского народа»⁵⁹⁵.

Наряду с этим, в отдельные годы Советской власти в крае отмечались попытки на государственном уровне поддержать этнические особенности переселенцев. Так, в 1931-1933 гг., в рамках осуществления общегосударственной политики «помощи нацменьшинствам», проводились мероприятия по украинизации отдельных районов Приморского и Хабаровского округа (Калининский, Спасский, Черниговский и Ханкайский), где украинцы составляли более 50 % всего населения. Украинизация предполагала внедрение украинского

⁵⁹⁵ Ващук А.С. Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток, 2002. С. 82.

языка в делопроизводство и систему народного образования, издание краевых и районных газет на украинском языке, функционирование различных культурно-просветительных учреждений, в том числе национальных театров⁵⁹⁶. Однако, ввиду нецелесообразности этой программы, все мероприятия по её осуществлению были свёрнуты в 1933 г., а к концу 1930-х гг., на фоне ужесточения государственной политики в отношении национальных и конфессиональных общин, любые организованные виды деятельности, включающие этнокультурный компонент, были запрещены. По сравнению с украинизацией, белорусизация, проводившаяся на территории Белоруссии в 1920-е гг., не получила особого развития в местах компактного проживания белорусских переселенцев в Приморье.

В целом, в результате политики украинизации и белорусизации наметилась тенденция к более чёткой национальной самоидентификации восточнославянского населения, распространению этнонимов «белорус» и «украинец» среди переселенцев в Приморье, что нашло отражение в данных Всесоюзной переписи населения 1926 г.⁵⁹⁷ Несмотря на это, процессы этнокультурной интеграции и ассимиляции, происходившие в это и последующее время, способствовали постепенной унификации элементов традиционной культуры переселенцев, в частности, одежды.

В 1930-е гг. в сельской местности постепенно входят в употребление такие виды городской одежды, как мужские и женские костюмы, платья, бельё. В верхней одежде помимо пиджаков появляются жакеты, поддёвки, пальто. В то же время широко используются стёганные на вате телогрейки (*куфайки*), которые получили распространение во время Великой Отечественной войны и продолжали носить в дальнейшем. Традиционные формы одежды нередко сочетались с городскими элементами. Так, например, достаточно длительное время мужчины носили рубаху традиционного кроя в комплекте с брюками и пиджаком.

⁵⁹⁶ Васьук А.С. Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток, 2002. С. 88.

⁵⁹⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Национальный состав населения по регионам РСФСР [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly: информ. бюллетень статистических показателей. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1374 (дата обращения: 20.03.2018).

Городскую кофту в женском костюме зачастую дополняла юбка и вышитый фартук. Праздничные блузы в городском стиле украшали вышивкой цветным бисером⁵⁹⁸. Данные примеры наглядно демонстрируют процесс взаимодействия инноваций и традиций, когда в костюме присутствуют смешанные формы (урбанистические и традиционные). Согласно С. А. Арутюнову, такое сочетание определяется закономерностями, обусловленными соотношением престижности городской и традиционной одежды на разных этапах⁵⁹⁹.

Необходимо отметить, что процесс перехода к одежде городского типа у украинцев и белорусов был достаточно длительным. Испытывая дефицит промышленных товаров и денежных средств, сельские жители отдалённых районов в этот период зачастую продолжали носить традиционную одежду из домотканых материалов. Так, по словам К. Г. Бойко, 1903 г.р., украинца, уроженца с. Дубовское Спасского района, мануфактуру долгое время не покупали, носили домотканую одежду⁶⁰⁰. В сборнике «Фольклор Дальнеречья» приводятся воспоминания Е. А. Ляховой о жизни в приморской глубинке в это время: *«В 1926 г. нас перевели в с. Новотроицкое. Приехали и увидели, что здесь ещё нет Советской власти. Землю крестьяне арендуют... Одеты все в лапти, в домотканые рубахи и штаны, на голове облезлая шапка, видно, ещё дедовская... В 1932 году пошла коллективизация... Сеяли, но земли на полях затопляло наводнением, всё пропадало. Тогда переорганизовали в кустарно-промысловую артель. В ней из прутьев вербы плели багажные корзины, а потом стали делать мебель плетёную: кресла, качалки, стулья, детские кроватки. В 1934-35 учебном году открыли семилетку... В магазинах село не хватало промтоваров, обуви, сутками стояли в очереди, чтобы взять нужную вещь»*⁶⁰¹.

В последующее время с развитием легкой промышленности и постепенным улучшением благосостояния сельских жителей после тяжёлых военных и

⁵⁹⁸ Приложение 4.3. Фото 30. С. 62.

⁵⁹⁹ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 188.

⁶⁰⁰ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 23. Л. 57.

⁶⁰¹ Фольклор Дальнеречья, собранный Е.Н. Сыстеровой и Е.А. Ляховой. Сборник. / Сост.: Л.М. Свиридова. Владивосток, 1986. С. 38-40.

послевоенных лет происходит дальнейшее вытеснение традиционного костюма одеждой городского типа. При этом отдельные предметы народной одежды достаточно долго использовались как в повседневном, так и в праздничном костюме. К примеру, отказавшись от чепца, женщины продолжали носить платок. При этом традиция покрывать голову платком оказалась настолько устойчива, что её можно наблюдать и в наши дни среди женщин старшего поколения⁶⁰². Долгое время сельчанки использовали в своей одежде фартук, надевая его поверх юбки или платья. Во второй половине XX в. его чаще шили из тёмной фабричной ткани и применяли как атрибут будничной или рабочей одежды. Последние полевые материалы, полученные во время экспедиции в сёла Михайловского района, показали что в сельской местности до сих пор сохраняется традиция ношения фартуков среди пожилых женщин. В качестве иллюстрации приведём фрагмент рассказа жительницы с. Николаевка Михайловского района М. Д. Фоминой, 1937 г.р.: *«У меня мама носила всё время фартуки, всё время и, видать, всё равно гены (мне) передались: я не могу без фартука. У меня их много... я люблю, потому что, во-первых, фартук легче постирать, чем платье... и, вообще, люблю фартуки»*⁶⁰³.

В период с 1960-х по 1980-е гг. трансформации традиционного костюма происходят в условиях активной модернизации быта сельских жителей. Благодаря культмассовому просвещению, распространению радио, телевидения, печатных изданий, развитию культурно-досуговой деятельности населения, в сельских клубах Приморья появляются самодеятельные народные коллективы. Одновременно возникают и новые стилизованные версии народной одежды, используемые в качестве сценического костюма. Характерным для таких костюмов становится применение готовых шаблонов в народном стиле, подобранных руководителями ансамблей, ориентирующихся, как правило, не на этнолокальные традиции, а на социальный заказ.

⁶⁰² Приложение 4.4. Фото 130, 131. С. 110-111.

⁶⁰³ Зап. от Марии Дмитриевны Фоминой, 1937 г.р., с. Николаевка Михайловского района Приморского края (ПМА, 2022).

В постсоветское время (с 1990-х гг.) трансформации традиционного костюма происходят в условиях возрождения этнических традиций на фоне глобализации и этнокультурной унификации. Современные тенденции, связанные с обращением к исторической и культурной памяти в контексте сложных геополитических явлений, отражает этнический ренессанс, актуализирующий проблемы «этнополитической суверенизации народов постсоветского пространства... и роста их самосознания»⁶⁰⁴. Как отмечает Р. Ю. Фёдоров, «характерной особенностью постсоветского этноренессанса стало то, что он параллельно развивался как на стихийном, так и на институциональном уровне»⁶⁰⁵. Благодаря инициативам сверху и индивидуально-личностному фактору, в конце XX – начале XXI в. получает поддержку деятельность национально-культурных общественных организаций украинцев и белорусов Приморья, представители которых, как правило, являются мигрантами позднего советского и постсоветского периодов. При этом возрастает роль традиционного костюма как этнокультурного маркера участников национально-культурных организаций, фольклорных коллективов. Новое осмысление получает использование традиционного костюма при проектировании современной одежды, моделировании сценического костюма, реконструкциях образцов аутентичной одежды. Важное значение на современном этапе приобретает традиционный костюм украинских и белорусских переселенцев в Приморье как объект историко-культурного наследия.

Проанализировав основные механизмы трансформации традиционного костюма у украинских и белорусских переселенцев на разных этапах, можно сделать следующие выводы. Трансформации, затронувшие традиционные комплексы одежды, явились закономерным следствием адаптации переселенцев к новой природной и социокультурной среде и происходили на фоне масштабных

⁶⁰⁴ Октябрьская И.В., Самушкина Е.В. Этнокультурный ренессанс в современной Сибири: общая характеристика и региональный опыт (на примере Республики Алтай и Республики Хакасия) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 73.

⁶⁰⁵ Фёдоров Р.Ю. Особенности традиционной культуры и динамика этнокультурных процессов у белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XXI в. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.07. Тюмень, 2020. С. 297.

политических и социально-экономических преобразований в крае и стране. В процессе адаптации к новым условиям природной среды, переселенцы использовали местные растения для производства одежды и обуви, заимствовали некоторые формы костюма коренных народов. Распространение фабричных тканей и городской моды в первой половине XX в. повлияло на трансформации в крое и оформлении народной одежды, что способствовало постепенному стиранию этнорегиональных отличий и в конечном счете полной замене традиционной одежды костюмом городского типа. Этот процесс был достаточно длительным, неравномерным и напрямую зависел от близости города и мобильности сельских жителей. Несмотря на то, что традиционная одежда переселенцев вышла из повседневного употребления ко второй половине XX в., в сельской местности отдельные её компоненты продолжали использовать в качестве праздничной одежды и в послевоенные годы. В советский и постсоветский период происходит окончательный переход традиционной одежды из живого бытования в сценическое пространство. При этом намечаются тенденции к разработке и созданию новых форм одежды на основе элементов традиционного костюма, востребованных в современном обществе.

5.2. Формы сохранения и репрезентаций украинского и белорусского костюма в Приморском крае в конце XX – начале XXI в.

В конце XX – начале XXI в. на волне возросшего интереса к народной культуре, всплеска этнической самоидентификации, украинский и белорусский костюм стал активно использоваться участниками фольклорных коллективов и национально-общественных организаций. К теме народной одежды постоянно обращаются в контексте музейной и выставочной практики, декоративно-прикладного искусства, в сфере туризма и моды.

Применение национального костюма в самых разнообразных (зачастую несвойственных для его естественного бытования) областях актуализировало ряд проблем, среди которых: формы функционирования народного костюма в

современном обществе, методы и технологии реконструкции традиционного костюма, способы моделирования этнографических костюмов, разработка сценических костюмов участников фольклорных коллективов, конструирование современной одежды на основе народного костюма.

Несмотря на многообразие форм традиционного костюма, проблема его использования и репрезентации в современном мире стоит достаточно остро. Это, прежде всего, связано со сменой культурной парадигмы и утратой естественной среды бытования народного костюма. Не последнюю роль в этом вопросе играет недостаточная информированность общественности о региональной и локальной специфике народной одежды, что зачастую приводит к упрощенному восприятию традиционного костюма и в конечном счете формирует ложное представление о нём. В решении данной проблемы большое значение имеет научно-просветительская работа.

Одним из эффективных способов изучения, сохранения и популяризации традиционного костюма на современном этапе является проведение специальных научно-практических конференций, особенностью которых является сочетание пленарных заседаний с проведением круглых столов, организацией выставок костюма, специализированных занятий и мастер-классов. Можно отметить успешный опыт проведения международной конференции «Мода и дизайн: исторический опыт и новые технологии», которая с 1998 г. ежегодно проходит в Санкт-Петербурге на базе Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна совместно с Российским этнографическим музеем. В 2016 г. в Новосибирске проходила Всероссийская междисциплинарная научно-практическая конференция «Народный костюм в Сибири», в рамках которой были организованы мастер-классы по реставрации и реконструкции костюмов. Одним из ключевых итогов конференции стало решение о создании Ассоциации исследователей народного костюма, задача которой – «объединение учёных и практиков с целью взаимной помощи в решении научных задач и распространении научных знаний о народном костюме, противодействии распространению лженаучных сведений о традиционной одежде и экстремизму

ряда молодёжных субкультур, налаживании взаимовыгодных связей с народными мастерами и национально-культурными центрами для оказания им методической помощи в деле собирания, изучения и реконструкции народной одежды»⁶⁰⁶.

Немаловажную роль в вопросах сохранения и популяризации традиционного костюма играет музей. Обладая научно-исследовательским, культурологическим и просветительским потенциалом, музей способен выступать не только в роли хранителя, но и в качестве транслятора этнокультурного наследия. Этнографические коллекции музея, отражающие традиционный уклад отдельных этнических групп, представляют особую культурную, историческую и информационную ценность. Это в полной мере относится к аутентичному костюму восточнославянских народов в его региональном и локальном многообразии. Современные музеи используют разнообразные формы репрезентации этнографических коллекций, в частности, традиционной одежды, включая экспозиционно-выставочные проекты, художественные инсталляции, интерактивные способы показа с привлечением мультимедийных средств, издание каталогов. На территории Приморского края этнографические коллекции наиболее полно представлены в фондах Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева. Интересные экспонаты, посвящённые одежде переселенцев, встречаются и в небольших краеведческих музеях Приморья, сотрудники которых стараются по возможности разнообразить экспозиции и способы подачи материала⁶⁰⁷. Вместе с тем многие музеи сталкиваются с комплексом проблем, связанных с комплектованием, атрибуцией и экспонированием коллекций, что в конечном счёте сказывается на качестве репрезентации памятников культуры.

Одним из способов сохранения и популяризации различных граней традиционной культуры на базе музея является функционирование специализированных лабораторий, этно клубов, ремесленных центров, работающих в сотрудничестве с музейными структурами. В основе такой формы деятельности используется «принцип этнокультурного пространства»,

⁶⁰⁶ Жигунова М.А. Современные проблемы изучения, сохранения и использования народного костюма в Сибири // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 1 (13). С. 179.

⁶⁰⁷ Приложение 4.3. Фото 99-104. С. 86-90; Приложение 4.4. Фото 173, 174. С. 137.

реализующийся посредством включения предметного мира традиционной культуры в современную систему ценностей⁶⁰⁸. В качестве удачного примера подобного объединения можно привести этноклуб «Параскева», работающий при Российском Этнографическом музее в г. Санкт-Петербург с 1991 г. Организаторы клуба, ориентированные в своей деятельности на научный подход, обучают всех желающих традиционным ремеслам, в том числе различным технологиям производства и декорирования текстиля, знакомят с традиционным костюмом, проводят лекции и семинары по этнографии и фольклору, участвуют в выставочных, научных и экспедиционных проектах. Из местных музейных подразделений подобного профиля следует отметить лабораторию славянского фольклора и этнографии, долгое время существовавшую на базе Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева. Сотрудники лаборатории активно занимались изучением и популяризацией традиционной культуры восточнославянских переселенцев в Приморье, в том числе исследовали и пропагандировали песенную и инструментальную традиции, календарно-обрядовый фольклор, народный костюм.

В Приморском крае активно функционируют национально-культурные организации, центры, творческие коллективы, нацеленные на сохранение украинской и белорусской культуры и этнической самобытности. Среди них – Центр украинской культуры им. А. Крия «Горлиця» (г. Владивосток), Приморская краевая национально-культурная общественная организация «Белорусы Приморья» (г. Уссурийск), Спасская украинская национально-культурная автономия «Джерела України» (г. Спасск-Дальний), общественная организация «Сябры Беларусі» (г. Партизанск), Приморский украинский народный хор «Горлиця» (г. Владивосток), народный ансамбль «Свой стиль» (г. Фокино) и др. Немаловажным компонентом работы вышеперечисленных организаций явно или косвенно является пропагандирование традиционного украинского и белорусского костюма как маркера этнической идентичности.

⁶⁰⁸ Комарова С.В. Этноклуб «Параскева» в Российском этнографическом музее: 10 лет сотрудничества // Музей. Традиции. Этничность. XX – XXI вв. СПб.; Кишинев, 2002. С. 360.

Перспективным направлением в контексте популяризации традиционного костюма является проектно-выставочная деятельность. Будучи яркой составляющей самобытной культуры украинцев и белорусов в Приморье, национальная одежда всё чаще становится объектом фестивалей, специальных показов, выставок. Традиционно в конце сентября во Владивостоке проходит фестиваль украинской культуры, организуемый Центром украинской культуры Анатолия Криля «Горлиця». В рамках фестиваля с 2010 г. ежегодно устраивается Дальневосточная Сорочинская ярмарка, где собираются мастера народного творчества со всего Приморья. Одним из ярких событий мероприятия является театрализованный парад национальной одежды, участники которого с удовольствием демонстрируют традиционный украинский костюм и современные наряды с элементами украинской вышивки. Так, в 2018 г. значимым акцентом фестиваля стал показ национальных костюмов. Запоминающимся событием Юбилейной X Дальневосточной Сорочинской ярмарки в 2020 г. был мастер-класс «Головной убор украинки», который провела О. С. Савчук, ведущий специалист швейной промышленности Хабаровского края, педагог декоративно-прикладного искусства. Активисты украинских и белорусских национально-культурных организаций надевают свои национальные костюмы во время проведения таких значимых мероприятий, как ежегодный Конгресс Ассамблеи народов Приморья, традиционный краевой фестиваль «Хоровод дружбы», День единения народов России и Беларуси и др.⁶⁰⁹

В 2019 г. в музейно-выставочном комплексе Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС) состоялась выставка «Этно-образ», на которой были представлены традиционные костюмы народов России и стран АТР, различные виды проектной графики, зарисовки элементов костюма и орнамента, коллажи и т.д. Основу экспозиции составили этнографические комплексы восточнославянской одежды конца XIX – начала XX в. из личной коллекции автора диссертации. На базе выставки были проведены

⁶⁰⁹ Приложение 4.4. Фото 143-151. С. 117-122; Фото 153-155. С. 124-125.

тематические занятия, в том числе лекция, посвящённая восточнославянскому костюму и мастер-класс по ткачеству поясов⁶¹⁰. Выставка получила большой отклик как среди студентов-дизайнеров одежды, так и среди широкого круга посетителей.

В моделировании традиционного костюма на современном этапе широко используются различные методы конструирования, в том числе реконструкция, копия, реплика. Данные методы успешно применяются как в научных, так и в практических целях для реализации музейно-выставочных проектов, разработки сценической и дизайнерской одежды на основе этнографических образцов.

Реконструкция достаточно давно и плодотворно используется как один из методов этнологии при разработке явлений материальной и духовной культуры различных этносов. В качестве примера можно привести работы исследовательницы белорусского традиционного костюма М. Н. Винниковой, в которых на основе полевых и музейных материалов выполнена реконструкция локальных вариантов белорусского костюма, в частности, воссоздан комплекс женского костюма Гомельского уезда Могилёвской губернии, а также восстановлен способ ношения женского головного убора – наметки в Пинском уезде Минской губернии⁶¹¹. В первом случае реконструкция проводилась с помощью графической зарисовки, во втором – использовался метод практического моделирования. Следует отметить, что, в отличие от реставрации, реконструкция не предполагает практического восстановления исторического образца. Результаты подобных исследований, прежде всего, имеют большое значение для теоретических разработок в области этнографии и искусствоведения.

Кроме того, метод реконструкции традиционного костюма может эффективно использоваться в экспозиционно-выставочной деятельности. Как справедливо отмечает М. Н. Винникова, для достойной демонстрации народной

⁶¹⁰ Там же. Фото 175-176. С. 138.

⁶¹¹ Винникова М.Н. О реконструкции смыслового значения и способов ношения женских головных уборов Туровщины (по материалам белорусской коллекции МАЭ) // Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Рос. акад. наук; отв. ред. А.А. Новик. СПб., 2011. Т. 57. С. 93-110; Винникова М.Н. Реконструкция локальных вариантов традиционного белорусского костюма с использованием материалов из собраний музеев России и Беларуси // Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Рос. акад. наук; отв. ред. А.А. Новик. СПб., 2013. Т. 58. С. 325-359.

одежды в музейном и выставочном пространстве необходимы не только полные комплексы костюма, но и знания о способах ношения его отдельных компонентов в той или иной локальной местности⁶¹².

Реконструкции утраченных вариантов традиционного костюма и способов ношения его компонентов могут быть востребованы и при создании сценических и представительских вариантов традиционных костюмов, а также в практике «ревитализации, т.е. возвращения в аутентичную среду забытых знаний и умений по технологии изготовления различных предметов одежды и способам ношения женских головных уборов»⁶¹³.

В последнее время метод реконструкции активно используется в деятельности различных исторических клубов при воссоздании материальной и духовной культуры народов в разные исторические эпохи. Особое внимание в таких сообществах уделяется исторической реконструкции одежды, которая осуществляется в первую очередь на основе изучения письменных, археологических и изобразительных источников. При этом изучаемый «реконструкторами» период, как правило, ограничивается рамками средневековья.

Другое направление можно наблюдать среди участников отдельных фольклорных коллективов, различных студий, этнографических лабораторий, работающих в области изучения и воссоздания этнографических костюмов. В отличие от исторической реконструкции, данное направление базируется на существующих подлинных образцах этнографической одежды. В основе такой работы, как правило, лежит комплексное исследование музейных, фольклорных и полевых материалов, что позволяет создать костюм определённой локальной традиции, максимально приближенный к оригиналу. В процессе изготовления образцов этнографической одежды не только воспроизводится традиционный

⁶¹² Винникова М.Н. Реконструкция локальных вариантов традиционного белорусского костюма с использованием материалов из собраний музеев России и Беларуси // Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Рос. акад. наук; отв. ред. А.А. Новик. СПб., 2013. Т. 58. С. 327.

⁶¹³ Винникова М.Н. Реконструкция локальных вариантов традиционного белорусского костюма с использованием материалов из собраний музеев России и Беларуси // Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Рос. акад. наук; отв. ред. А.А. Новик. СПб., 2013. Т. 58. Там же. С. 328.

крой, возрождаются забытые техники вышивки, ткачества, но и зачастую воссоздаётся основа костюма – домотканое полотно. Среди учёных не сложилось единого мнения по поводу определения данного способа моделирования традиционной одежды. Некоторые исследователи склонны относить такие работы к копиям, т.е. точным повторениям оригинала⁶¹⁴. Другие полагают, что создание аналога аутентичного костюма в современных условиях невозможно, поскольку даже при ручном производстве ткани на современном этапе неизбежны несоответствия в качестве исходного материала (нитей, красителей и пр.)⁶¹⁵. Последнее мнение представляется более убедительным, в связи с чем, на наш взгляд, в данном случае уместнее использование термина реплика, подразумевающего «воспроизведение оригинального изделия с возможным изменением материала, размера или рисунка»⁶¹⁶. Реплики традиционной одежды, выполненные с большой степенью достоверности и исключительным мастерством, являются ценными образцами возрождения традиционных ремёсел и используются для демонстрации на различных выставках и фестивалях традиционного костюма, проводимых в России и за рубежом.

Одним из способов репрезентации традиционной одежды на современном этапе является создание народного сценического костюма. На сегодняшний день можно отметить две основные тенденции в репрезентации восточнославянского костюма, которые напрямую связаны с определенным жанром сценической деятельности. Первая предполагает создание этнографического костюма в соответствии с особенностями локальной традиции. Такого пути придерживаются участники фольклорно-этнографических коллективов, которые занимаются комплексным исследованием местной традиционной культуры, включая изучение локальной песенной, инструментальной и танцевальной традиций, а также этнолокальных особенностей костюма. Среди подобных коллективов в Приморье можно назвать ансамбль народной музыки «Традиция», который долгое время

⁶¹⁴ Лобачевская О.А., Зимина З.И. Белорусский народный костюм. Минск, 2009. С.186.

⁶¹⁵ Калашникова Н.М. К вопросу о дефинициях: реконструкция – копия – реплика костюма // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2009. Т. 186. С. 98.

⁶¹⁶ Там же. С. 99.

базировался при лаборатории Славянского фольклора и этнографии Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева. Костюмы в таких коллективах, как правило, изготавливают сами участники, используя традиционные приёмы кроя, вышивки, ткачества и т.п.⁶¹⁷ Выступление фольклорно-этнографических коллективов зачастую строится на живом общении с публикой, вовлечении зрителей в праздничное действие. Такой подход воссоздает атмосферу праздничного гуляния, в котором все присутствующие становятся полноправными участниками народного праздника. Особенность костюма участников подобных коллективов заключается в максимальной достоверности и соответствии аутентичным образцам местной традиции.

Вторая тенденция заключается в стилизации традиционного костюма, которая предполагает разработку сценического костюма по народным мотивам. Данному направлению следует большинство сценических коллективов в Приморье, среди которых можно назвать украинский ансамбль «Горлица» (г. Владивосток), ансамбль «Свой стиль» (г. Фокино), вокальную группу «Экипаж» (г. Находка) и др.⁶¹⁸ В сценической стилистике обычно происходят значительные трансформации традиционного костюма. При создании стилизованных народных костюмов, как правило, не учитывается традиционный крой, искажается композиция, декор, утрачиваются этнорегиональные и социо-возрастные особенности. В результате такой стилизации зачастую получается усреднённый вариант костюма, который можно обозначить как “a synthetic folk costume of unknown region” («искусственный народный костюм неизвестной местности»)⁶¹⁹.

Приходится констатировать, что эта тенденция в настоящее время получила повсеместное распространение. Отчасти, это связано с тем, что сценический костюм подчиняется законам сцены и требует иного подхода для реализации

⁶¹⁷ Приложение 4.4. Фото 168-172. С. 133-136.

⁶¹⁸ Приложение 4.4. Фото 132. С. 111; Фото 157-162. С. 127-131.

⁶¹⁹ Ignas K. The przeworsk traditional costume in the folk costume exhibition in the Przeworsk Museum vs. 'Przeworsk dress' as a stage costume used by local folk performers // Folk dress as a cultural phenomenon, Wrocław: Polish ethnological society, 2013. p. 206.

авторской идеи. Так, для лучшего восприятия сценического костюма на расстоянии, как правило, используется укрупнение орнаментальных элементов, придание им большей яркости, контрастности, декоративности. Костюмы танцевальных коллективов, исполняющих народные танцы, согласно сценическим законам, не должны стеснять движений, содержать мелких деталей, тусклых цветов. Вместе с тем большую роль в восприятии сценического образа играет художественная целостность этнического костюма и аксессуаров (пояс, головной убор, украшения), а также их соответствие конкретной ситуации и определенной возрастной категории. Таким образом, в разработке сценического народного костюма следует учитывать большое количество нюансов, руководствуясь не только эстетическим вкусом, жанровой и сценической стилистикой, но и знанием этнокультурной специфики.

В качестве удачного примера в создании гармоничного образа сценического костюма можно привести образцовый хореографический ансамбль «Журавушка» из г. Находка, руководителю которого удалось подобрать такие варианты костюмов, которые наиболее полно и ярко демонстрируют этнические особенности⁶²⁰. В репертуаре ансамбля особое место занимают украинская и белорусская традиция, где очень удачно, на наш взгляд, сочетаются постановка танцевальных номеров, музыкальное сопровождение и сценические костюмы.

Одним из перспективных направлений работы с традиционным костюмом в наши дни является дизайнерское проектирование современных видов одежды на основе старинных форм и технологий. Неслучайно Ф. М. Пармон призывал художников-конструкторов современной одежды в своей творческой деятельности использовать в качестве первоисточника традиционный костюм, видя в нём «богатейший художественно-конструкторский источник творчества»⁶²¹. Современные дизайнеры нередко обращаются к этническому компоненту в своих проектах, черпая в традиционном костюме новые идеи для

⁶²⁰ Приложение 4.4. Фото 152. С. 123.

⁶²¹ Пармон Ф.М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества М., 2012. С. 8.

творчества. Дизайнерская разработка отличается отсутствием каких-либо догм, стереотипов, строгих правил. Напротив, такой подход предполагает переосмысление традиционных приёмов работы с текстилем, авторские эксперименты, создание новых художественных образов. При использовании данного метода допускается замена материала, ниток, поиск новых фактур, цветовых и конструктивных решений.

Важную роль в подготовке специалистов, работающих в данном направлении в Приморском крае, играет ВГУЭС. В профессиональном образовании дизайнеров действует программа по изучению истории костюма, в процессе реализации которой студенты разрабатывают авторские модели одежды в этническом стиле. В 2018 г. в рамках проекта «Этностиль Приморья», прошёл одноимённый фестиваль в г. Находка, на котором были представлены конкурсные работы в номинациях «Этнографика», «Этнодекор», «Этномотивы в аксессуарах и элементах повседневного костюма», «Этностиль в промышленном дизайне». Важно отметить, что помимо, широкого круга любителей, в конкурсе приняли активное участие опытные модельеры, мастера декоративно-прикладного творчества, студенты университета под руководством доцента кафедры дизайна и технологий ВГУЭС, члена Приморского отделения Союза дизайнеров РФ О. Н. Даниловой. В творческих работах приветствовались такие приёмы, как стилизация, смешение этнических традиций и современных модных тенденций⁶²². Заслуживает внимания деятельность «Молодежной ассамблеи народов Хабаровского края», которая в 2018 г. выиграла грант на реализацию проекта «Национальная одежда на современный лад», нацеленного на популяризацию национальных культур народов Хабаровского края посредством создания молодежной коллекции повседневной одежды с элементами национального костюма.

В проектировании современных моделей одежды с этническим компонентом важное значение имеет промышленное производство. В этой связи

⁶²² Приложение 4.4. Фото 163-165. С. 132.

стоит упомянуть ООО «Лесозаводский промышленный комбинат-пошив», занимающее устойчивые позиции в крае по производству мужской, женской и детской одежды. В последние годы в работе предприятия наметилось новое направление – создание коллекции в славянском стиле. Располагая современным оборудованием, автоматическими вышивальными машинами, текстильным принтером, комбинат создает оригинальные модели одежды этнической направленности. При этом делается акцент на натуральности и практичности. Изделия швейного цеха пользуются неизменной популярностью у местных творческих коллективов и фольклорных ансамблей. Для реализации и продвижения этнического направления разрабатываются разнообразные подходы. Так, в 2018 г. предприятие принимало активное участие в проекте «Этностиль Приморья», где была представлена новая коллекция повседневной одежды с этномотивами.

В последние годы повышенный интерес к традиционному восточнославянскому костюму, отмечается в странах АТР. Так, в 2011 г. в префектуре Тоттори (Япония) в рамках проведения Дней культуры Приморского края состоялась авторская выставка восточнославянского женского костюма И. В. Семёновой, мастер-классы по вышивке, изготовлению народной куклы, получившие живой отклик у японской аудитории⁶²³. На протяжении нескольких лет в г. Пекин (Китай) проходит Международный конкурс национального костюма, где участники из разных стран демонстрируют свою традиционную одежду. Примечательно, что в 2018 г. первое место за лучший этнический костюм получили белорусы⁶²⁴. Следует также отметить интересный проект молодых японских дизайнеров – студентов Токийского колледжа Моды (Bunka Fashion College), которые в 2019 г. разработали и представили собственную коллекцию этнической одежды в украинском стиле сквозь призму японской культуры⁶²⁵.

⁶²³ Приложение 4.4. Фото 177-178. С. 139.

⁶²⁴ Там же. Фото 179. С. 140.

⁶²⁵ Там же. Фото 180. С. 140.

Для выявления функционирования сценических и иных форм традиционного костюма в условиях современного города было проведено анкетирование. Как выяснилось в ходе опроса, многие участники фольклорных коллективов заказывают себе сценические костюмы на Украине или в Беларуси (в специализированных швейных комбинатах в Киевской, Закарпатской, Винницкой, Львовской, Минской областях). Как правило, заказ осуществляется на весь коллектив. Некоторые участники опроса изготавливают одежду сами, другие – заказывают по своим образцам. При этом в качестве источников для изготовления традиционного костюма чаще всего указывались книги, интернет, музейные коллекции. Участники опроса отмечали, что помимо выступлений на сцене, традиционный костюм надевают на народные праздники и гуляния, вечерки, занятия с детьми, в храм, на День независимости, День города, Конгресс народов Приморья, фестивали. В целях продвижения традиционного костюма в современных условиях указывались различные способы его популяризации, в том числе посредством проведения лекций, мастер-классов (в частности, по технологии изготовления костюма), выставок, фестивалей, парадов, конкурсов, дефиле. Отмечались предложения, связанные с организацией специализированных ателье по пошиву сценических костюмов, расширением ассортимента народных костюмов, а также созданием мастерских по производству реплик традиционной одежды различных переселенческих групп в Приморье, ориентированных как на рыночный сегмент (проведение свадеб, фотосессий и т.п.), так и на экспозиционно-выставочную работу. Высказывались мнения о дизайнерских разработках современной одежды с элементами традиционного костюма, развитии этностиля в регионе. В целом, участники опроса продемонстрировали большую заинтересованность в сохранении и использовании национальной одежды в Приморье на различных уровнях.

Приведённые данные свидетельствуют о большом потенциале в возрождении украинского и белорусского костюма в Приморье на современном этапе. Сферы его применения с учётом общественного интереса варьируются от реконструкций и разработок копий аутентичной одежды до создания

разнообразных вариантов сценического костюма и проектирования современной одежды в этническом стиле. Для изучения, сохранения и популяризации традиционного костюма украинских и белорусских переселенцев как объекта культурно-исторического наследия наиболее эффективной представляется скоординированная деятельность научно-исследовательских, культурно-просветительных, музейно-выставочных и образовательных центров.

Таким образом, исследование трансформаций традиционного костюма украинцев и белорусов показало различную степень его статичности и динамичности на разных этапах. На начальном этапе (конец XIX – начало XX в.) можно отметить достаточно хорошую сохранность базисной структуры костюма переселенцев, которая, наряду с традиционными технологиями изготовления одежды, продолжала бытовать в приморских сёлах вплоть до 1930-х гг. Адаптивные функции традиционной одежды проявлялись на фоне модификационных процессов, связанных с приспособлением к новым природно-климатическим условиям, этнокультурным и социально-экономическим факторам. С середины XX в. масштабные трансформации костюма переселенцев и их потомков были закономерным следствием культурной интеграции и модернизации жизненного уклада, что в конечном счёте привело к стиранию этнической самобытности и окончательной унификации одежды городских и сельских жителей. Вместе с тем шёл процесс формирования обобщённых вариантов народного костюма украинцев и белорусов, активно эксплуатируемых фольклорными коллективами в советское и постсоветское время. Анализ проблемы функционирования национального костюма украинцев и белорусов как значимого элемента их этнической культуры в Приморье на современном этапе показал актуальность данной темы и заинтересованность специалистов разных профилей и широкой общественности в продвижении разнообразных форм и способов его сохранения и репрезентаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведённого исследования можно обозначить основные особенности традиционного костюма украинцев и белорусов Приморья с учётом динамики его трансформаций в процессе адаптации на разных исторических этапах.

В результате аграрных миграций в конце XIX – начале XX в. на юге Дальнего Востока происходило формирование сельского населения, значительную часть которого составили украинские и белорусские переселенцы. Благодаря переселенческой политике Российского государства, сделавшего ставку на выходцев из малоземельных районов Северо-Западного края, основной поток переселенцев в Приморье был направлен из Левобережной Украины и юго-восточных районов Белоруссии. При этом украинцы преимущественно прибывали из Черниговской и Полтавской губерний. Значительную долю белорусского населения Приморья составили выходцы из этноконтактной зоны украинско-белорусского пограничья (северных и северо-западных уездов Черниговской губернии), а также переселенцы из Могилёвской губернии.

Анализ динамики миграционных процессов показал, что наивысший рост переселенческого движения украинского и белорусского населения в Приморье отмечался на рубеже XIX – XX вв., в период активного освоения дальневосточных земель, тогда как в советское и постсоветское время происходил постепенный спад как организованных (сельскохозяйственных и промышленных), так и индивидуальных миграций.

География расселения украинских и белорусских крестьян, прибывавших в Приморье, была связана со спецификой их хозяйственной деятельности. Поскольку основу хозяйства переселенцев составляло пашенное земледелие, в первую очередь были заселены обширные равнинные территории Приханкайской низменности и Сучанской долины. Переселенцы, прибывшие в Южно-Уссурийский край до 1900 г., старались выбирать участки для поселений, наиболее схожие по рельефу с родными. Так, украинские старожилы активно

осваивали степные и лесостепные районы на юге Приморья, напоминавшие украинский ландшафт. Белорусы предпочитали селиться в лесной зоне. Для переселенцев-новосёлов удобных мест для поселения, ведения привычных форм хозяйствования практически не оставалось, в результате чего они были вынуждены продвигаться в центральные и северные районы Приморья, осваивая лесные массивы дальневосточной тайги.

Особенностью, отличавшей крестьянские поселения Южно-Уссурийского края, была этническая и региональная неоднородность, что способствовало процессам этнокультурной интеграции и ассимиляции. В то же время в компактных поселениях украинцев и белорусов традиционно-бытовая культура оказалась более устойчивой к внешнему влиянию.

Исследование хозяйственной деятельности переселенцев в конце XIX – начале XX в. показало достаточно высокую степень её стабильности (особенно в компактных поселениях, удаленных от крупных торговых и промышленных центров), что нашло отражение в сохранении привычных принципов и форм земледелия, хозяйственного уклада, традиционной одежды. Изменения в хозяйственно-бытовой культуре украинцев и белорусов Приморья (распространение новых форм и методов землепользования, усовершенствованных орудий труда и т.д.) были следствием адаптации к природно-климатическим и социально-экономическим условиям, а также распространения среди сельского населения промысловой деятельности и отходничества.

Традиционная одежда украинских и белорусских крестьян-переселенцев в Приморье характеризовалась как общими чертами, так и отличалась рядом региональных и локальных особенностей. Этнорегиональная специфика традиционного костюма была зафиксирована в крое, конструктивных и декоративных приёмах оформления одежды. Использование домотканого полотна, традиционного кроя и специфической орнаментации отличало одежду украинцев и белорусов от таковой русского населения и других этнических групп, которая, помимо прочего, выполняла этнодифференцирующую функцию в

полиэтническом и поликонфессиональном окружении. Отличительной особенностью традиционной одежды была широкая вариативность в рамках локальных комплексов, что придавало индивидуальность и неповторимость каждому костюму при сохранении общих канонических черт, присущих данной традиции.

Преобладание в Приморье выходцев из Черниговской, Полтавской и Могилёвской губерний обусловило распространение в местах их компактных поселений специфических комплексов одежды, характерных для регионов Среднего Поднепровья (украинцы), Гомельского и Могилёвского Поднепровья (белорусы). В ходе исследования были зафиксированы следующие основные костюмные комплексы: 1) с плахтой/с юбкой-спидницей, характерный для украинцев – выходцев из восточной и центральной Украины; 2) с юбкой с нагрудником/лифом, типичный для украинцев из северных уездов Черниговской губернии, а также белорусов из северо-западных уездов Черниговской губернии; 3) с юбкой-саяном/спадницей, распространённый у белорусов северо-западных уездов Черниговской губернии, а также выходцев из Могилёвского и Гомельского Поднепровья; 4) с понёвой, характерный для белорусов гомельско-брянско-черниговского пограничья, в том числе уроженцев северо-западных уездов Черниговской губернии.

Анализ миграционных потоков, а также географии расселения переселенцев позволил выделить места локализации основных традиционных комплексов украинской и белорусской одежды в Приморье. Комплексы украинского костюма (уроженцев Черниговской и Полтавской губерний), в современных административных границах, были отмечены в сёлах Спасского, Черниговского, Чугуевского, Кировского и Ханкайского районов. Основные комплексы белорусского костюма, характерные для Могилёвского и Гомельского Поднепровья, включая районы гомельско-брянско-черниговского пограничья, были зафиксированы в местах компактного расселения белорусов-могилёвцев (ряд сёл Дальнереченского и Черниговского районов) и черниговцев – выходцев

из северо-западных уездов Черниговской губернии (сёла Партизанского, Шкотовского, Чугуевского районов, а также Артёмовского городского округа).

Исследование орнаментации одежды украинских и белорусских крестьян-переселенцев в Приморье показало широкий спектр декоративных приёмов и техник оформления традиционного костюма. Региональные и локальные особенности орнаментации одежды были отмечены в цветовых предпочтениях, композиционном строе и характере орнамента. Выявлено, что в декорировании одежды белорусских переселенцев предпочтение по традиции отдавалось геометрическому орнаменту, монохромной вышивке красными или белыми нитками, декоративно-конструктивным швам, ажурным расшивкам. В композиционном строе сорочек использовались в основном полосы линейного орнамента, расположенные сверху рукава и на поликах. В орнаментации одежды украинских переселенцев чаще применялись растительно-геометризованные и растительные элементы, двухцветная (красно-черная) вышивка, фестончатые сборки, мережки. В построении орнаментальной композиции, помимо линейного бордюра на поликах и подоле женских сорочек, широко использовались цветочные розетки, заполняющие в шахматном порядке всё поле рукава.

В целом, наибольшая устойчивость традиционных видов и способов орнаментации отмечена в одежде белорусских переселенцев конца XIX – начала XX в., в которой сохранилось больше архаичных элементов. В оформлении одежды украинских и белорусских переселенцев в последующее время прослеживаются трансформации, связанные с распространением фабричных тканей, тиражированием печатных стилизованных узоров, вытеснением старинных видов швов вышивкой крестом, использованием полихромной цветовой гаммы, применением в качестве декора бисера, пайеток, тесьмы и т.д.

Анализ обрядовой функции костюма украинцев и белорусов позволил выявить достаточно высокий семиотический статус таких компонентов одежды, как сорочка, пояс, рушник, кожух, обувь, головной убор и причёска. Особенно полно обрядовая роль одежды отражена в свадебном цикле, в частности, в кульминационном обряде «покрывания» или «завивания» невесты, который

достаточно долго функционировал на территории Приморья. Очень устойчивой оказалась традиция, связанная с использованием рушника для украшения могильных памятников в похоронно-поминальном обрядовом комплексе потомков белорусских переселенцев, фиксировавшаяся ещё в начале ХХI в. в сёлах Приморского края. В календарном цикле наиболее ярко обрядовый характер одежды проявился в святочной традиции ряжения, отмеченной региональными особенностями в виде новых персонажей из представителей этнокультурного окружения переселенцев (китайцев, корейцев, коренных народов Приморья).

В целом, традиционный костюм украинцев и белорусов Приморья показал стабильность базовых структурных компонентов с достаточно хорошими адаптивными возможностями. Будучи ярким маркером этнической идентичности, традиционный костюм воспринимался как часть прежней родины, модель которой переселенцы старались воссоздать на новом месте. Устойчивость базисных форм традиционного костюма украинских и белорусских крестьян-переселенцев была обусловлена рядом факторов, среди которых: однородность в этнокультурном отношении и компактность расселения выходцев из одной губернии (зачастую из одного уезда и даже села); сохранение основ хозяйственно-бытового уклада, привнесённых из мест выхода; следование традиционным установкам в различных сферах народно-бытовой культуры, в том числе в системе семейной и календарной обрядности.

При общей стабильности в традиционном костюме украинцев и белорусов Приморья наблюдались и изменения, происходившие с разной динамикой на отдельных исторических этапах. Трансформации традиционной одежды были обусловлены природно-климатическими, этнокультурными, социально-экономическими и социокультурными факторами. В результате исследования были выявлены основные этапы трансформаций традиционной одежды украинцев и белорусов Приморья. На первом этапе (конец ХIХ – начало ХХ в.) трансформации в основном были связаны с заимствованиями отдельных видов одежды у представителей иноэтнического и иносословного окружения, обусловленные адаптацией переселенцев к новой природной, этнической и

социокультурной среде. Трансформации, происходившие на втором этапе (1920-е – 1980-е гг.) в условиях переломных исторических событий, этнической интеграции, перестройки всего жизненного уклада, стали причиной утраты традиционным костюмом своих функций и постепенным вытеснением его из живого бытования в сценическое пространство. Трансформации современного периода (с 1990-х гг.) связаны с возрождением традиционного костюма в качестве транслятора этнических традиций и объекта историко-культурного наследия украинских и белорусских переселенцев в Приморье в условиях этноренессанса, а также с проблемами его интерпретаций и репрезентаций в контексте глобализационных процессов.

На основе анализа материалов диссертации удалось установить, что степень изменчивости и устойчивости различных компонентов одежды на разных временных этапах была неодинаковой. Достаточно быстро вышли из употребления такие виды архаичной одежды, как плахта, понёва, свитка. При этом этноопределяющую функцию украинских и белорусских переселенцев в первой половине XX в. продолжали выполнять традиционные вышитые мужские и женские сорочки, а также фартуки в женском костюме. В процессе адаптации к местным природно-климатическим условиям, к иноэтнической среде украинские и белорусские переселенцы, вслед за старообрядческим населением, перенимали отдельные элементы традиционного костюма коренных народов Приморья, что нашло отражение в промысловой одежде и обуви.

Распространение фабричных тканей и городской моды в первой половине XX в. способствовало отказу от привычных форм одежды, изменениям в традиционном крое, декорировании одежды, появлению новых фасонов и элементов городского костюма, что привело к постепенному вытеснению традиционной одежды костюмом общеевропейского типа. В послевоенные годы этот процесс практически завершился, хотя некоторые элементы народной одежды, в частности, венки в костюме невесты, женские платки и фартуки долгое время продолжали бытовать в приморских сёлах.

В советское и постсоветское время получает распространение стилизованная версия традиционного костюма в качестве сценического варианта одежды участников фольклорных коллективов. Одновременно возрастает роль национального костюма как этнокультурного маркера участников национально-культурных общественных организаций. Общие тенденции, характеризующие трансформации традиционного костюма в этот период, связаны с преобладанием развлекательно-игровой и эстетической составляющих в репрезентациях явлений традиционной культуры. В отличие от первого этапа, для которого была характерна межпоколенная передача этнических традиций, в постсоветский период трансляция этнических особенностей традиционной культуры осуществляется, главным образом, за счёт средств массовой коммуникации, в первую очередь – интернета, что зачастую способствует распространению заимствованных, неаутентичных традиций. Важную роль в продвижении этнокультурных традиций украинцев и белорусов Приморья в настоящее время приобретают различные проекты (конференции, этноуроки, выставки, фестивали, мастер-классы и т.п.), реализуемые как на уровне регионального управления, так и благодаря индивидуально-личностным инициативам.

В целом, исследование механизмов сохранения и репрезентации украинского и белорусского костюма в Приморье на современном этапе позволило выявить наиболее актуальные и перспективные формы, среди которых: 1) использование различных видов научно-просветительской деятельности, в том числе: проведение научно-практических конференций, обучающих лекций, семинаров, мастер-классов для специалистов и широкого круга заинтересованных лиц; 2) организация проектно-выставочной деятельности с привлечением современных мультимедийных технологий, изданием специализированных каталогов, буклетов и т.п.; 3) разработка методов и технологий реконструкции традиционного костюма; 4) реализация способов моделирования сценических костюмов участников фольклорных коллективов; 5) проектирование современной одежды на основе традиционных конструктивных и декоративных форм народного костюма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1.1. Архивные материалы

*Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока
(РГИА ДВ)*

1. Ф. 2. Приморское областное по крестьянским делам присутствие г. Владивосток (1900-1922 гг.). Оп. 1. Д. 127.
2. Ф. 2. Оп. 2. Д. 467.
3. Ф. 2. Оп. 4. Д. 98.
4. Ф. 52. Старший фабричный инспектор Приморской области Министерства торговли и промышленности г. Владивосток. Оп. 1. Д. 98.

Государственный архив Приморского края (ГАПК)

1. Фонд 1. Заведующий переселенческим делом Приморского района (1906-1920 гг.). Оп. 1. Ед. хр. 32, 33.
2. Фонд 36. Оп. 1. Д. 176.

Архив Дальневосточного Отделения Российской академии наук (ДВО РАН)

1. Ф. 13. Полевые отчёты Ю. В. Аргудяевой за 1971 и 1976 г. Оп. 1. Д. 2, 59.
2. Ф. 13. Полевые отчёты Л. Е. Фетисовой за 1972 г. Оп. 1. Д. 21.

1.2. Собрания музеев Приморского края

1. Историко-краеведческий музей Артёмовского городского округа (г. Артём)
2. Историко-краеведческий музей им. И. Д. Бронниковой (с. Хороль Хорольского района Приморского края)
3. Музей археологии и этнографии ДВФУ (г. Владивосток)

4. Музей археологии и этнологии Дальнего Востока Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)
5. Музей истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева (г. Владивосток)
6. Музей МБОУ СОШ № 7 (с. Новомихайловка Чугуевского района Приморского края)
7. Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Уссурийский музей» (г. Уссурийск)
8. Народный музей Школы педагогики Дальневосточного Федерального университета (г. Уссурийск)
9. Спасский краеведческий музей им. Н. И. Береговой (г. Спасск-Дальний)

3.2. Полевые материалы автора

1. Полевые материалы автора (ПМА). Приморский край, Шкотовский район, с. Новонежино (февраль, 2004 г.)
2. ПМА. Приморский край, г. Владивосток (ноябрь, 2018 г.)
3. ПМА. Приморский край, гг. Владивосток, Уссурийск, Артём (январь, июль, август, 2019 г.)
4. ПМА. Приморский край, Спасский район, г. Спасск-Дальний; Хорольский район, с. Хороль (июль, октябрь, 2020 г.)
5. ПМА. Приморский край. Михайловский район, с. Николаевка, с. Отрадное (август, 2022 г.)

1.4. Визуальные источники

Фотоматериалы музеев:

1. Историко-краеведческий музей Артёмовского городского округа (г. Артём)
2. Музей археологии и этнографии ДВФУ (г. Владивосток)
3. Музей истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева (г. Владивосток)
4. Музей истории древнебелорусской культуры Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (г. Минск, Республика Беларусь)
5. Спасский краеведческий музей им. Н. И. Береговой (г. Спасск-Дальний)

Фотоматериалы личных архивов:

1. Личный архив А. В. Апанасенко
2. Личный архив Ю. В. Аргудяевой
3. Личный архив С. Н. Макаркина
4. Личный архив И. В. Стрельцовой

1.5. Аудиоисточники

1. Личный архив И. В. Стрельцовой (копии аудиозаписей фольклорно-этнографических экспедиций ансамбля народной музыки «Традиция» в сёла Хорольского, Кировского, Партизанского и Шкотовского районов Приморского края с 1992 по 1995 гг.)

1.6. Статистические материалы

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Национальный состав населения по регионам РСФСР [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly : информ. бюллетень статистических показателей. — Режим доступа:

- http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1374 (дата обращения: 20.03.2018).
2. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly : информ. бюллетень статистических показателей. — Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php?reg=11&gor=3&Submit=OK (дата обращения: 20.03.2018).
 3. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly : информ. бюллетень статистических показателей. — Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php?reg=8 (дата обращения: 20.03.2018).
 4. Всесоюзная перепись населения 1970 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly : информ. бюллетень статистических показателей. — Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php?reg=8 (дата обращения: 20.03.2018).
 5. Всесоюзная перепись населения 1979 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly : информ. бюллетень статистических показателей. — Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php?reg=8 (дата обращения: 20.03.2018).
 6. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly : информ. бюллетень статистических показателей. — Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=8 (дата обращения: 20.03.2018).
 7. Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly : информ. бюллетень статистических показателей. — Режим доступа:

http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=81 (дата обращения: 20.03.2018).

8. Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly : информ. бюллетень статистических показателей. — Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=84 (дата обращения: 20.03.2018).
9. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятичники. Том III (текст). Составил А. А. Меньщиков. Под ред. А. А. Татищева / А. А. Меньщиков. — Саратов : [б. и], 1912.
10. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятичники. Том IV (описание селений). Составил А. А. Меньщиков. Под ред. А. А. Татищева / А. А. Меньщиков. — Саратов : [б. и], 1912.
11. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Новосёлы, наделенные по душевой норме. Том V (Таблицы и текст). Составил А. А. Меньщиков. Под ред. Б. Н. Клепинина / А. А. Меньщиков. — Владивосток : [б. и], 1914.
12. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Том VI (Таблицы). Выпуск второй. Бюджеты Приморских крестьян. Составил А. А. Меньщиков. Под ред. Б. Н. Клепинина / А. А. Меньщиков. — Владивосток : [б. и], 1917.
13. Опыт анкетного обследования кустарно-ремесленной промышленности Приморской области / Под ред. Члена Делопроизводителя Комитета Н. П. Первушина и члена комитета Л. И. Звездина. Хабаровск : тип. канцелярии Приамурского Генерал-Губернатора, 1913.
14. Опыт исследования экономического положения новосёлов 1906, 1907 и 1908 гг. в Приморской области, по данным подворно-статистического обследования в декабре и в январе 1909 годов / Под ред. М.Н. Савинского. Владивосток : Изд. примор. обл. стат. комитета, 1910. — 96 с.

15. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел / под ред. Н. А. Тройницкого. XLVIII. Черниговская губерния. Спб.: Типография Т-ва «Народная польза», 1905. С. 13.

1.7. Публицистические источники

1. «Здесь сердце моё живет». 100 лет селу Лобановка. – Дальнереченский район, 2007. – 45 с.
2. «О Лобановке, о малой родине, с любовью...». – Владивосток : «Альфа-принт», 2012. – 159 с.
3. Погребной, Г. М. «Земля богом любима». 100 лет селу Боголюбовка. – Дальнереченский район, 2007. – 24 с.

1.8. Справочные материалы

1. Ганич, Д. И., Олейник, И. С. Русско-украинский, украинско-русский словарь. – 7-е изд. доп. и перераб. – Киев : А. С. К., 1998. – 560 с.
2. Грабчыкаў, С. М. Беларуска-рускі слоўнік. – 3-е выд., дап. і перапрац. – Мінск : Нар. асвета, 1991. – 349 с.
3. Матейко, К. І. Український народний одяг. Етнографічний словник. – Київ : Наукова думка, 1996. – 196 с.
4. Словарь русских говоров Приамурья / Сост. Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец ; Отв. ред. Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1983. – 342 с.
5. Список сёл Приморского края [Электронный ресурс] / Переселенческий пункт // Приморская краевая публичная библиотека им. А. М. Горького. – Режим доступа: <http://relocation.pgpb.ru/history/village.html> (дата обращения: 15.06.2020).

1.9. Фольклорные материалы

1. Семёнова, И. В., Семёнов, О. В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. – Владивосток : [б. и], 2003. – 125 с.
2. Традиционная свадьба: Свадебный обряд переселенцев Черниговской губернии в Приморье / Сост. : И. В. Семёнова. – Владивосток : [б. и], 1998 . – 118 с.
3. Фольклор Дальнеречья, собранный Е. Н. Сыстеровой и Е. А. Ляховой. Сборник / Сост. : Л. М. Свиридова. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1986. – 288 с.

2. СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

2.1. Литература на русском языке

1. Амброз, А. К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») / А. К. Амброз // Советская археология. – 1965. – № 3. – С. 14-27.
2. Аргудяева, Ю. В. Белорусы-литвины в Приморье (конец XIX в.) / Ю. В. Аргудяева // Проблемы культуры Дальнего Востока: Тезисы докладов науч. конф. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 1993. – С. 15–18.
3. Аргудяева, Ю. В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.). – М. : ИЭА РАН, 1997. – 314 с.
4. Аргудяева, Ю. В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). – М. : ИЭА РАН, 1993. – 261 с.
5. Аргудяева, Ю. В. Проблемы этнической истории восточных славян Приморья и Приамурья / Ю. В. Аргудяева // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. Доклады и сообщения научной

- конференции. – Южно-Сахалинск : Сахалинский центр документации новейшей истории, 1994. – С. 18-28.
6. Аргудяева, Ю. В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. – М. : [б.и.], 2000. – 365 с.
 7. Аргудяева, Ю. В. Трансформация хозяйственной деятельности старообрядцев Приморья / Ю. В. Аргудяева // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций. – Владивосток : Дальнаука, 2004. – С. 109-121.
 8. Аргудяева, Ю. В. Хозяйственная адаптация старообрядцев в Приморье / Ю. В. Аргудяева // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. : Сб. науч. ст. – Владивосток : ДВО РАН, 2000. – С. 8-26.
 9. Аргудяева, Ю. В. Этнодемографическая история украинцев в сельских районах Дальнего Востока России (вторая половина XIX в. – начало XX в.) / Ю. В. Аргудяева // Украинцы на Дальнем Востоке: история и современность. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – С. 48-64.
 10. Арсеньев, В. К. Быт и характер народностей Дальневосточного края. – Хабаровск-Владивосток : Книжное дело, 1928. – 84 с.
 11. Арсеньев, В. К. Население Дальнего Востока как производительный фактор. – М. : [б. и], 1926. – 14 с.
 12. Арутюнов, С. А. Адаптивное значение культурного полиморфизма / С. А. Арутюнов // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 4. – С. 41-56.
 13. Арутюнов, С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М. : Наука, 1989. – 247 с.
 14. Багашев, А. Н. Фёдоров, Р. Ю. Историко-этнографические аспекты жизни белорусских крестьян-переселенцев на Дальнем Востоке / А. Н. Багашев, Р. Ю. Фёдоров // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 2. – С. 99-105.
 15. Багновская, Н. М. Традиционный народный костюм Чернигово-Северщины XIX – начала XX в. как отражение этноисторических процессов / Н. М.

- Багновская // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 3. – С. 291-295.
16. Байбурин, А. К. Пояс (к семиотике вещей) / А. К. Байбурин // Сборник музея антропологии и этнографии. Из культурного наследия народов Восточной Европы. – СПб. : Наука, 1992. – С. 5-13.
 17. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб. : Наука, 1993. – 253 с.
 18. Байбурин, А. К. Ритуал: свое и чужое / А. К. Байбурин // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Сборник научных трудов / Отв. ред. Б. Н. Путилов. – Л. : Наука, 1990. – С. 3-17.
 19. Байбурин, А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей / А. К. Байбурин // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / Отв. ред. А. С. Мыльников. – Л. : Наука, 1989. – С. 63-88.
 20. Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование: Монография / Отв. ред. Р. А. Григорьева, М. Ю. Мартынова. – М. : Изд-во РУДН, 2005. – 378 с.
 21. Белорусы / Отв. ред. В. К. Бондарчик, Р. А. Григорьева, М. Ф. Пилипенко. – М. : Наука, 1998. – 503 с.
 22. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры / Е. Ф. Фурсова, А. В. Титовец (руководители авторского коллектива), А. А. Люцидарская и др. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – 424 с.
 23. Богатырев, П. Г. Вопросы теории народного искусства. – М. : Искусство, 1971. – 523 с.
 24. Богдан, П. А. Пояс в традиционной материальной и духовной культуре белорусов [Электронный ресурс] / П. А. Богдан // Рынок легкой промышленности. – 2012. – № 103. – Режим доступа: <http://rustm.net/catalog/article/2167.html> (дата обращения: 12.06.2014).

25. Богдан, П. А. Традиционные пояса белорусского Поднепровья / П. А. Богдан // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. Материалы 11-й международной научной конференции / под ред. Н. М. Калашниковой. – СПб. : СПГУТД, 2008. – С. 160-165.
26. Богдан, П. А. Традиционные белорусские пояса Поозерья / П. А. Богдан // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. Материалы 12-й международной научной конференции / под ред. Н. М. Калашниковой. – СПб. : СПГУТД, 2009. – С. 264-268.
27. Богдан, П. А. Платки в традиционном костюме белорусов / П. А. Богдан // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: матер. XVI междунар. науч. конф. / под ред. Н. М. Калашниковой. – СПб. : ФГБОУВПО «СПГУТД», 2013. – С. 100-105.
28. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса. – М. : Наука, 1983. – 412 с.
29. Буссе, Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах / Ф. Ф. Буссе. – СПб. : Тип. т-ва «Общественная Польза», 1896. – [4], IV, 165, [1], 57 с., [1] л. карт.: табл.
30. Ващук, А. С. Чернолуцкая, Е. Н., Королева, В. А., Дудченко, Г. Б., Герасимова, Л. А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. – Владивосток : ДВО РАН, 2002. – 228 с.
31. Верещагин, П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). – Минск : Изд-во Белорусского государственного ун-та, 1978. – 144 с.
32. Винникова, М. Н. Реконструкция локальных вариантов традиционного белорусского костюма с использованием материалов из собраний музеев России и Беларуси / М. Н. Винникова // Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Рос. акад. наук / Рос. акад. наук, Музей антропол. и этногр. им. Петра Великого ; редкол. : Ю. К. Чистов [и др.] ; отв. ред. А. А. Новик. – СПб. : Наука, 2013. – Т. 58 : Европейское культурное пространство в коллекции МАЭ. – С. 325-359.

33. Винникова, М. Н. О реконструкции смыслового значения и способов ношения женских головных уборов Туровщины (по материалам белорусской коллекции МАЭ) / М. Н. Винникова // Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Рос. акад. наук / Рос. акад. наук, Музей антропол. и этногр. им. Петра Великого ; редкол. : Ю. К. Чистов [и др.] ; отв. ред. А. А. Новик. – СПб. : Наука, 2011. – Т. 57 : Культурное наследие народов Европы. – С. 93-110.
34. Виноградова, Л. Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. – М. : Индрик, 2016. – 384 с.
35. Гаген-Торн, Н. И. К методике изучения одежды в этнографии СССР / Н. И. Гаген-Торн // Советская этнография. – 1933. – № 3-4. – С. 119-135.
36. Гаген-Торн, Н. И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы / Н. И. Гаген-Торн // Советская этнография. – 1933. – № 5-6. – С. 76-88.
37. Гасюк, Е. О., Степан, М. Г. Художественное вышивание. – Киев : Вища школа. Головное изд-во, 1981. – 240 с.
38. Георгиевский, А. П. Диалектология ДВ края в связи с этнологией. – Владивосток : [б. и.], 1930.
39. Георгиевский, А. П. Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк. Выпуск 2-й. Вопрос о русских говорах побережья залива Петра Великого. – Владивосток : тип. Дальневосточного государственного университета, 1927.
40. Георгиевский, А. П. Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк. Выпуск IV. Фольклор Приморья. – Владивосток: тип. Дальневосточного государственного университета. 1929.
41. Головацкий, Я. Ф. О народной одежде и убранстве русинов или русских в Галичине и северо-восточной Венгрии. – СПб.: тип. В. Кишбаума, 1877. – 85 с.
42. Головнёв, А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). – Екатеринбург : УрО РАН ; «Волот», 2009. – 496 с.

43. Головнёв, А. В. Колонизация в антропологии движения / А. В. Головнёв // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 2 (23). – С. 4-14.
44. Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья / Ред.-составитель М. Ю. Мартынова. – М. : ИЭА РАН, 2012. – 440 с.
45. Григорьева, Р. А. На перекрестке культур трех восточнославянских народов / Р. А. Григорьева // Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья. – М. : ИЭА РАН, 2012. – С. 15-53.
46. Гринкова, Н. П. Русская понева юго-западных районов РСФСР / Н. П. Гринкова // Сборник музея антропологии и этнографии: [научные статьи]. – М., Л., 1949. – Т. 12. – С. 5-42.
47. Гринкова, Н. П. Термины вышивания в русских диалектах / Н. П. Гринкова // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. – Л., 1939. – Т. XX. – С. 173-191.
48. Грум-Гржимайло, Г. Е. Описание Амурской области / сост. Г. Е. Грум-Гржимайло ; под ред. [и с предисл.] П. П. Семенова. – СПб. : типо-лит. и переплетная С. М. Николаева, 1894. – 640 с.
49. Грысык, Н. Е. Белорусская одежда в собрании МАЭ / Н. Е. Грысык // Из культурного наследия народов Восточной Европы: [Сборник статей]. – СПб. : Наука, 1992. (Сборник МАЭ; т. 45). – С. 111-121.
50. Гура, А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. – М.: Индрик, 2011. – 936 с.
51. Домашний быт малоросса Полтавской губернии Хорольского уезда (Священника А. Иваницы) // Этнографический сборник. Собрание местных этнографических описаний России. – СПб.: [б. и.], 1853. – № 1. – С. 342-346.
52. Ермак, Г. Г. Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России: Вторая половина XIX – начало XX века. – Владивосток : Дальнаука, 2004. – 173 с.
53. Ермак, Г. Г. Этнокультурная история и этническое самосознание украинского населения юга Дальнего Востока России / Г. Г. Ермак //

- Украинцы на Дальнем Востоке : история и современность. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – С. 75-84.
54. Жигунова, М. А. Современные проблемы изучения, сохранения и использования народного костюма в Сибири / М. А. Жигунова // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2017. – № 1 (13). – С. 176-179.
 55. Жигунова, М. А., Захарова, И. В. Культура восточных славян в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского. – Омск : Издат. дом «Наука», 2009. – 266 с.
 56. Зайцева, Л. М. К вопросу о происхождении женского костюма Бирюченского уезда Воронежской губернии / Л. М. Зайцева // Государственный Русский музей. Народное искусство. Материалы и исследования. Выпуск II. Сборник статей. – Спб. : PALACE EDITIONS. – С. 153-157.
 57. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография. – М. : Наука, 1991. – 511 с.
 58. Зимина, Т. А. Знаковые функции орнаментики традиционного женского костюма (на материале белгородской коллекции Т. А. Лопатиной) / Т. А. Зимина // Музей. Традиции. Этничность. XX – XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского Этнографического музея. – СПб. ; Кишинев : Nestor-Historia, 2002. – С. 114-119.
 59. Изобразительные мотивы в русской народной вышивке. Музей народного искусства. Альбом / Сост. : Г. П. Дурасов, Г. А. Яковлева. – М. : Советская Россия, 1990. – 317 с.
 60. Кабузан, В. М. Как заселялся Дальний Восток : вторая половина XVII - начало XX века / В. М. Кабузан. – 2-е изд., доп. – Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1976. – 198 с.
 61. Калашникова, Н. М. К вопросу о дефинициях: реконструкция –копия – реплика костюма / Н. М. Калашникова // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2009. – Т. 186. – С. 97-100.

62. Калашникова, Н. М. Стилистические особенности фольклорного сценического костюма в театральном действии / Н. М. Калашникова // Труды Санкт-Петербургского института культуры. – 2012. – Т. 194. – С. 101-105.
63. Калашникова, Н. М. Семиотические функции народного костюма / Н. М. Калашникова // Музей. Традиции. Этничность. XX – XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского Этнографического музея. – СПб. ; Кишинев : Nestor-Historia, 2002. – С. 222-226.
64. Кауфман, А. А. Переселение и колонизация. / А. А. Кауфман. – СПб. : тип. т-ва «Общественная польза», 1905. – 349 с.
65. Китова, С. Полотняний літопис України: Семантика орнаменту українського рушника / С. А. Китова. – 2-е вид. – Черкаси : Брама, 2003. – 224 с.
66. Князева, М. Б. Заимствование элементов военной формы гражданской модой после первой мировой войны / М. Б. Князева // Культурное наследие России. – 2014. – № 2. – С. 57-60.
67. Кобко, В. В. Старообрядцы Приморья: история, традиции (сер. XIX в. – 30 гг. XX в.). – Владивосток : Изд-во Приморского полиграфкомбината, 2004. – 214 с.
68. Кобко, В. В. Традиционная одежда старообрядцев Приморья / В. В. Кобко // Русская народная одежда : ист.-этногр. очерки. – М. : Индрик, 2011. – С. 605-648.
69. Козлов, В. И. О некоторых проблемах этнической экологии / В. И. Козлов // Этноэкологические аспекты духовной культуры. – М. : ИЭА РАН, 2005. – С. 15-32.
70. Комарова, С. В. Этноклуб «Параскева» в Российском этнографическом музее: 10 лет сотрудничества / С. В. Комарова // Музей. Традиции. Этничность. XX – XXI вв. – СПб. ; Кишинев : Nestor-Historia, 2002. – С. 359-367.

71. Коровушкин, Д. Г. Диаспоры в Западной Сибири: особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX – начале XXI в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.07 / Д. Г. Коровушкин. – Новосибирск, 2009. – 46 с.
72. Косич, М. Н. Литвины-белорусы Черниговской губернии: их быт и песни. – Спб. : тип. князя В. П. Мещерского, 1902. – 128 с.
73. Космина, Т. В., Васина З. А. Украинский свадебный наряд. Этнографические реконструкции. – Киев : Мыстэцтво, 1989. – 18 с.
74. Костюм в русском стиле : Городской вышитый костюм конца XIX – начала XX века / сост. Л. Скляр, вступ. сл. Д. Разумихиной. – М. : ООО Бослен, 2014. – 240 с.
75. Крюков, Н. А. Очерк сельского хозяйства в Приморской области / [Соч.] Н. А. Крюкова. – СПб. : тип. В. Безобразова и К, 1893. – 32 с.
76. Курилович, А. Н. Белорусское народное ткачество. / А. Н. Курилович. – Минск : Наука и техника, 1981. – 120 с.
77. Куфтин, Б. А. Материальная культура русской мещеры. Ч. 1. Женская одежда: рубаха, понева, сарафан. – М.: тип. «Тайнинский Печатник», 1926. – 142 с.
78. Лебедева, Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX - начале XX в. / Н. И. Лебедева // Восточнослав. этногр. сб. : очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. (Тр. Ин-та этнографии им Н. Н. Миклухо-Маклая, нов сер. Т. XXXI). – М. : Изд-во АН РАН, 1956. – с. 461-540.
79. Лебедева, Н. И. Материальная культура русского населения западных областей (во второй половине XIX – начале XX в.) / Н. И. Лебедева // Науч. тр. : в 2 т. / Н. И. Лебедева ; Рязан. этнограф. весн. ; отв. ред.-сост. и авт. прим. Б. А. Горбунова. – Рязань : Рязан. обл. центр нар. творчества, 1996. – Т II. – С. 99-132.
80. Лебедева, Н. И. Русская крестьянская одежда XIX – начало XX века / Н. И. Лебедева // Науч. тр. : в 2 т. / Н. И. Лебедева ; Рязан. этнограф. весн. ; отв.

- ред.-сост. и авт. прим. Б. А. Горбунова. – Рязань : Рязан. обл. центр нар. творчества, 1996. – Т II. – С. 134-175.
81. Лебедева, Н. И. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-ом, 1926-ом годах). Ч. I . Народный костюм, пряденье и ткачество. – М. : [б. и.], 1927. – 164 с.
 82. Липинская, В. А. Историко-экологические особенности традиционной культуры русского населения Сибири и Дальнего Востока / В. А. Липинская // Россия и АТР. – 2003. – № 4. – С. 83-101.
 83. Листова, Т. А. Региональная специфика обрядовой культуры (на примере семейной обрядности) / Т. А. Листова // Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование: Монография / Отв. ред. Р. А. Григорьева, М. Ю. Мартынова. – М. : Изд-во РУДН, 2005. – С. 235-349.
 84. Листова, Т. А. Отражение представлений о загробном мире в похоронной одежде (российско-украинско-белорусское пограничье) / Т. А. Листова // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2017. – № 7. – С. 114-123.
 85. Листова, Т. А. Праздник встречи живых и умерших в пространстве кладбища. Современные календарные поминания на российско-украинско-белорусском пограничье / Т. А. Листова // *Memento Mori: Похоронные традиции в современной культуре* / Сост. А. Д. Соколова, А. Б. Юдкина; Отв. ред. Д. В. Громов. – М.: ИЭА РАН, 2015. С. 54-77.
 86. Листова, Т. А. Семейные обряды русско-белорусского пограничья в контексте этнополитической истории. XIX – начало XXI в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.07 / Т. А. Листова. – М., 2006. – 41 с.
 87. Личенко, С. И. Народное искусство Калужского края XIX – XX веков : Архитектур. деревян. резьба. Вышивка. Кружево. Игрушки : Очерки / С. И. Личенко. – Калуга : Фридгельм, 2001. – 117 с.

88. Лобачевская, О. А. Белорусский народный текстиль : художественные основы, взаимосвязи, новации. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 527 с.
89. Лобачевская, О. А., Зимина, З. И. Белорусский народный костюм. – Минск : Беларус. навука, 2009. – 279 с.
90. Логика трансформаций: региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов / Морозов И. А, Слепцова И. С., Самоделова Е. А., Куприянов П. С., Чеснокова Е. Г.; отв. ред. И. А. Морозов, И. С. Слепцова. – М. : Индрик, 2019. – 992 с.
91. Лопатин, И. А. Местная этнография как вид родиноведения и краеведения. – Владивосток : [б. и], 1918. – 18 с.
92. Лотман, Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин : Александра, 1992. – 479 с.
93. Лысенко, О. В. Выставочный проект «Орнамент: миф и структура: опыт визуализации исследовательской концепции орнамента / О. В. Лысенко // Орнаментика в артефактах традиционных культур: Материалы Пятнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. – Спб. : ИПЦ СПбГУТД, 2016. – С. 334-337.
94. Лысенко, О. В. «Красный пояс» : цветовой и предметный коды в восточнославянской этнокультурной традиции / О. В. Лысенко // Музей. Традиции. Этничность. XX – XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского Этнографического музея. – СПб. ; Кишинев : Nestor-Historia, 2002. – С. 258-263.
95. Маркарян, Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции / Э. С. Маркарян // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 78-96.
96. Маслова, Г. С. Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды / Г. С. Маслова // Советская этнография. – 1954. – № 2. – С. 42-59.
97. Маслова, Г. С. К методике полевого изучения орнамента / Г. С. Маслова // Полевые исследования института этнографии. – М. : Наука, 1977. – С. 235-243.

98. Маслова, Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. – М. : Наука, 1984. – 215 с.
99. Маслова, Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX - начале XX вв. / Г. С. Маслова // Восточнослав. этногр. сб. : очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. (Тр. Ин-та этнографии им Н. Н. Миклухо-Маклая, нов сер. Т. XXXI). – М. : Изд-во АН РАН, 1956. – С. 543-757.
100. Маслова, Г. С. Орнамент русской народной вышивки. – М. : Наука, 1978. – 205 с.
101. Моисеенко, О. В., Фетисова, Л. Е. Народно-бытовая культура белорусских переселенцев в Приморье / О. В. Моисеенко // Вестник ДВО РАН. – 2001. – № 3. – С. 37-52.
102. Молчанова, Л. А. Материальная культура белорусов. – Минск : Наука и техника, 1968. – 231 с.
103. Народное узорное шитье, тканье и вышиваніе, собрыныя К. Далматовымъ. – СПб. : [б. и], 1893.
104. Нехвядович, Л. И. Многообразие подходов к определению понятия «этническая традиция» / Л. И. Нехвядович // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4-3. – С. 179-184.
105. Никифировский, Н. Я. Очерки престопаго народного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности / Н. Я. Никифировский. – Витебск : Губерн. тип., 1895. – 552 с.
106. Николаева, Т. А. Народные конструктивно-художественные приёмы в традиционной и современной весенне-осенней верхней одежде украинцев / Т. А. Николаева // Советская этнография. – 1984. – № 3. – С. 14- 29.
107. Николаева, Т. А. Народное моделирование женской одежды и применение его традиций в современной практике (на материалах Украины) / Т. А. Николаева // Советская этнография. – 1977. – № 3. – С. 72-90.
108. Николаева, Т. А. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. – Киев : Наукова думка, 1988. – 246 с.

109. Николаева, Т. А. Художественные особенности народной украинской одежды конца XIX – начала XX в. как объект этнографического исследования / Т. А. Николаева // Советская этнография. – 1988. – № 6. – С. 105-121.
110. Одежда русских в коллекциях Новосибирского государственного краеведческого музея / Отв. ред. Н. А. Томилов, Д. Г. Коровушкин. – Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. – 192 с.
111. Октябрьская И. В., Самушкина Е. В. Этнокультурный ренессанс в современной Сибири: общая характеристика и региональный опыт (на примере Республики Алтай и Республики Хакасия) / И. В. Октябрьская, Е. В. Самушкина // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 4 (42). – С. 73-79.
112. Осипов, Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855-1917 гг. : Монография. 2-е издание, дополн. – Хабаровск : Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2008. – 168 с.
113. Осипова, Е. И. Ткачество. Новгородские традиции и современность. – М. : ООО «Издательский Дом «Художественная школа», 2009. – 216 с.
114. Пармон, Ф. М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества / Ф. М. Пармон. – М. : Изд-во В. Шевчук, 2012. – 272 с.
115. Пашина, О. А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. – Санкт-Петербург : ООО Издательство «Композитор», 2006. – 280 с.
116. Полесье. Материальная культура / В. К. Бондарчик, И. Н. Браим, Н. И. Бураковская. – Киев : Наук. думка, 1988. – 448 с.
117. Пономар, Л. Г. Народная одежда украинско-белорусского и украинско-польского пограничья: ареальный и этногенетический аспекты исследования / Л. Г. Пономар // Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья / Ред.-составитель М. Ю. Мартынова. – М. : ИЭА РАН, 2012. – С. 149-181.

118. Приморье: его природа и хозяйство: сборник статей, составленный Научно-просветительской секцией Приморского губернского выставочного бюро. – [Владивосток] : Дальневосточн. Госкнига, 1923. – 364 с.
119. Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021-2030 годы). – М. : [б.и.], 2020. – 149 с.
120. Радченко, З. Гомельские народные песни (белорусские и малорусские): записаны в Дятловицкой волости Гомельского уезда Могилевской губернии Зинаидой Радченко: с приложением 83 местных пословиц. – СПб. : Типография В. Безобразова и Комп., 1888. – 265 с.
121. Россия и народы Дальнего Востока: исторический опыт межнационального взаимодействия (XVII-XIX вв.) / Отв. Ред. В. А. Тураев. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2017. – 364 с.
122. Рубахи славян-переселенцев Дальнего Востока России: каталог / сост. В.М. Редчун. – Хабаровск : Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2007. – 128 с.
123. Рындина, О. М. Комплексная природа орнамента и методика ее исследования / О. М. Рындина // Археология, антропология и этнография Сибири. Сборник, посвященный памяти антрополога А.Р. Кима. – Барнаул : Изд-во АГУ, 1996. – С. 97-105.
124. Сабурова, Л. М. Одежда русского населения Сибири / Л. М. Сабурова // Из культурного наследия народов России. (Сборник МАЭ, т. 28). – Л. : Наука, 1972. – С. 99-139.
125. Сахуто, Е. М. Художественные ремесла и промыслы Белоруссии / Сахуто Е. М., Говор В. А. – Минск : Наука и техника, 1988. – 270 с.
126. Сборникъ великорусскихъ и малороссійскихъ узоровъ для вышиванія. – СПб. : [б. и], 1877.
127. Семёнова, И. В. Восточнославянское традиционное декоративно-прикладное искусство. Дальневосточная специфика [Электронный ресурс] / И. В. Семёнова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – №

5. – Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=14935> (дата обращения: 10.11.2019).
128. Семёнова, И. В. Песенная система фольклора Приморья: сравнительно-адаптационный аспект (на материале культуры черниговских переселенцев) : автореф. дис. ... канд. иск. н. / И. В. Семёнова. – Владивосток, 2006. – 26 с.
129. Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX – XX веке : монография / Н. С. Грибанова, И. В. Чернова, Н. В. Люля, А. С. Свидовская. – Барнаул : Алт ГПУ, 2017. – 306 с.
130. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. – М. : Междунар. отношения, 2002. – 512 с.
131. Смирнова, И. Ю. Возрастная дифференциация женской одежды Неглюбского строя [Электронный ресурс] / И. Ю. Смирнова // Навуковыя запіскі Веткаўскага музея народнай творчасці. – Гомель, 2004. – С. 107-110. – Режим доступа : <http://nashkraj.info/vozzrastnaya-differentsiatsiya-zhenskoj-o/> (дата обращения: 31.07.2020).
132. Смирнова, И. Ю. Женские головные уборы гомельско-брянского пограничья (Неглюбский регион) [Электронный ресурс] / И. Ю. Смирнова // Материалы международной научной конференции Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. – СПб., 2005. – С. 298-302. – Режим доступа: <http://nashkraj.info/zhenskie-golovnye-ubory-gomelsko-brya/> (дата обращения: 24.05.2020).
133. Смирнова, И. Ю. Неглюбский строй. Территория бытования как этнокультурный ареал [Электронный ресурс] / И. Ю. Смирнова // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 27 / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі; навук. рэд. А.І. Лакотка. — Мінск : Права і эканоміка, 2020. — С. 467-473. – Режим доступа: <http://nashkraj.info/neglyubskij-stroj-territoriya-bytovaniya-kak-etnokulturnyj-areal/> (дата обращения: 31.07.2020).
134. Смирнова, И. Ю. Понева-плахта в традиционном костюме гомельско-брянского пограничья (Неглюбский строй) [Электронный ресурс] / И. Ю.

- Смирнова // Единство и разнообразие славянского народного костюма. Сборник статей. – Смоленск, 2010. – С. 89-96. – Режим доступа: <https://etnos.ru/etnologiya/1891-poneva-plakhta-v-traditsionnom-kostyume-gomelsko-bryanskogo-pogranichya-neglyubskij-stroj.html> (дата обращения: 24.05.2020).
135. Соколова, В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX- начало XX в. – М. : Наука, 1979. – 287 с.
 136. Стародубец, С.Н., Белугина, О.В. Особенности функционирования обряда «проводы русалки» на территории брянско-гомельского пограничья / С. Н. Стародубец, О. В. Белугина // Вестник славянских культур. – 2016. – Т. 42. – С. 90-96.
 137. Степовой, Н. Малорусская народная одежда: Нежинский уезд / Н. Степовой // Киевская старина. – 1893. – Т. 41. – С. 272-284.
 138. Степовой, Н. Малорусская народная одежда: Козелецкий уезд / Н. Степовой // Киевская старина. – 1893. – Т. 43. – С. 444-450.
 139. Супинский, А. К. «Понева» и «вставка» в белорусской женской одежде. К вопросу об их культовом происхождении / А. К. Супинский // Советская этнография. – 1932. – № 2. – С. 102-136.
 140. Титов, В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов : XIX- начало XX в. – Минск : Наука и техника, 1983. – 152 с.
 141. Тишков, В. А. Введение. Историко-культурные адаптации: теория и результаты исследований / В. А. Тишков // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 5-10.
 142. Токарев, С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры / С. А. Токарев // Советская этнография. – 1970. – № 4. – с. 3-17.
 143. Толстая, С. М. Полесский народный календарь. – М. : Индрик, 2005. – 600 с.

144. Толстой, Н. И. К реконструкции семантики и функции некоторых славянских изобразительных и словесных символов и мотивов / Н. И. Толстой // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Сборник научных трудов. – Л. : Наука, 1990. – С. 47-67.
145. Топорков, А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры / А. Л. Топорков // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Ленинград : Наука, 1989. – С. 89-101.
146. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной императорским русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные д.чл. П. П. Чубинским. Т. 7, вып. 2. – Петербург : [б. и], 1877. – С. 412-433.
147. Украинское народное искусство. Одежда / Под общ. ред.: К. Г. Гуслистого. – Киев : Гос. изд-во изобразительного искусства и музыкальной литературы УССР, 1961. – 326 с.
148. Украинское народное творчество. Серия III. Рукодельные работы. Выпуск II. Ручники вышитые цветными нитками. Издание кустарного склада Полтавского губернского земства. – СПб. : тип. т-ва А. С. Суворина – «Новое время», 1913. – 28 с.
149. Украинцы / Ред.: Н. С. Полещук, А. П. Пономарев ; РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; Нац. академия Украины. Ин-т полит. и этнонац. исслед. – М. : Наука, 2000. – 534 с.
150. Унтербергер, П. Ф. Приморская область. 1856-1898 гг. Очерк П. Ф. Унтербергера. – СПб. : тип. В. Ф. Киршбаума, 1900. – 324 с.
151. Ушаков, Н. В. К вопросу классификации одежды восточных славян / Н. В. Ушаков // Сборник Музея антропологии и этнографии. – СПб. : Наука, 1982. Т. XXXVII. – С. 16-27.
152. Фадеева, О. Е. Белорусская народная вышивка. – Минск : Наука и техника, 1991. – 197 с.

153. Фёдоров, А. З. Опыт выработки льняного волокна в Южно-Уссурийском крае / Приморье : его природа и хозяйство: сборник статей, составленный Научно-просветительской секцией Приморского губернского выставочного бюро. – [Владивосток] : Дальневосточн. Госкнига, 1923. – С. 141-151.
154. Фёдоров, Р. Ю. Особенности традиционной культуры и динамика этнокультурных процессов у белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XXI в. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.07 / Р. Ю. Фёдоров. – Тюмень, 2020. – 429 с.
155. Фёдоров, Р. Ю., Богордаева, А. А. Историко-этнографические аспекты жизни белорусских крестьян-переселенцев в Приамурье в устных историях / Р. Ю. Фёдоров, А. А. Богордаев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 4. – С. 53-60.
156. Фетисова, Л. Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. – Владивосток : ОАО «Дальприбор», 2002. – 239 с.
157. Фетисова, Л. Е. Адаптационная роль фольклора в системе бытовой культуры первопоселенцев Приамурья и Приморья /Л. Е. Фетисова // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. : Сб. науч. ст. – Владивосток : ДВО РАН, 2000. – С. 26-35.
158. Фетисова, Л. Е., Ермак, Г. Г., Сердюк, М. Б. Традиционный восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.) : адаптационный аспект. – Владивосток : Дальнаука, 2004. – 192 с.
159. Фетисова, Л. Е. Традиционный фольклор и культурная адаптация восточных славян на юге Дальнего Востока / Л. Е. Фетисова // Славяне на Дальнем Востоке : проблемы истории и культуры. Доклады и сообщения научной конференции. – Южно-Сахалинск : Сахалинский центр документации новейшей истории, 1994. – С. 47-55.
160. Фетисова, Л. Е. Трансформация пространства культуры восточных славян на дальневосточном фронтире / Л. Е. Фетисова // Славянский мир в контексте развития Тихоокеанской России и международных отношений в

- АТР : Мат-лы научно-пракич. конф. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2015. – С. 114-128.
161. Фетисова, Л. Е. Хозяйственная и культурная адаптация восточных славян на юге Дальнего Востока / Л. Е. Фетисова // Этнос и природная среда. – Владивосток : Дальнаука, 1997. – С. 87-104.
 162. Фурсова, Е. Ф. Идентификационные функции верхней одежды сибирских старообрядцев Забайкалья и Алтая / Е. Ф. Фурсова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 446-450.
 163. Фурсова, Е. Ф. Символика традиционной одежды как проявление этнокультурных идентичностей «свои/другие» в Сибири / Е. Ф. Фурсова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2017. – Т. 24. № 2. – С. 63-66.
 164. Фурсова, Е. Ф. Традиционная одежда восточнославянских народов в Новосибирской области (конец XIX – первая половина XX века). – Новосибирск : ООО ПК «АРТПресс», 2013. – 68 с.
 165. Фурсова, Е. Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири. – Новосибирск : Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2015. – 296 с.
 166. Фурсова, Е. Ф. Трансформации традиционной одежды белорусов в Сибири / Трансформации в области традиционной материальной культуры народов Белоруссии и Сибири в XIX – начале XXI в. // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры / Е.Ф. Фурсова, А.В. Титовец (руководители авторского коллектива), А.А. Люцидарская и др. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – С. 294-321.
 167. Фурсова, Е. Ф., Васеха, Л. И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX – первой трети XX века (по материалам Новосибирской области). Ч 1. – Новосибирск : Агро-Сибирь, 2004. – 190 с.

168. Чернолуцкая, Е. Н. Украинцы в советском Приморье (1920-30-е гг.) / Е. Н. Чернолуцкая // Украинцы на Дальнем Востоке : история и современность. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – С. 65-74.
169. Черномаз, В. А. К 125-летию начала массового переселения украинцев на Дальний Восток / В. А. Черномаз // Украинцы на Дальнем Востоке : история и современность. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – С. 34-47.
170. Чижикова, Л. Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. – М. : Наука, 1988. – 256 с.
171. Чижикова, Л. Н. Традиционная женская одежда русских в Белгородской области / Л. Н. Чижикова // Полевые исследования Института этнографии. – М. : Наука, 1977. – С. 9-18.
172. Чижикова, Л. Н. Украинцы. Историко-этнографический очерк традиционной культуры. Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. IX. Кн. 1. – М. : ИЭА РАН, 1992. – 170 с.
173. Чистов, К. В. Фольклор. Текст. Традиция: Сб. ст. / К. В. Чистов. – М. : ОГИ, 2005. – 272 с.
174. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края : в 3 т. / П. В. Шейн. – СПб. : [б. и], 1902. – Т. 3. – 1902. – 536 с.
175. Шелегина, О. Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск : ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1992. – 252 с.
176. Шелегина, О. Н. Результаты и перспективы изучения адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – начало XX века) / О. Н. Шелегина // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2 (26). – С. 116-125.
177. Шелудько, В. О. История Черниговского района (1886-1917 гг.). – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – 100 с.

178. Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры / К. В. Чистов, М. Г. Рабинович, М. Н. Шмелева и др. ; Отв. ред. К. В. Чистов ; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М. : Наука, 1987. – 556 с.
179. Юдин, А. В. Русская народная духовная культура : Учеб. Пособие для студентов вузов. – М. : Высш. шк., 1999. – 331 с.
180. Якименко, Н. А. Переселение крестьян на Дальний Восток в конце XIX – начале XX в. (на примере выходцев с Украины) / Н. А. Якименко // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма. – Владивосток : ДВО РАН, 1989. – С. 81-92.

2.2. Литература на белорусском языке

181. Арнаменты Падняпроўя / аўт. тэксту Г. Р. Нячаева і інш. – Мінск : Бел. навука, 2004. – 606 с.
182. Беларускае народнае адзенне / [Л. А. Малчанова і інш.] ; пад рэд. В. К. Бандарчыка ; АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 96 с.
183. Віннікава, М. Н. Традыцыйны беларускі касцюм : альбом / Марыя Віннікава, Паліна Богдан. – Мінск : Беларуская навука, 2016. – 302 с.
184. Літвінава, Ю. Асаблівасці жаночага Брагінскага строю [Электронны ресурс] / Ю. Літвінава // Днепровский паром. Материалы научно-исследовательского полевого семинара «Культурно-исторический потенциал Восточного Полесья и перспективы развития регионального туризма» (11-12 августа 2016 г., г. Брагин). – Минск, 2017. – С. 21-28. – Режим доступа: <http://nashkraj.info/asablivastsi-zhanochaga-braginskaga-stroyu/> (дата обращения: 31.07.2020).
185. Маленка, Л. І. Беларускі народны касцюм / Л. І. Маленка. – Мінск : Ураджай, 2001. – 160 с.

186. Раманюк, М. Ф. Беларускае народнае адзенне : альбом / М. Ф. Раманюк. – Мінск : Беларусь, 1981.

2.3. Литература на українском языке

187. Кара-Васильєва, Т. Історія української вишивки [кніга-альбом] / Т. Кара-Васильєва. – Київ : Мистецтво, 2008. – 463 с.
188. Кара-Васильєва, Т. В. Полтавська народна вишивка. – Київ : Наукова думка, 1983. – 134 с.
189. Кара-Васильєва, Т. В. Українська вишивка: Альбом. – Київ : Мистецтво, 1993. – 263 с.
190. Кара-Васильєва, Т. В. Заволокіна, А. О. Українська народна вишивка: Альбом. – Київ : Лыбидь, 1996. – 90 с.
191. Кара-Васильєва, Т. В. Українська сорочка : Альбом. – Київ : Томіпіс, 1994. – 32 с.
192. Косміна, О. Мода і традиція : етностиль у миському костюмі (загадка світлини сестер Хоружинських) [Електронний ресурс] / О. Косміна // Франко : Наживо, 2020. – Режим доступа: <https://frankolive.wordpress.com/2020/06/24/пошуки-національного-стилю-наприкін/> (дата обращения: 26.06.2020).
193. Косміна, О. Ю. Традиційне вбрання українців. Т. 1. Лісостеп. Степ. – Київ : Балтія-Друк, 2008. – 160 с.
194. Косміна, О. Ю. Українське народне вбрання. – Київ : Балтія-Друк, 2006. – 64 с.
195. Косміна, О. Українське радичійне жіноче вбрання Київщини. Кінець ХІХ – поч. ХХ ст. – Київ : Хрещатик, 1994. – 29 с.
196. Матейко, К. І. Український народний одяг. – Київ : Наукова думка, 1977. – 224 с.
197. Народні вишивки / Рис.: Ф. Гриневич. – Львів : [б. и], 1930.

198. Нікішенко, Ю. І. Символіка рослинних орнаментів української вишивки на одязі початку XX ст. / Ю. І. Нікішенко // Наукові записки. Том 19. Теорія та історія культури / Національний університет «Києво-Могилянська академія». – 2001. – С. 30-35.
199. Ніколаєва, Т. Історія українського костюма. – Київ : Либідь, 1996. – 176 с.
200. Стельмахук, Г. Г. Традиційні головні убори українців / Галина Стельмахук. – Київ : Наукова думка, 1993. – 240 с.
201. Стельмахук, Г. Г. Давні вбрання на Волині: Етнографічно-мистецтвознавче дослідження: монографія / Галина Стельмахук. – Луцьк : Волинська обласна друкарня, 2006. – 280 с.

5.4. Література на англійському мові

202. Folk dress as a cultural phenomenon / Scientific editors : Anna Weronika Brzezinska, Mariona Tymochowicz. Wroclaw : Polish ethnological society. 2013. – 274 p.
203. Ignas, K. The przeworsk traditional costume in the folk costume exhibition in the Przeworsk Museum vs. 'Przeworsk dress' as a stage costume used by local folk performers / K. Ignas // Folk dress as a cultural phenomenon, Wroclaw : Polish ethnological society, 2013. – p. 191-208.
204. The invention of tradition / Edited by Eric Hobsbawm and Terence Ranger. Cambridge University Press, 2000. – 320 p.
205. The techniques of tablet weaving/ by Peter Collingwood. Published by Robin & Russ Handweavers, Inc. Mc Minnville, Oregon, U.S.A. 2002. – 319 p.
206. Tradition through modernity. Postmodernism and the Nation-State in Folklore Scholarship/ Pertti J. Anttonen. Finnish Literature Society. SKS. Helsinki, 2005. – 215 p.
207. Sheila Paine. Embroidered Textiles: A World Guide to Traditional Patterns. © 1990 and 2008 Thames & Hudson Ltd, London. – 240 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВГУЭС – Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

ГАПК – Государственный архив Приморского края

ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук

ДВФУ – Дальневосточный федеральный университет

ИИАЭ ДВО РАН – Институт истории, археологии и этнографии
Дальневосточного отделения Российской академии наук

ЛА – Личный архив автора

МБОУ СОШ – Муниципальное бюджетное образовательное учреждение средняя
общеобразовательная школа

МПК – Музей Приморского края (аббревиатура Музея истории Дальнего Востока
им. В. К. Арсеньева, используемая в маркировке музейных предметов)

МЭ – Музей (археологии и) этнографии ДВФУ

НВ – Научно-вспомогательный (шифр фонда Музея истории Дальнего Востока
им. В. К. Арсеньева)

ОФ – Основной фонд (музея)

ПМА – Полевые материалы автора

РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

СКМ – Спасский краеведческий музей

УМКП – Уссурийский музей краеведческий Приморский

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

1. Аллёнова Раиса Авраамовна, 1919 г.р., (родители – белорусские переселенцы), род. в с. Харитоновка Шкотовского района Приморского края. Место проживания: г. Владивосток.
2. Апанасенко Алла Владимировна, 1963 г.р., украинка, (предки – украинские переселенцы из Черниговской и Волынской губерний), род. в с. Орехово Дальнереченского района Приморского края. Место проживания: г. Владивосток.
3. Басова Софья Матвеевна, 1923 г.р., (родители – белорусские переселенцы), род. в с. Штыково Шкотовского района Приморского края. Место проживания: с. Шкотово Шкотовского района Приморского края.
4. Бахтина Федора Ивановна, 1905 г.р., (родители – белорусские переселенцы). Место проживания: с. Владимиро-Александровское Партизанского района Приморского края.
5. Бахур Вера Дмитриевна, 1937 г.р., (родители – белорусские переселенцы), род. в с. Николаевка Михайловского района Приморского края. Место проживания: с. Отрадное Михайловского района Приморского края.
6. Безуглая Меланья Федосеевна, 1912 г.р., (родители – украинские переселенцы). Место проживания: с. Перетино Партизанского района Приморского края.
7. Бичевина Дарья Никитична, 1926 г.р., (родители – белорусские переселенцы), род. в с. Николаевка Михайловского района Приморского края. Место проживания: с. Многоудобное Шкотовского района Приморского края.
8. Бовтрюк Любовь Григорьевна, 1944 г.р., украинка, род. в с. Фарбовано Яготинского района Киевской области. Место проживания: г. Владивосток.
9. Бугаец Петр Прокопьевич, 1927 г.р., (родители – украинские переселенцы из Полтавской области), род. в с. Владимировка Кировского района

- Приморского края. Место проживания: с. Крыловка Кировского района Приморского края.
10. Гелеверё Евдокия Михайловна, 1920 г.р., украинка, род. в с. Ялинцы Кременчугского района Полтавской губернии. Место проживания: с. Ново-Девница Хорольского района Приморского края.
 11. Гребенщиков Иван Васильевич, 1916 г.р. Место проживания: с. Хороль Хорольского района Приморского края.
 12. Есипенко Надежда Васильевна, 1911 г.р., украинка, род. в с. Муровка Красноармейского района Приморского края. Место проживания: с. Лукьяновка Красноармейского района Приморского края.
 13. Кириченко Надежда Мефодьевна, 1927 г.р., украинка, род. в с. Грушковка Гребенковского района Полтавской области. Место проживания: с. Кировка Кировского района Приморского края.
 14. Ковяхова Лидия Алексеевна, 1913 г.р., (родители – белорусские переселенцы), род. в с. Харитоновка Шкотовского района Приморского края. Место проживания: с. Многоудобное Шкотовского района Приморского края.
 15. Коротич Раиса Андреевна, 1940 г.р., (родители – украинские переселенцы), род. в г. Спасск-Дальний. Место проживания: г. Владивосток.
 16. Кухарец Зинаида Григорьевна, 1925 г.р., украинка, род. в с. Муромка Красноармейского района Приморского края. Место проживания: с. Лукьяновка Красноармейского района Приморского края.
 17. Ластовецкая Анна Павловна, 1917 г.р., украинка. Место проживания: с. Тилянза Анучинского района Приморского края.
 18. Леоненко Галина Андреевна, 1932 г.р., украинка, род. в с. Холмы Холменского района Черниговской области. Место проживания: г. Владивосток.
 19. Лиман Александра Изосимовна, 1913 г.р., (родители – переселенцы из Сосницкого района Черниговской губернии). Место проживания: с. Кировка Кировского района Приморского края.

20. Литовченко Нина Андреевна, 1915 г.р., (родители – белорусские переселенцы из Черниговской губернии). Место проживания: с. Сергеевка Партизанского района Приморского края.
21. Лущик Татьяна Ивановна, 1928 г.р., род. в с. Ольховка Кировского района Приморского края. Место проживания: с. Шмаковка Кировского района Приморского края.
22. Мартынюк Елена Ивановна, 1944 г.р., (родители – белорусские переселенцы), род. в с. Кибирщина Красногорского района Брянской области. Место проживания: г. Уссурийск.
23. Михайлова Фёкла Калиновна, 1928 г.р., белоруска, род. в с. Ивановичи Могилёвского района Могилёвской области. Место проживания: с. Богуславец Красноармейского района Приморского края.
24. Моисеева Мария Юрьевна, 1912 г.р., (родители – белорусские переселенцы из Гомельской губернии). Место проживания: с. Рощино Красноармейского района Приморского края.
25. Пидручная Мария Прохоровна, 1924 г.р., украинка. Место проживания: с. Новонежино Шкотовского района Приморского края.
26. Редлих Мария Федоровна, 1908 г.р., (родители – белорусские переселенцы). Место проживания: с. Новицкое, Партизанского района Приморского края.
27. Семенцова Нина Павловна, 1960 г.р., украинка, (родители – переселенцы из Черниговской и Хмельницкой области). Место проживания: с. Николаевка Михайловского района Приморского края.
28. Соболев Василий Васильевич, 1911 г.р. Место проживания: с. Золотая Долина Партизанского района Приморского края.
29. Талвинская Евдокия Ефимовна, 1913 г.р., (родители – белорусские переселенцы), род. в с. Малоудобное Суражского уезда Черниговской губернии. Место проживания: с. Многоудобное Шкотовского района Приморского края.

30. Терентьева Анастасия Ивановна, 1940 г.р., белоруска, род. в с. Боклань Петриковского района Гомельской области. Место проживания: г. Уссурийск.
31. Фомина Мария Дмитриевна, 1937 г.р., белоруска, (родители – белорусские переселенцы из Черниговской (с. Неглюбка) и Гомельской губерний). Место проживания: с. Николаевка Михайловского района Приморского края.
32. Шимко Мария Николаевна, 1917 г.р., украинка, род. на Полтавщине. Место проживания: с. Хороль Хорольского района Приморского края.